

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ, ПОЛИТОЛОГИИ
И РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ

КОМИТЕТА НАУКИ

МИНИСТЕРСТВА НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Додонов В.Ю.

**ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ
ТРАНСФОРМАЦИИ КАЗАХСТАНСКОГО
СОЦИУМА: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Алматы, 2025

УДК 338(574)
ББК 65.05 (5 Каз.)
Д 60

*Рекомендовано Ученым Советом Института философии, политологии
и религиоведения Комитета науки МНВО РК*

Д 60 Додонов В.Ю. Экономический контекст трансформации казахстанского социума: вызовы и перспективы. Монография. – Алматы: «Институт философии, политологии и религиоведения» КН МНВО РК, 2025. – 184 с.

ISBN – 978-601-311-342-5

В монографии рассматриваются процессы социально-экономической трансформации казахстанского социума в основных сферах. Анализируется экономический контекст социальной модернизации, включая основные макроэкономические факторы, определяющие ход этого процесса, прогресс человеческого капитала Казахстана, а также влияние на него цифровизации в последние годы. Важнейшими проблемами трансформации и модернизации социума являются изменения на рынке труда и ситуация в области социально-экономического неравенства, каждой из которых посвящена отдельная глава книги. Особое внимание при исследовании рассматриваемых процессов уделяется актуальным в настоящее время вызовам, зачастую радикально меняющим устойчивые ранее шаблоны и нарративы в области социально-экономических отношений – цифровизации, внешней турбулентности, сдвигам в государственной экономической политике.

Монография рассчитана на научных работников, преподавателей, докторантов, магистрантов и студентов, занимающихся проблемами экономики, социального развития, труда и занятости, уровня жизни населения.

**Монография подготовлена в рамках программно-целевого финансирования BR2182302 «Казахстанский социум в условиях цифровой трансформации: перспективы и риски».*

УДК 338 (574)
ББК 65.05 (5 Каз.)

ISBN–978-601-311-342-5 © РГП на ПХВ «Институт философии, политологии
и религиоведения» КН МНВО РК, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Глава 1. Предпосылки и условия трансформации и модернизации казахстанского социума	
1.1. Экономический контекст социальной модернизации Казахстана.....	8
1.2. Прогресс Казахстана в международных рейтингах оценки человеческого капитала и его факторы.....	19
1.3. Процессы и индикаторы качественного изменения общественной среды под воздействием цифровизации.....	38
Глава 2. Трансформации рынка труда и занятости: вызовы, тенденции, сценарии	
2.1. Методологические подходы к выделению отраслевых приоритетов занятости в контексте процесса ее реструктуризации.....	56
2.2. Сценарии развития казахстанского рынка труда и механизмы реструктуризации занятости в условиях турбулентности внешней среды.....	76
2.3. Цифровизация как фактор трансформации рынка труда и занятости.....	101
Глава 3. Проблемы социально-экономического неравенства в Казахстане	
3.1. Межбюджетные отношения в Казахстане – состояние и основные тенденции в контексте социальной справедливости.....	112
3.2. Этническая фракционализация и неравенство доходов: на примере регионов Казахстана.....	121

3.3. Состояние и дифференциация социально-экономического положения сельского и городского населения Казахстана в 1980-2020-х годах.....	139
3.4. Основные показатели рынка труда и уровня жизни населения южных регионов Казахстана.....	159
Список литературы.....	170

ПРЕДИСЛОВИЕ

Трансформация казахстанского социума является многогранным процессом, затрагивающим практически все стороны общественной жизни. В силу этой многоплановости, данный процесс также обусловлен и столь же разнообразными факторами, определяющими его векторы и интенсивность. В числе этих факторов одним из наиболее заметных является, на наш взгляд, экономический. Экономические предпосылки обуславливают не только ход общественной трансформации в ряде важных сфер, но зачастую определяют саму возможность таких трансформаций, а их отсутствие может затормозить соответствующие процессы, либо направить их по другим направлениям, в том числе, и нежелательным. Так, поскольку инициатором трансформаций (реформ) в различных сферах, как правило, выступает государство, то и их реализация зависит от наличия у государства соответствующего экономического ресурса – финансового, материального, производственного и пр. Отсутствие такого ресурса, то есть, экономических предпосылок и условий может привести либо к отсутствию ожидаемого от трансформаций результата, либо к неожиданным результатам.

Таким образом, экономический контекст трансформаций социума очень важен, как в процессе инициирования и проектирования этих трансформаций, так и в процессе их реализации и, если угодно, управления ими (поскольку инициаторы любых трансформаций надеются управлять их ходом). В этой связи, рассмотрение некоторых аспектов социальных трансформаций, имеющих экономическое измерение, либо тесно связанных с экономическими процессами представляет определенный на-

учный интерес. В настоящем издании рассмотрены такого рода аспекты трансформации казахстанского социума, равно как и некоторые важные на современном этапе экономические предпосылки и условия этой трансформации. В частности, дан обзор текущей макроэкономической ситуации, ситуации с состоянием и эволюцией человеческого капитала и его оценкой ведущими мировыми индексами, а также рассмотрено влияние процессов цифровизации на социально-экономические процессы Казахстана.

В области исследования собственно процессов трансформации социума основной акцент сделан на двух сферах – рынке труда и занятости, которые в последние годы переживают достаточно существенные сдвиги как в отраслевой структуре, так и в востребованности различных, в том числе, новых профессий, а также проблематике неравенства. Последняя имеет особое значение в контексте трансформации социума, поскольку неравенство, будь то неравенство доходов, собственности, уровня жизни, доступа к тем или иным благам и ресурсам воспринимается этим социумом достаточно остро. В данном случае чисто экономическая проблематика таких аспектов, как оплата труда, отраслевая структура региональной экономики и т.п. трансформируется в более общие категории эффективности и справедливости действующей общественно-политической формации и может иметь самые разные последствия. В настоящем издании проблемы неравенства рассматриваются в нескольких направлениях, включая межбюджетные отношения, которые также отражают неравенство регионального бюджетного процесса; взаимосвязь неравенства доходов населения и этнического разнообразия в регионах Казахстана; дифференциацию социально-экономического положения городского и сельского населения страны; специфику ситуации с занятостью и доходами в южных регионах.

Исследование всех рассматриваемых в настоящей монографии проблем опирается на актуальные в мировой науке тенденции, методы и подходы к их изучению. Большинство выводов подкреплены анализом широкого круга показателей, многие из которых рассмотрены в максимально возможной по доступности статистических данных ретроспективе. Эти особенности исследования позволили сделать достаточно обоснованные выводы относительно состояния рассматриваемых проблем и тенденций их изменения. По нашему мнению, ознакомление с настоящим изданием позволит заинтересованному читателю получить достаточно полное представление о некоторых основных направлениях трансформации казахстанского социума, а также экономическом контексте, факторах и условиях этой трансформации.

Глава 1. ПРЕДПОСЫЛКИ И УСЛОВИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ И МОДЕРНИЗАЦИИ КАЗАХСТАНСКОГО СОЦИУМА

1.1. Экономический контекст социальной модернизации Казахстана

Социальная модернизация общества, являясь чрезвычайно масштабной и амбициозной задачей общенационального охвата, требует и столь же значительной ресурсной базы для успешного осуществления. Поскольку инициатива социальной модернизации исходит от государства, то и значительный (если не основной) объем финансирования требующихся в ее ходе процессов также будет осуществлять государство, то есть, государственный бюджет и Национальный фонд. В этой связи возникает вопрос о наличии в государственной финансовой системе соответствующих ресурсов, о ее состоянии в целом, и об основных сферах казахстанской экономики, которые определяют, как состояние государственных финансов, так и общую экономическую, а, следовательно, и социальную ситуацию в стране.

Экономическая ситуация в целом в течение последнего десятилетия характеризуется умеренным ростом с неровной динамикой. В период с 2013 по 2022 годы ВВП Казахстана менялся в интервале от -2,5% в 2020 году до 6% в 2013 году, а средний показатель составил 3%. Это значение существенно ниже аналогичного показателя предыдущего десятилетия (2003-2012 гг.), когда оно составляло 7,2%, и иллюстрирует резкое замедление макроэкономической динамики. Низкие темпы экономического роста и ряд сопутствующих факторов обусловили и

стагнацию многих других важных индикаторов, особенно душевых, так как замедленная макроэкономическая динамика сопровождалась достаточно интенсивным ростом населения (на 13,1% с 2012 по 2021 годы). Так, по итогам 2022 года долларовой размер ВВП на душу населения в Казахстане (11229 долл.) был ниже, чем в 2011 году (11635 долл.)¹, то есть, в течение последних двенадцати лет по этому параметру не было прогресса. Сходная ситуация наблюдается со среднедушевыми доходами населения, долларовой эквивалент которых в 2021 году (307 долл.) был ниже показателя 2011 года (313 долл.), а также с размером среднемесячной номинальной заработной платы (584 и 614 долл. соответственно). Ряд макроэкономических параметров также на протяжении длительного времени стагнирует, оставаясь на уровнях десятилетней и более давности – такова ситуация с внешнеторговым оборотом и экспортом, инвестициями в основной капитал, притоком иностранных инвестиций и рядом других параметров.

В значительной мере такое положение вещей обусловлено сырьевым характером экономической модели страны и особенностями, присущими как такому сырьевому типу экономики в целом, так и специфике ее реализации в Казахстане. Основной из таких особенностей является экстенсивный характер экономического роста, который происходит бурно в период освоения крупных месторождений, но по мере стабилизации добычи извлекаемого из них сырья прекращается. Эта особенность хорошо прослеживается в Казахстане, где с конца 90-х годов существует явно выраженная взаимосвязь между объемами добываемой нефти и темпами роста ВВП (рис.1).

¹ Основные социально-экономические показатели Республики Казахстан. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://old.stat.gov.kz/> (дата обращения: 29.08.2023).

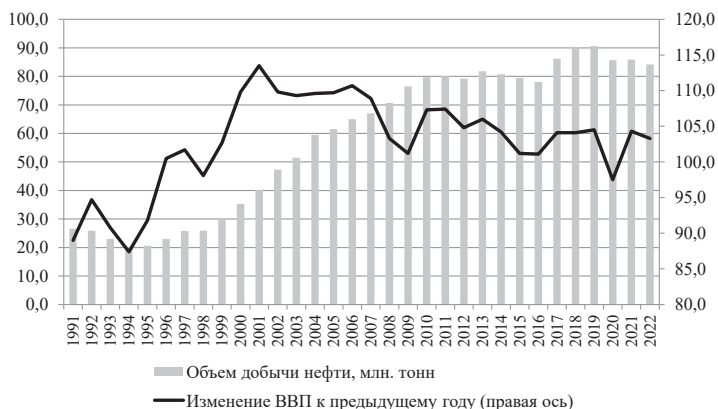

Рисунок 1. Сравнительная динамика темпов роста ВВП Казахстана и объемов нефтедобычи.¹

Интенсивный экономический рост происходил в период активного освоения крупнейших нефтяных месторождений и быстрого увеличения добычи нефти и газового конденсата с конца 90-х годов до 2009 года. После стабилизации объемов нефтедобычи на уровне 80-90 млн. тонн в год этот источник экономического роста был исчерпан и динамика ВВП резко замедлилась – в период с 2009 по 2022 годы средние темпы роста казахстанской экономики составили 3,6% против 8,7% в период 1999-2008 годов.

Создание сырьевой экономической модели сформировало также и сильную зависимость макроэкономических показате-

¹ Рассчитано по данным Национального бюро статистики: Производство промышленной продукции в горнодобывающей промышленности и разработке карьеров в Республике Казахстан. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://old.stat.gov.kz/official/industry/151/statistic/8> (дата обращения: 31.08.2023); Основные социально-экономические показатели Республики Казахстан. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://old.stat.gov.kz/> (дата обращения: 29.08.2023).

лей и ситуации в ключевых сферах от конъюнктуры мировых товарных рынков – биржевые цены на нефть оказывали еще более сильное влияние на экономическое положение Казахстана, чем объем нефтедобычи. На рисунке 2 представлена тесная взаимосвязь между долларовым размером ВВП и ценой нефти, но и другие ключевые макроэкономические параметры казахстанской экономики столь же сильно зависимы от нефтяных цен. Коэффициент корреляции (на данных периода 1993-2022 гг.) между ценой нефти и объемом экспорта составляет 0,97, между ценой нефти и объемом валового притока прямых иностранных инвестиций – 0,90, между ценой нефти и ВВП в долларах – 0,87.

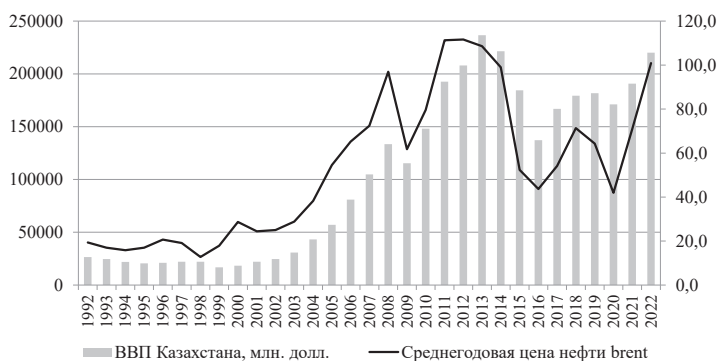

Рисунок 2. Сравнительная динамика объема ВВП Казахстана в долларовом выражении и цены на нефть Brent¹.

Таким образом, практически все ключевые макроэкономические показатели (а также производные от них параметры,

¹ Рассчитано по данным из следующих источников: Основные социально-экономические показатели Республики Казахстан. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://old.stat.gov.kz/> (дата обращения: 29.08.2023); Spot Prices (Crude Oil in Dollars per Barrel, Products in Dollars per Gallon). U.S. Energy Information Administration. URL: https://www.eia.gov/dnav/pet/pet_pri_spt_s1_d.htm (дата обращения: 31.08.2023).

включая государственные финансы и индикаторы уровня жизни) стали очень сильно зависимыми от мировых нефтяных цен. Эта зависимость установилась после достижения нефтяной отраслью максимального удельного веса в казахстанской экономике в 2009-2010 годах, когда продукция нефтегазового сектора формировала около четверти ВВП. Несмотря на то, что впоследствии этот показатель снизился до 18-19%, нефтяной сектор в совокупности со смежными отраслями остается доминирующим в экономике Казахстана, а стоимостные объемы его производства определяются, в первую очередь, мировыми ценами на нефть, поэтому и зависимость казахстанской экономики от мировых товарных рынков сохраняется на очень высоком уровне. Соответственно, прекращение роста нефтяных цен после достижения ими пика в 2012 году наряду с прекращением интенсивного роста добычи нефти в эти же годы обусловило начало стагнации основных макроэкономических и, как следствие, социальных показателей Казахстана.

Преимущественно сырьевые драйверы роста казахстанской экономики обуславливают ее хроническую основную проблему – низкую производительность, которая сильно зависит от мировой ценовой конъюнктуры – в периоды высоких цен производительность растет, в периоды их снижения – падает. В значительной мере это является следствием того, что именно горнодобывающая промышленность является в Казахстане видом деятельности с максимальной производительностью труда (таблица 1), которая в несколько раз превышает средний по экономике показатель (10083 тысяч тенге для 2022 года). По этой причине данная отрасль остается стержневой для казахстанской экономики, а ее зависимость от конъюнктуры мировых цен определяет и всю социально-экономическую ситуацию в стране.

Таблица 1. Виды экономической деятельности Казахстана по объему производства валовой добавленной стоимости на одного занятого в 2022 году (тыс. тенге).¹

Горнодобывающая промышленность и разработка карьеров	55345
Обрабатывающая промышленность	22700
Финансовая и страховая деятельность	17027
Профессиональная, научная и техническая деятельность	13512
Информация и связь	12670
Оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей и мотоциклов	11380
Транспорт и складирование	9978
Снабжение электроэнергией, газом, паром, горячей водой и кондиционированным воздухом	9809
Операции с недвижимым имуществом	9769
Строительство	8278
Деятельность в области административного и вспомогательного обслуживания	7902
Предоставление прочих видов услуг	6829
Искусство, развлечения и отдых	6735
Предоставление услуг по проживанию и питанию	5303
Здравоохранение и социальное обслуживание населения	5274
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	4608
Государственное управление и оборона; обязательное социальное обеспечение	3856
Образование	3699
Водоснабжение сбор, обработка и удаление отходов; деятельность по ликвидации загрязнений	2940

¹ Источник: Производительность труда. Статистика национальных счетов. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://old.stat.gov.kz/official/industry/11/statistic/8> (дата обращения: 31.08.2023).

Низкая производительность большинства видов экономической деятельности, отстающая от ее общего уровня по экономике (только шесть из девятнадцати макроотраслей имеют производительность выше среднего уровня) и тот факт, что добывающий сектор является самым производительным, еще более обостряет проблему неэффективности сырьевой модели и ее недостаточной конкурентоспособности. Именно этим фактором обусловлена так называемая «ловушка среднего дохода». Валовой национальный доход на душу населения в Казахстане с 2010 по 2020 годы практически не изменился (составив 7917 и 7959 долл.), тогда как среднемировой показатель увеличился за этот период на 15%. Казахстан по этому показателю вновь начал отставать от мира, тогда как с 2000 года сокращал отставание, а в 2012-2014 годах даже опережал мировой показатель (рис.3).

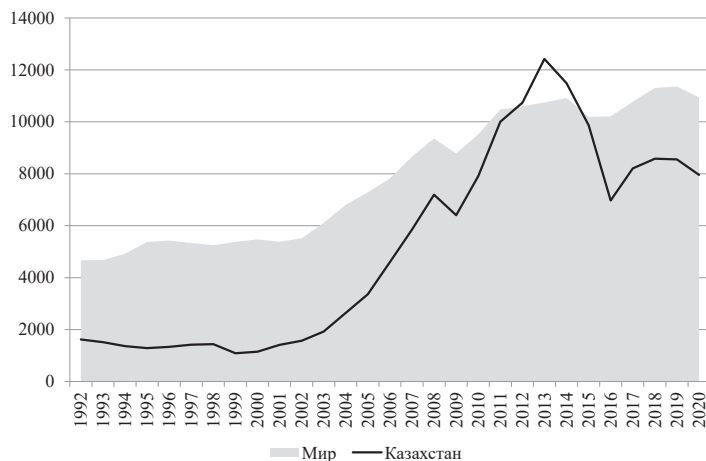

Рисунок 3. Динамика объема ВВП на душу населения Казахстана в сопоставлении с мировым показателем, долл.¹

¹ Рассчитано по данным из следующего источника: Nominal GNI, total and per capita, annual. UNCTADStat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx> (дата обращения: 12.07.2023).

С максимального уровня 2013 года ВНД на душу населения Казахстана к 2020 году снизился на треть, а отставание от мирового показателя превысило 27% – уровень, характерный для середины 2000-х годов. Основным фактором ухудшения ситуации стало падение нефтяных цен после достижения ими пиковых уровней в 2012-13 гг., а также снижение курса тенге, негативно отразившееся на долларовых показателях ВНД. В то же время, определенный вклад внесли и такие факторы, как высокая доля иностранных компаний в ВВП, которая обуславливает меньший прогресс ВНД по сравнению с ВВП, а также рост численности населения, из-за которого подушевые показатели растут медленнее, чем абсолютные, и последний фактор также является причиной стагнации и снижения производительности труда в стране.

Снижение производительности казахстанской экономики происходит в условиях, когда необходимо поддерживать относительно высокие и стабильные доходы населения и жизненные стандарты, достигнутые в годы максимальных цен на нефть, а также изыскивать дополнительные источники финансирования процессов социальной модернизации. В Казахстане на протяжении большей части XXI века изменение реальных доходов населения опережало экономический рост, иногда очень значительно (рис.4). Это значит, что рост доходов не был обеспечен реальным ростом ВВП, то есть, потреблялось больше, чем производилось. Уровень доходов населения в такие периоды в значительной мере обеспечивался государственными расходами, а не естественными факторами увеличения производительности экономики, что осложняло ситуацию с государственными финансами.

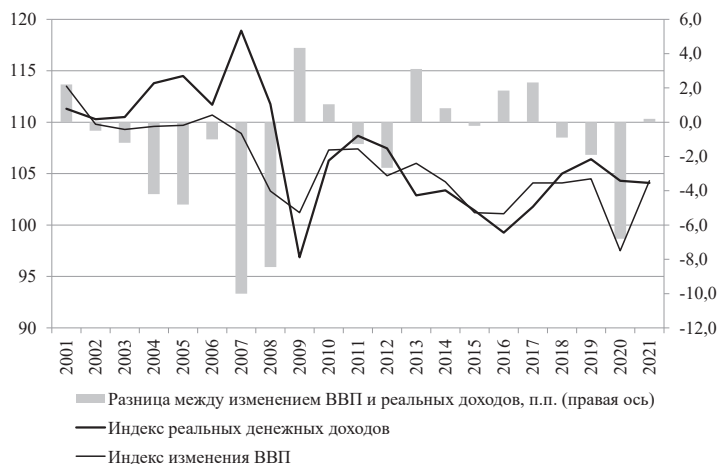

Рисунок 4. Разница между изменением ВВП и реальными денежными доходами населения Казахстана в XXI веке.¹

Наиболее сложными в этом отношении были 2007-2008 годы, и они предшествовали формированию ряда проблем в сфере государственных финансов, в том числе, резкому росту доли трансфертов из Национального фонда в доходах республиканского бюджета (которая в 2009 году превысила 40%), быстрому увеличению объема государственного долга и столь же быстрому наращиванию объема и удельного веса расходов на его обслуживание в республиканском бюджете. В период конца нулевых годов эти проблемы не были острыми, так как уровни соответствующих параметров были низки – в 2007 году размер госдолга составлял всего 7,3% ВВП, расходы на его обслуживание в республиканском бюджете – 1,6%, Национальный фонд

¹ Рассчитано по данным Национального бюро статистики: Основные социально-экономические показатели Республики Казахстан. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://old.stat.gov.kz/> (дата обращения: 29.08.2023)

увеличивался в размере и легко справлялся с выросшим объемом трансфертов в бюджет.

Однако в настоящее время, когда вновь обострилась проблема недостаточной производительности экономики и доходы заметно увеличившегося населения опять потребовалось поддерживать с использованием государственного ресурса в условиях слабого роста ВВП, ситуация с государственными финансами уже намного хуже. Постоянный рост правительственного долга довел его размер к 1.04.2025 до 32 трлн. тенге (почти 24% ВВП), а государственного и гарантированного государством долга – почти до 34 трлн.¹ (более 25% ВВП), доля расходов республиканского бюджета на обслуживание долга выросла до 11,1% в 2024 году, в 2025 году запланирована на уровне 11,7%. Трансферты из Национального фонда остаются очень высокими, а неоднократные намерения по их сокращению до уровня в 2 трлн. тенге, которые планировались с 2018 года, не осуществились ни в одном из последующих годов. Это привело к снижению относительного объема фонда до 25% ВВП на конец 2022 года – ниже уровня в 30% ВВП, который длительное время фигурировал в качестве минимально возможного предела в профильных документах, – с дальнейшим снижением, которое к концу 2024 года опустило этот показатель до 20,5%. При этом перспективы сохранности Национального фонда (и, как следствие, сохранения его опорной роли в формировании республиканского бюджета) ухудшаются – как по причине сохраняющихся бюджетных проблем, требующих больших трансфертов, так и вследствие начала его расходования на выплату половины инвестиционного дохода детям. Таким образом, текущая ситуация с

¹ Статистический бюллетень Министерства финансов РК на 1.04.2025. Министерство финансов Республики Казахстан. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/minfin/documents/5?lang=ru> (дата обращения: 4.09.2023).

государственными финансами делает невозможным в длительной перспективе (от пяти лет и более) выполнение ими функции поддержки доходов населения за счет постоянного увеличения выплат бюджетникам и иных стимулов, а также ставит под вопрос возможности дополнительного финансирования проектов, связанных с реализацией целей социальной модернизации.

Эта ситуация наряду с прекращением выполнения нефтяным сектором функции локомотива экономического роста означает, что в перспективе нескольких ближайших лет у Казахстана не останется значимых драйверов развития. Положение усугубляется тем, что прежние факторы экономического роста работают на растущее население – в XXI веке население Казахстана выросло на 33%, с 2011 по 2022 годы – на 19% (по этой причине как ВВП, так и ВНД на душу населения в 2022 году заметно ниже, чем в 2012 году при примерно таком же размере их абсолютного объема и уровне цен на нефть). При этом рост рабочей силы значительно уступает росту населения – с 2011 по 2022 годы численность рабочей силы выросла всего на 7,5% при росте численности населения на 19%, то есть, доля генерирующих доходы граждан становится меньше, что еще больше усугубляет проблему низкой производительности труда.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что экономический контекст социальной модернизации Казахстана в настоящее время представляется скорее неблагоприятным. Это выражается в замедлении темпов роста экономики на фоне прекращения действия фактора нефтедобычи, которая перестала быть драйвером ускоренного промышленного роста; исчерпанию возможности государственного стимулирования экономики за счет опережающего роста бюджетных расходов; сохранении низкой производительности труда, ограничивающей возможности экономики генерировать добавленную стои-

мость с требуемой интенсивностью; высоких темпах роста населения, тормозящих и даже снижающих динамику подушевых индикаторов социально-экономического развития. В этих условиях процессы социальной модернизации могут тормозиться экономическими ограничениями.

1.2. Прогресс Казахстана в международных рейтингах оценки человеческого капитала и его факторы

Проблематика оценки человеческого капитала и человеческого развития имеет многочисленные аспекты, которые обуславливают различия в подходах к его оценке. Существуют подходы скорее прагматического характера, в рамках которых человеческий капитал оценивается как фактор производства на корпоративном уровне с позиции управления человеческими ресурсами¹. При таком подходе человеческий капитал рассматривается как рабочая сила и оценивается с точки зрения квалификации и навыков, позволяющих выполнять соответствующие трудовые операции. Существует и другой подход, макроуровня, в рамках которого человеческий капитал оценивается как важнейший фактор развития стран, регионов и человечества в целом, исследуются взаимосвязи между уровнем развития человеческого капитала и различными аспектами социально-эко-

¹ См. например: Becker, C., S. Human Capital. A Theoretical and Empirical Analysis with Special References to Education, 3-th edition, The University of Chicago Press, 1993.; Di Bartolo, A. Modern Human Capital Analysis: Estimation of US, Canada and Italy Earning Functions). Working Paper No. 212, Dipartimento di Statistica, Università degli studi di Milano-Bicocca, 1999; Human Capital Management Assessment Blueprint Tool. Grameen Foundation, USA, 2011. URL: <https://sptf.info/images/RC-Dim-5-Grameen-Foundation-HCM-Assessment-Blueprint-Tool.pdf> (дата обращения: 7.04.2023); S. Dust. A Field Guide To Human Capital Assessments. URL: <https://static1.squarespace.com/static/56cb005c9f7266019ea848bb/t/61314f6454e0086789d90a26/1630621541146/A+Field+Guide+to+Human+Capital+Assessments+Doc+Final.pdf> (дата обращения: 7.04.2023).

номического развития, а также обосновывается необходимость инвестирования соответствующих направлений, обеспечивающих прогресс в данной сфере. Этот подход преобладает как в ряде исследований и оценок практических проектов¹, так и на уровне концептуального осмысления роли факторов человеческого развития².

Исследования в рамках данного подхода вылились в создание количественных методов оценки человеческого капитала в форме комплексных показателей. Наиболее известным из них является Индекс человеческого развития (Human Development Index), разработанный Программой развития ООН (UNDP) и рассчитываемый на ежегодной основе с 1990 года. Всемирный банк (ВБ) предпринял свою попытку индексной оценки человеческого капитала и в 2018 году был впервые представлен Индекс человеческого капитала (Human Capital Index), который был обновлен в 2020 и в 2022 годах. Текущая версия индекса и данные Проекта развития человеческого капитала ВБ, в рамках которого он рассчитывается, содержат изменения компонентов этого индикатора с 2010 по 2020 годы, которые, таким образом,

¹ См. например: The Human Capital Project in Sub-Saharan Africa: Stories of Progress. The World Bank, November 5, 2018. URL: <https://www.worldbank.org/en/region/afr/publication/the-human-capital-project-in-sub-saharan-africa-stories-of-progress> (дата обращения: 7.04.2023); Investing in Human Capital for a Resilient Recovery : The Role of Public Finance. The World Bank, 2021. URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/changing-wealth-of-nations/publication/investing-in-human-capital-for-a-resilient-recovery-the-role-of-public-finance> (дата обращения: 7.04.2023); Building Human Capital : Lessons from Country Experiences - Ireland. World Bank, 2021. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/ed852279-ff4c-564f-9571-900a1865a09b> (дата обращения: 7.04.2023).

² М. Ул Наг. The Advent of the Human Development Report/ Reflections on Human Development. Oxford University Press, 1995.; А. Сен. The ends and means of development /Development as Freedom. Oxford University Press, 1999; F. Stewart. Capabilities and Human Development: Beyond the individual – the critical role of social institutions and social competencies. Human Development Report Office Occasional Paper, 2013/03.

также могут дать определенное представление о тенденциях освещаемых им сфер в течение этого периода.

Оба индекса концентрируются на оценке качества жизни, уделяя приоритетное внимание таким его измерениям, как долголетие, здоровье, образование. Разработка Индекса человеческого развития (ИЧР) в свое время была попыткой создать макроиндикатор, позволяющий оценивать и сравнивать качество социально-экономического развития на более комплексной основе, чем использование макроэкономических показателей, таких, как ВВП или ВНП. В то же время, в рамках ИЧР макроэкономический показатель (валовой национальный доход (ВНД) на душу населения) также учитывается как один из трех компонентов, так как уровень производимого национальной экономикой продукта во многом обуславливает жизненные стандарты. Двумя другими (из трех) индексами, формирующими агрегированный ИЧР, являются индекс ожидаемой продолжительности жизни и индекс образования. Индекс человеческого капитала ВБ, в отличие от ИЧР, не содержит макроэкономических показателей. Данный индекс также состоит из трех компонентов – «выживаемость» (детская выживаемость от рождения до достижения школьного возраста), «школа» (ожидаемая продолжительность школьного образования и результаты тестов, оценивающих его качество) и «здоровье» (уровень выживаемости взрослых и доля детей без отставания в росте).

Индекс человеческого развития ООН имеет значительно более длительную историю, что позволяет более подробно рассмотреть тенденции изменения казахстанских показателей. В истории ИЧР были множественные коррекции методологии (и даже названия – на протяжении продолжительного времени он назывался Индексом развития человеческого потенциала), которые приводили не только к изменению роли и веса отдельных

индикаторов, но и к существенным подвижкам отдельных стран в рейтинге как по значению данного индекса (после пересчета в соответствии с новыми методиками), так и по занимаемым позициям. Это относится и к Казахстану, поэтому, прежде чем оценивать динамику изменения казахстанских показателей в ИЧР в соответствии с текущей его методологией и актуальной на начало 2023 года базой данных, целесообразно вкратце остановиться на ранних этапах расчета индекса и тех оценках, которые давались в свое время Казахстану.

Несмотря на то, что современная база данных отсчитывает рейтинги Казахстана и большинства постсоветских республик с 1990 года, в Докладе о человеческом развитии 1990 года¹ ни одной из них не было по очевидной причине отсутствия на тот момент соответствующих государств, еще входивших в СССР. В Докладе 1991 года также не было постсоветских государств, но уже был СССР (аналогичная ситуация была в Докладе 1992 года), который, по принятой в тот период методологии разделения развитых и развивающихся стран, занимал для 1990 года 31 место среди индустриально развитых государств с индексом, равным 0,908² (что значительно выше значений этого индекса для всех постсоветских стран, позднее присвоенных им задним числом для 1990 года).

Новые независимые постсоветские государства впервые появляются в Докладе 1993 года, причем в нем все они без исключения были отнесены к индустриальным странам с позициями в общем рейтинге от 29-й (Литва) до 88-й (Таджикистан) и со значениями Индекса человеческого развития от 0,657 до 0,881. Казахстан в Докладе 1993 года занимал 54 место со значением ИЧР,

¹ Human Development Report 1990. Published for the United Nations Development Programme (UNDP). New York, Oxford. Oxford University Press, 1990. – p 189.

² Human Development Report 1991. Published for the United Nations Development Programme (UNDP). New York, Oxford. Oxford University Press, 1991. P.15.

равным 0,802¹. Аналогичный подход к постсоветским странам сохранился в Докладах 1994-98 годов, хотя в этот период все они, включая Казахстан, уже теряли как баллы, так и позиции в рейтинге. Начиная с Доклада 2000 года, было убрано деление стран на развитые и развивающиеся, и введена их градация на уровни человеческого развития, сохранившаяся до настоящего времени – страны с высоким, средним и низким уровнями (в дальнейшем количество этих градаций выросло до четырех с введением «очень высокого уровня» ЧР). В этом Докладе Казахстан входил в группу стран со средним уровнем человеческого развития, находясь на 73 позиции со значением Индекса в 0,754².

Позднее, после очередного изменения методологии расчета индекса, были пересчитаны баллы и позиции стран, и в текущей базе данных ИЧР Казахстана для 1990 года составляет 0,673, что соответствует 53-й позиции из 141 страны (в настоящее время в рейтинг входит 195 стран и территорий). Таким образом, текущая база данных дает Казахстану значительно меньшее количество баллов для 1990 года по сравнению как со значением СССР, в который Казахстан входил в том году, так и со значением первого его появления в рейтинге в качестве независимого государства (рис.5). Также можно отметить, что очень значительный прогресс Казахстана в рейтинге ИЧР в течение тридцати лет, в результате которого по итогам 2021 года национальный индекс достиг значения в 0,811, все равно остается ниже аналогичного значения СССР и очень незначительно превосходит уровень первого казахстанского индекса из Доклада о человеческом развитии 1993 года.

¹ Human Development Report 1993. Published for the United Nations Development Programme (UNDP). New York, Oxford. Oxford University Press, 1993. P.11.

² Human Development Report 2000. Human Rights and Human Development. Posted on: JANUARY 01, 2000. UNDP. URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2000> (дата обращения: 5.04.2023).

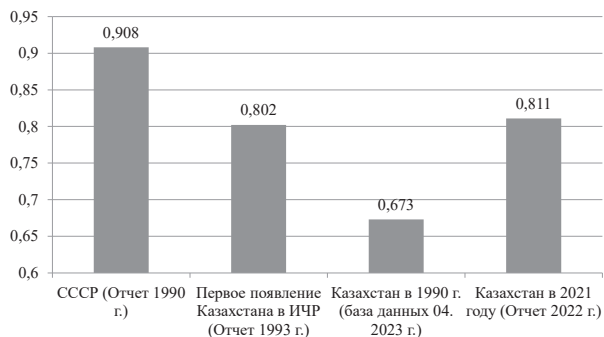

Рисунок 5. Индекс человеческого развития Казахстана в текущей базе данных ОЧР в сопоставлении с показателями аналогичных отчетов 1990 и 1993 годов.¹

Рассматривая динамику значений ИЧР Казахстана в период с 1990 по 2021 годы, можно выделить несколько этапов (рис.6). В первые шесть лет, с 1990 по 1995 годы значение индекса снижалось до минимального уровня в 0,655, после чего начался период непрерывного подъема, длившийся до 2019 года. В 2000 году ИЧР Казахстана превзошел уровень 1990 года, что можно считать отражением общей социально-экономической ситуации, в целом стабилизировавшейся к началу XXI века после упадка 90-х годов. Дважды в период роста казахстанского ИЧР отмечались годы стагнации его значения – в 2008 и в 2016 годах. Можно предположить, что это было связано с экономическим фактором и негативным влиянием компонента валового национального дохода в ИЧР, так как именно в эти периоды происходили сильнейшие внешние шоки (глобальный финансовый кри-

¹ Источники: Human Development Report 1990. Published for the United Nations Development Programme (UNDP). New York, Oxford. Oxford University Press, 1990. – p 189.; Human Development Report 1993. Published for the United Nations Development Programme (UNDP). New York, Oxford. Oxford University Press, 1993. - p. 230.; HDI Dataset. Human Development Index (HDI). UNDP. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index#/indicies/HDI> (дата обращения: 6.04.2023).

зис и обвальное падение нефтяных цен), дестабилизировавшие экономику Казахстана.

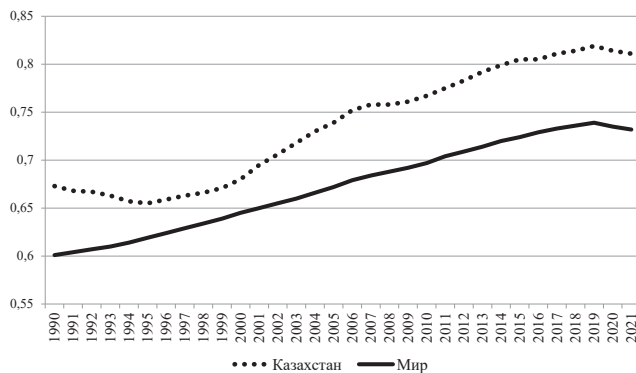

Рисунок 6. Динамика значений Индекса человеческого развития Казахстана в сопоставлении с ИЧР мира¹.

Период роста ИЧР Казахстана ознаменовался вхождением страны в группу государств с очень высоким уровнем человеческого развития, которое впервые было зафиксировано в Докладе 2018 года для данных за 2017 год. На тот момент значение ИЧР составило 0,800² – пороговый уровень для данной группы стран, но в текущей версии базы данных значение для индекса 2017 года составляет 0,811 из-за позднейших корректировок. В последующие годы Казахстан продолжал находиться в группе стран с очень высоким уровнем человеческого развития, продвигаясь внутри нее – если при первом появлении в 2018 году страна занимала последнее место в группе, то в Докладе 2022

¹ Источник: HDI Dataset. Human Development Index (HDI). UNDP. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index#/indicies/HDI> (дата обращения: 6.04.2023).

² Human Development Indices and Indicators 2018. Statistical Update. P.22. UNDP. URL: <https://hdr.undp.org/content/statistical-update-2018> (дата обращения: 17.04.2023).

года она имеет 56 позицию из 66 стран этой группы. После достижения пикового значения ИЧР (0,819 пунктов) в 2019 году впервые с 90-х годов ИЧР Казахстана стал снижаться. Это снижение происходило и в 2020, и в 2021 году, в результате чего значение индекса опустилось до 0,811. В то же время, следует отметить, что уменьшение значения казахстанского показателя соответствовало мировой тенденции, так как в эти же годы произошло снижение ИЧР мира, не имеющее прецедентов в истории расчета индекса.

Рассматривая прогресс Казахстана в рейтинге ИЧР в период 1990-2021 гг., целесообразно сравнить его с показателями других стран. Наиболее репрезентативным, на наш взгляд, будет сравнение с государствами постсоветского пространства, а также со средним значением индекса для мира и для групп стран, к которым относится или относился Казахстан в 1990 году (рис.7).

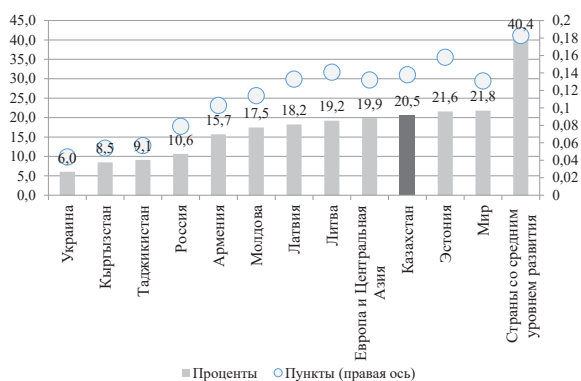

Рисунок 7. Изменение Индекса человеческого развития Казахстана с 1990 по 2021 годы в сопоставлении с другими постсоветскими странами и некоторыми группами стран¹.

¹ Рассчитано автором по данным из следующего источника: HDI Dataset. Human Development Index (HDI). UNDP. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/human>

Сопоставление Казахстана с другими постсоветскими государствами, по которым доступны данные с 1990 года¹, демонстрирует очень значительный прогресс. По количеству набранных в период с 1990 по 2021 годы пунктов (0,138) Казахстан уступает только Эстонии и Литве, а по процентному приросту значения индекса – только Эстонии. Также Казахстан опережает группу стран Европы и Центральной Азии, незначительно уступает росту среднемирового ИЧР, и значительно – группе стран со средним уровнем человеческого развития. Несмотря на более существенный прогресс, по значению ИЧР Казахстан в настоящее время (со значением индекса в 0,811) находится на 56 месте, ниже четырех постсоветских государств – Эстонии (31 место с ИЧР 0,89), Литвы (35 место, 0,875), Латвии (39 место, 0,863) и России (52 место, 0,822)², однако разрыв между Казахстаном и этими странами поступательно сокращается.

Рассматривая прогресс Казахстана по ИЧР, целесообразно также оценить факторы, обусловившие этот прогресс, те компоненты индекса, которые внесли больший вклад в его изменение. Индекс рассчитывается на основе четырех показателей (два из которых объединены в рамках одного компонента образования) и изменение данных показателей в период с 1990 по 2021 годы было очень неравномерным (таб. 3).

development-index#/indicies/HDI (дата обращения: 6.04.2023).

¹ Для нескольких постсоветских стран данные на 1990 год отсутствуют.

² The 2021/2022 Human Development Report. United Nations Development Programme, 2022. P.272.

Таблица 3. Изменение компонентов Индекса человеческого развития Казахстана в период с 1990 по 2021 годы¹.

Компоненты ИЧР	1990	2021	Изменение, %
Ожидаемая продолжительность жизни	64,9	69,4	6,9
Ожидаемые годы обучения	12,5	15,8	26,4
Среднее количество лет обучения	7,4	12,3	66,2
Валовый национальный доход на душу населения (по ППС)	13703	23943	74,7
Индекс человеческого развития	0,673	0,811	20,5

Наименьший прогресс за 32 года произошел в ожидаемой продолжительности жизни, которая выросла всего на 6,9% при увеличении значения ИЧР на 20,5%. Рост остальных трех показателей превысил среднее значение для индекса, при этом максимальную динамику продемонстрировал размер валового национального дохода на душу населения, рассчитанного по паритету покупательной способности (ППС), увеличившийся почти на 75% и ставший, таким образом, наиболее значимым фактором прогресса Казахстана в рейтинге человеческого развития.

Более наглядное представление о влиянии отдельных составляющих ИЧР на его динамику в течение 1990-2021 годов можно получить, рассмотрев изменение индексных значений данных показателей (значения 1990 года = 100) на всем протяжении рассматриваемого периода (рис.8). Соответствующие графики также демонстрируют отставание ожидаемой продолжительности жизни от динамики самого ИЧР, более того, за-

¹ Рассчитано автором по данным из следующего источника: HDI Dataset. Human Development Index (HDI). UNDP. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index#/indicies/HDI> (дата обращения: 6.04.2023).

метно, что именно этот показатель, единственный из четырех, заметно снизился в последние два года, что позволяет сделать вывод о том, что именно его снижение привело к уменьшению значения индекса. Очевидно, сокращение данного показателя, было обусловлено пандемией COVID-19, которая и стала причиной снижения ИЧР как в Казахстане, так и, впервые в истории этого индикатора, в мире. На пандемию, как основную причину сокращения ИЧР в мире, указывали в 2022 году и авторы Доклада о человеческом развитии: «...это уже стало очевидным во время пандемии Covid-19. Впервые в истории глобальное значение ИЧР снизилось, ... 90 % стран столкнулись с падением значения ИЧР либо в 2020, либо в 2021 году»¹.

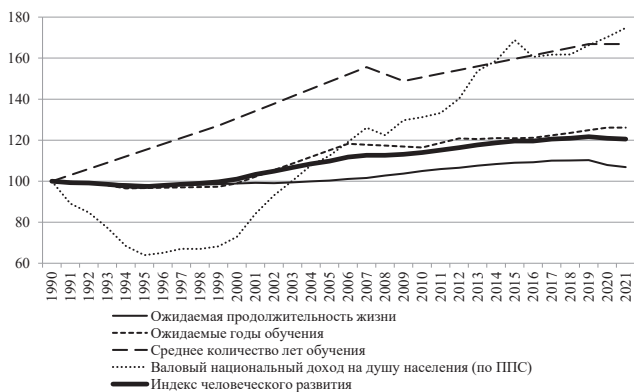

Рисунок 8. Динамика компонентов ИЧР Казахстана в 1990-2021 годах².

¹ Доклад о человеческом развитии 2021/2022. Резюме. С. 11. UNDP. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index#/indicies/HDI> (дата обращения: 12.04.2023).

² Рассчитано автором по данным из следующего источника: HDI Dataset. Human Development Index (HDI). UNDP. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index#/indicies/HDI> (дата обращения: 6.04.2023).

В отношении динамики других составляющих индекса можно отметить, что траектория движения показателя «ожидаемые годы обучения» (в данном показателе рассматривается детское образование) наиболее близка траектории самого ИЧР, а среднее количество лет обучения (потраченных на образование людьми в возрасте 25 лет и выше) характеризуется устойчивым и практически непрерывным ростом (за исключением спада в 2008-2009 годах), то есть, является постоянным драйвером роста индекса. Наиболее же выраженное влияние на колебания ИЧР оказывает показатель ВНД, отрицательная динамика которого в 90-е годы сопровождалась спадом индекса, а кратковременные провалы в кризисные годы (2008 и 2016) также отражались на его состоянии, приводя к нулевому росту в соответствующие периоды. Таким образом, можно сделать вывод о том, что факторами роста значения казахстанского ИЧР на протяжении большей части его расчета были экономический рост, находивший отражение в интенсивном увеличении валового национального дохода, и увеличение длительности образования у взрослых. Напротив, фактором торможения динамики ИЧР Казахстана является отстающий рост ожидаемой продолжительности жизни, на который влияют такие особенности, как недостаточно высокий уровень развития национальной системы здравоохранения и низкая распространенность здорового образа жизни среди большинства населения.

В порядке сопоставления данных факторов человеческого развития с другим подходом, целесообразно рассмотреть также ситуацию с положением и прогрессом Казахстана в другом международном рейтинге по Индексу человеческого капитала (ИЧК) Всемирного банка. Методика ВБ имеет отличия от подхода ООН, хотя также концентрируется на основных аспектах качества жизни – здоровье и образовании. В отличие от методики расчета ИЧР, в индексе ВБ не учитываются макроэкономиче-

ские показатели, такие, как ВВП или ВНД, что делает ее более сфокусированной на жизненных стандартах и исключает влияние экономических факторов, которые не всегда отражаются на уровне жизни, особенно в развивающихся странах. При расчете ИЧК используется пять индикаторов, представляющих три измерения человеческого капитала – выживаемость, школа и здоровье. Эти три измерения стандартизируются в виде числовых значений от 0 до 1, среднее геометрическое которых представляет собой совокупный показатель Индекса¹.

Отличия в методиках, очевидно, проявляются в итоговой оценке уровня человеческого капитала, о чем свидетельствуют, в частности, отличия в лидерах этих двух рейтингов – в первой пятёрке стран последних на момент данной публикации докладов было только одно пересечение – Гонконг, находившийся на второй позиции по Индексу человеческого капитала и на четвертой позиции по Индексу человеческого развития, тогда как остальные лидеры значительно отличались. Среди лидеров рейтинга по ИЧР 2022 года преобладали страны Северной Европы (первые три места занимали Швейцария, Норвегия и Исландия, а в первой десятке таких государств было восемь, включая Данию, Швецию, Ирландию, Германию и Нидерланды). В лидерах же рейтинга Всемирного банка преобладают экономики Юго-Восточной Азии – первые четыре позиции занимают Сингапур, Гонконг, Япония и Южная Корея, а в первой десятке также присутствует Макао.

Индекс человеческого капитала имеет недолгую историю, так как впервые был рассчитан в 2018 году, а наиболее поздней его редакцией является версия 2020 года (которая была актуализирована в 2022 году). В то же время, в этой версии для оценки

¹ Индекс человеческого капитала / Гуманитарный портал: Исследования [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2006–2022 (последняя редакция: 23.12.2022). URL: <https://gtmarket.ru/ratings/human-capital-index> (дата обращения: 11.04.2023).

прогресса отдельных стран приведены данные по параметрам индекса и его агрегированному значению для 2010 года. Эти данные позволяют сравнить, в том числе, и показатели Казахстана, получив представление об изменении как отдельных сфер, оцениваемых Всемирным банком, так и о динамике ИЧК в целом (таб. 4), причем как в целом, так и отдельно для мужчин и женщин.

Таблица 4. Показатели компонентов Индекса человеческого капитала Казахстана для 2010 и 2020 годов¹.

	2010 год			2020 год		
	мужчины и женщины	только мужчины	только женщины	мужчины и женщины	только мужчины	только женщины
Компонент 1: Выживаемость						
вероятность дожития до возраста 5 лет	0,980	0,977	0,983	0,990	0,989	0,991
Компонент 2: Школа						
ожидаемое количество лет образования	13,6	13,5	13,8	13,7	13,6	13,8
гармонизированные результаты тестов	412	403	421	416	411	422
Компонент 3: Здоровье						
доля 15-летних, доживающих до 60 лет	0,762	0,664	0,862	0,845	0,781	0,907
доля низкорослых детей до 5 лет	0,869	0,868	0,870	0,920	0,923	0,917
Индекс человеческого капитала	0,59	0,56	0,63	0,63	0,61	0,65

¹ Проект развития человеческого капитала. Всемирный банк. URL: <https://www.worldbank.org/ru/publication/human-capital> (дата обращения: 11.04.2023).

За десятилетний период по всем пяти оцениваемых параметрам ни в одном из гендерных измерений не произошло ухудшения ситуации. Единственным случаем, в котором показатели десятилетней давности не изменились, стала ожидаемая продолжительность образования у женщин, все остальные показатели улучшились, что привело к улучшению и индекса в целом.

Как позиции Казахстана, так и его прогресс в рейтинге по Индексу человеческого капитала демонстрируют сходные тенденции с рейтингом по Индексу человеческого развития. В рейтинге ИЧК в настоящее время Казахстан, имея значение индекса в 0,63, делит места с 50 по 57 с семью другими государствами, имеющими такие же значения индекса (в том числе, с Узбекистаном и Украиной) из 173 стран, представленных в базе данных Всемирного банка. Как и в случае с ИЧР, Казахстан уступает ряду постсоветских государств, включая Эстонию, Латвию, Литву и Россию, но с большим разрывом. Кроме того, в рейтинге Всемирного банка Казахстан опережает Беларусь (36 место), Украина и Узбекистан имеют равные значения индекса, в отличие от ИЧР, где они существенно отстают, а другие постсоветские страны (Кыргызстан, Молдова, Армения, Азербайджан, Грузия) отстают от Казахстана незначительно. Очевидно, менее благоприятные позиции Казахстана в рейтинге по Индексу человеческого капитала по сравнению с ИЧР обусловлены тем, что в данном рейтинге не учитываются макроэкономические показатели, которые у Казахстана значительно лучше, чем у большинства постсоветских государств. Это также подтверждает высказанное выше предположение о том, что прогресс страны по Индексу человеческого развития был обусловлен преимущественно экономическим фактором опережающего увеличения валового национального дохода.

Всемирный банк рассчитывает значение Индекса человеческого капитала не только для отдельных стран/территорий, но и для макрорегионов. Сопоставление значения ИЧК Казахстана с данными макрорегионами позволяет уточнить благоприятность ситуации с человеческим капиталом в рамках международных сравнений (рис. 9).

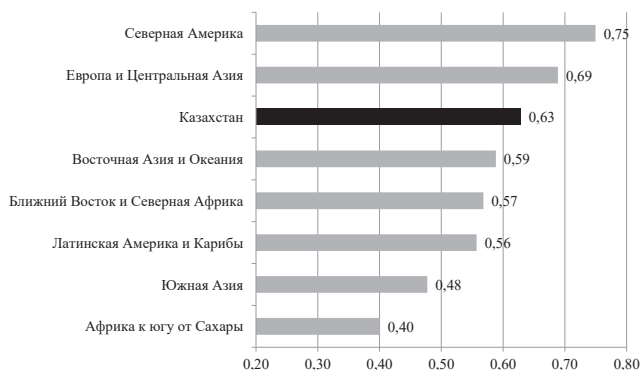

Рисунок 9. Значение Индекса человеческого капитала Казахстана 2020 года в сопоставлении с группами стран, выделяемыми Всемирным банком в рамках Проекта по развитию человеческого капитала¹.

Данное сопоставление свидетельствует о достаточно высоком положении Казахстана по Индексу человеческого капитала, значение которого превосходит большинство регионов мира (в частности, регионы с преобладанием развивающихся стран) и уступает только регионам с преимущественно развитыми экономиками в их составе.

Если рассматривать факторы, обеспечившие как прогресс страны в течение рассматриваемого Всемирным банком периода 2010-2020 годов, так и ее торможение по ИЧК, необходимо рассчи-

¹ Рассчитано автором по данным из следующего источника: Проект развития человеческого капитала. Всемирный банк. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/human-capital> (дата обращения: 11.04.2023).

тать изменение компонентов индекса за данный период. Результаты соответствующих расчетов приведены на рисунке 10 и демонстрируют, что наибольший положительный вклад в рост значения индекса (составивший 5,8%) внесли показатели, характеризующие здоровье населения страны – выживаемость взрослого населения, оцениваемого в рамках данной методики, как доля 15-летних, доживающих до 60 лет, и доля низкорослых детей. Напротив, серьезное отставание от динамики индекса продемонстрировали показатели, связанные с образованием – ожидаемое количество лет обучения и результаты оценки знаний школьников международными тестами. Оба этих индикатора выросли на 1% и менее.

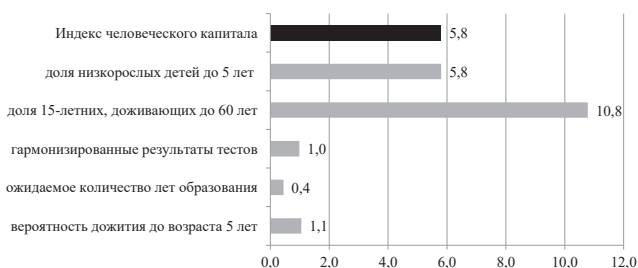

Рисунок 10. Изменение Индекса человеческого капитала и входящих в него показателей в период 2010-2020 годов, %¹.

Можно отметить, что в данном случае отстающая динамика показателей, связанных с образованием, контрастирует с рассмотренной выше ситуаций в этой же области, оцениваемой Индексом человеческого развития ООН, но на самом деле противоречия между данными индикаторами нет. Отмеченный выше значительный прогресс показателя «среднее количество лет обучения» ИЧР был достигнут за более длительный период с 1990 по 2021

¹ Рассчитано автором по данным из следующего источника: Проект развития человеческого капитала. Всемирный банк. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/human-capital> (дата обращения: 11.04.2023).

годы и основная часть этого прогресса приходилась на 1990-2010 годы, тогда как после 2010 года увеличение лет обучения затормозилось и это коррелируется с результатами, отраженными в рейтинге Всемирного банка. Очевидно, данный индикатор имеет естественные пределы роста (поскольку рассматривает количество лет обучения до достижения 18-летия), приближение к которым тормозит дальнейшее продвижение не только у Казахстана, но у всех государств. В настоящее время ни одна из стран не имеет этот показатель на уровне 14 лет и выше (у Казахстана – 13,7), поэтому и прогресс по этому индикатору после выхода на близкие к данному уровню значения прекращается.

Что же касается результатов тестирований, то в данном случае в оценках Казахстана для 2010 и 2020 годов Всемирный банк использовал результаты известных тестов PISA, проведенных в 2009 и 2018 годах соответственно. В данном случае за десять лет был зафиксирован прогресс, но очень незначительный, что отражает существующие проблемы как в области школьного образования в целом, так и в части особенностей тестирования казахстанских школьников.

Наибольшие расхождения в части прогресса казахстанских показателей между ИЧК и ИЧР демонстрируют выбранные двумя методиками индикаторы здоровья населения, связанные с выживаемостью взрослых. Если в ИЧР используется показатель ожидаемой продолжительности жизни, который в Казахстане продемонстрировал наименьший прогресс и, тем самым, тормозил рост всего индекса, то в ИЧК для оценки этого аспекта применяется показатель доли населения в возрасте 15 лет, которое доживет до 60-летнего возраста. И этот индикатор в Казахстане стал самым благополучным и динамичным за период 2010-2020 годов (рост на 10,8%), обеспечив максимальный вклад в увеличение индекса, в отличие от ожидаемой продол-

жительности жизни, которая в эти же годы выросла с 68,1 до 70 лет, то есть, на 2,8%. Значительное расхождение в методиках оценки здоровья населения, а также фактор макроэкономического показателя, имеющегося в ИЧР, но отсутствующего в ИЧК, можно назвать основными различиями в подходах к оценке человеческого капитала, используемыми Программой развития ООН и Всемирным банком, которые оказывают заметное влияние на показатели Казахстана, их изменение, а также положение страны относительно других государств и их групп.

Подводя итог рассмотрению тенденций прогресса Казахстана в двух международных рейтингах, оценивающих качество жизни населения, можно сделать следующие выводы:

- в долгосрочной ретроспективе Казахстан демонстрирует явно выраженный прогресс в продвижении в обоих рейтингах;
- продвижение Казахстана в данных рейтингах имеет опережающую динамику по сравнению с сопоставимыми странами и их группами, а значения индексов – более высокие уровни;
- основные факторы прогресса Казахстана в рассмотренных рейтингах отличаются – если среди компонентов Индекса человеческого развития ООН ключевым фактором является увеличение объема ВВП на душу населения, а другим значимым фактором – показатели длительности образования, то в рамках Индекса человеческого капитала Всемирного банка основной прогресс обеспечен показателями здоровья при отставании показателей образования;
- методические подходы, используемые в Индексе человеческого развития и Индексе человеческого капитала предполагают оценку достаточно агрегированных показателей макроуровня и не позволяют выявить причинно-следственные связи между тенденциями изменения данных индексов и более глубинными процессами, происходящими в обществе.

1.3. Процессы и индикаторы качественного изменения общественной среды под воздействием цифровизации

Цифровизация порождает значительные изменения общественной среды во многих ее сферах – социальной, политической, экономической, медийной и пр., что отмечается широким кругом современных исследователей практически всех сфер. Eckardt констатирует влияние цифровизации на государственную экономическую политику¹, Pelters обращает внимание на необходимость обеспечения корпоративной цифровой ответственности², Kölle поднимает вопрос о влиянии цифровой трансформации на устойчивое развитие³, что является очень важным аспектом в глобальном современном дискурсе, хотя бы в силу того, что ряд аспектов цифровизации нашли отражение в целях устойчивого развития ООН (в частности, в целях 4 (4.b), 5 (5.b), 9 (9.c), 17 (17.8)). В такой из важнейших сфер общественной среды, как экономические процессы, актуальны многие направления исследований, оценивающих влияние цифровизации на экономический рост за счет увеличения доступности интернета⁴, а также отдельных ее сфер, например, развития сектора

¹ Eckardt, M. (2021). The Impact of ICT on Policies, Politics, and Polities—An Evolutionary Economics Approach to Information and Communication Technologies (ICT). In: Herberger, T.A., Dötsch, J.J. (eds) Digitalization, Digital Transformation and Sustainability in the Global Economy. Springer Proceedings in Business and Economics. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-77340-3_4

² Pelters, E. (2021). Corporate Digital Responsibility—Understanding and Applying. In: Herberger, T.A., Dötsch, J.J. (eds) Digitalization, Digital Transformation and Sustainability in the Global Economy. Springer Proceedings in Business and Economics. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-77340-3_6

³ Kölle, A. (2021). Digital Sustainable Leadership. In: Herberger, T.A., Dötsch, J.J. (eds) Digitalization, Digital Transformation and Sustainability in the Global Economy. Springer Proceedings in Business and Economics. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-77340-3_10

⁴ Choi, C., Yi, M. (2009). The effect of the Internet on economic growth: Evidence from cross-country panel data. *Economics Letters*, 105 (1), 39-41. <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2009.03.001>

информационных и коммуникационных технологий (ИКТ)¹, связанной с цифровизацией инновационной активностью², распространения мобильной связи³, повышения конкурентоспособности⁴. Многообразие направлений и количества исследований, посвященных влиянию цифровой трансформации на экономическую сферу и ее влияние на другие измерения общественной среды свидетельствует о высокой актуальности данной проблематики.

Изменения общественной среды Казахстана под влиянием цифровизации также, как и в мире, характеризуются высокой интенсивностью соответствующих процессов. Для оценки этих изменений необходима выработка соответствующих методических подходов и индикаторов, которые должны использоваться в процессе анализа происходящих изменений в наиболее важ-

org/10.1016/j.econlet.2009.03.028; Czernich, N., Falck O., Kretschmer T., Woessmann L. (2009). Broadband Infrastructure and Economic Growth. <http://papers.ssrn.com/abstract=1516232>; Manyika, J. & Roxburgh, C. (2011). The great transformer: The impact of the Internet on economic growth and prosperity. <https://www.mckinsey.com/industries/technology-media-and-telecommunications/our-insights/the-great-transformer>.

¹ Bahrini R, Qaffas A. (2019). Impact of Information and Communication Technology on Economic Growth: Evidence from Developing Countries. *Economies*, 7(1). 21-32. <https://doi.org/10.3390/economies7010021>; Vu, M. (2011). ICT as a source of economic growth in the information age: empirical evidence from the 1996–2005 period. *Telecommunication Policy*, 35, 357–72. <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2011.02.008>.

² Afonasoza M., Panfilova E., Galichkina M., Lusarczyk B. (2019). Digitalization in economy and innovation: the effect on social and economic processes. *Polish Journal of Management Studies*, 19, 22–32. <https://doi.org/10.17512/pjms.2019.19.2.02>; Pan W., Xie T., Wang Z.W., Ma L.S. (2022). Digital economy: an innovation driver for total factor productivity. *Journal of Business Research*, 139, 303–311. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2021.09.061>.

³ Aker, J., Mbiti, I. (2010). Mobile Phones and Economic Development in Africa. *Journal of Economic Perspectives*, 24 (3), 207-32. <https://doi.org/10.1257/jep.24.3.207>; Ward M.R., Zheng Sh. (2016). Mobile telecommunications service and economic growth: Evidence from China. *Telecommunications Policy*, 40 (2–3), 89-101. <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2015.06.005>.

⁴ Dabbous A., Barakat K.A., Kraus S. (2023). The impact of digitalization on entrepreneurial activity and sustainable competitiveness: A panel data analysis. *Technology in Society*, 73, 102224. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2023.102224>.

ных сферах и направлениях. Поэтому предварительно необходимо определиться с выбором ключевых направлений, в которых происходят наиболее важные для Казахстана качественные изменения общественной среды. Исходя из актуальных теоретических подходов и мирового опыта, а также специфики Казахстана, представляется возможным выделить следующие наиболее важные направления качественного изменения общественной среды под воздействием цифровизации:

- изменение структуры рынка труда вследствие возникновения и быстрого развития широкого спектра новых профессий и специализаций, что порождает значительные последствия в форматах занятости, образе жизни, миграционных потоках и пр.;

- изменение структуры экономики и внешней торговли под влиянием развития процессов цифровизации и ИКТ-сектора;

- изменение и обогащение форматов занятости и образования за счет развития информационных и коммуникационных технологий (ИКТ), позволяющих осуществлять удаленную работу и обучение, в результате чего происходит рост производительности труда, увеличивается трудовая мобильность (в том числе, активизируется экспорт и импорт занятости и компетенций), значительно расширяются возможности получения дополнительного образования, увеличиваются рынки сбыта индивидуальных услуг, растут возможности продуктивной самозанятости;

- бурный рост электронной торговли, влияющий на широкий спектр изменений общественной среды, включая изменения на рынке труда, рынке недвижимости, сдвиги в структуре экономики, появление новых возможностей для экспорта, воздействие на бюджетный процесс.

Не все из указанных направлений качественных изменений общественной среды под воздействием цифровизации подда-

ются количественному анализу, прежде всего, по причине отсутствия адекватной базы данных с релевантными показателями. Однако наиболее важная, по нашему мнению, сфера, в которой происходят значительные и очень быстрые изменения – занятость и рынок труда, - имеет достаточную статистическую базу для оценки текущей ситуации и ее динамики. Также можно оценить происходящие сдвиги в экономике на макроуровне, во внешней торговле товарами и услугами, связанными с цифровизацией, имеется определенная статистика и по развитию в Казахстане электронной торговли. Существующая база данных позволяет провести анализ изменений общественной среды Казахстана по соответствующим направлениям.

Одним из наиболее выраженных проявлений последствий цифровизации является ситуация в области занятости. Процессы цифровизации, развития ИКТ-сектора в совокупности с последствиями пандемии COVID-19 уже привели к резким изменениям на рынке труда Казахстана, которые проявляются как на отраслевом уровне, так и в разрезе специализации занятых. Так, сельское хозяйство, которое традиционно было крупнейшим видом деятельности по численности занятых, в последние годы стремительно теряет свои позиции. Еще в 2016 году этот вид деятельности был крупнейшим отраслевым рынком труда Казахстана, с численностью занятых в 1386 тысяч чел., а к 2023 году откатился на четвертое место (1042 тыс. чел.) после торговли, образования, и промышленности. На более длительных временных интервалах происходящие сдвиги в отраслевой структуре занятости еще более значительны (рис.11). С 2013 года занятость в сельском хозяйстве уменьшилась вдвое, при этом в пяти видах деятельности она выросла более чем на 40% - это свидетельствует об очень высокой интенсивности процесса реструктуризации рынка труда Казахстана, который влечет за

собой и многие другие изменения общественной среды – внутреннюю миграцию, диспропорции регионального развития, зачастую – даже резкую смену жизненных ориентиров для миллионов граждан, вовлеченных в смену привычного образа жизни и трудовой специализации. Интенсивность происходящих сдвигов на рынке труда Казахстана вызвана, разумеется, не только и не столько процессами цифровизации, но демонстрирует радикальность перемен в целом, обусловленных многими факторами, включая цифровизацию – можно отметить, что среди отраслей с наиболее быстрорастущей занятостью преобладают те, в которых велика роль информационных технологий.

Рисунок 11. Изменение численности занятых по основным видам экономической деятельности в 2013-2023 годах, %.¹

Цифровизация оказывает влияние на рынок труда как прямо – за счет увеличения занятости по соответствующим специальностям, – так и косвенно, создавая возможности опережающего роста в видах деятельности, не связанных непосредственно

¹ Рассчитано по данным из следующего источника: Занятое население по ВЭД. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-empt-unempl/> (дата обращения: 27.03.2024).

с ИКТ-сектором, но активно использующих соответствующие технологии. Данные изменения также можно отследить с помощью статистики занятости, которая более наглядно отражает влияние цифровизации при рассмотрении не отраслевой структуры, а изменений в численности работников по группам занятий. В данном случае обращает на себя внимание, в частности, быстрый рост количества специалистов по информационным технологиям, то есть, тех работников, занятость которых непосредственно определяется процессами цифровизации. Всего за пять лет, с 2018 по 2023 год их численность увеличилась на 27,3% при том, что общий рост занятости в этот период измерялся 3,2%.¹ Если же говорить о тех специальностях, на которые цифровизация оказывает косвенное, но заметное влияние, интенсифицируя их и повышая спрос на соответствующих специалистов, то в данном случае можно выделить несколько групп занятости, в которых это влияние, на наш взгляд, достаточно велико.

В данном случае можно отметить значительный рост численности работников сферы индивидуальных услуг, который за 2018-2023 годы составил 30,7%. Численность занятых в этой категории достаточно велика и в абсолютном выражении, по итогам 2023 года она превысила 365 тыс. человек, увеличившись почти на 100 тысяч за пять лет, и составляя 4,1% от общего количества занятых Казахстана. На наш взгляд, такой заметный рост в значительной мере обусловлен развитием цифровых технологий, которые радикально упростили взаимодействие между продавцами и потребителями самых разнообразных услуг – от грузчиков и таксистов до бухгалтеров и художников, а

¹ Занятость в Казахстане 2018-2022/ Статистический сборник. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Астана, 2023. 260 с.

в отдельных случаях непосредственно определяют рост спроса на индивидуальные услуги за счет возможности их удаленного получения (образование, репетиторство, консалтинг, и пр.). Противоположным примером влияния цифровизации на отдельные профессии в сторону снижения спроса на них является численность продавцов, которая за те же пять последних лет уменьшилась в Казахстане на 6,3%, с 543 до 509 тыс. чел.¹ Профессия, которая долгое время была одной из самых массовых и обеспечивала значительную часть занятости, переживает упадок под непосредственным влиянием процессов цифровизации, прежде всего – бурного развития электронной торговли в различных ее формах, которая вытесняет традиционные форматы розничных продаж из многих сфер, и снижает спрос на профессию продавца.

Таким образом, как прямое, так и косвенное воздействие процессов цифровизации в последние годы оказывает явно выраженное влияние на качественные изменения рынка труда Казахстана, обуславливая быстрые сдвиги в его отраслевой структуре и структуре спроса на отдельные профессии. Данная ситуация является отражением более общих тенденций в экономике, где также происходят сдвиги в отраслевой структуре ВВП, которые в некоторой степени обуславливаются и процессами цифровизации. Однако на макроэкономическом уровне эти изменения менее выражены из-за агрегирования отраслевых показателей в укрупненных видах деятельности. Тем не менее качественные изменения под воздействием процессов цифровизации можно отметить и в ряде макроэкономических индикаторов. Так, в течение последнего десятилетия увеличи-

¹ Занятость в Казахстане 2018-2022/ Статистический сборник. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Астана, 2023. 260 с.

лась доля в ВВП сферы услуг, в которой цифровизация дает более быстрые результаты, чем в сфере производства товаров (промышленности, сельском хозяйстве и строительстве), а также отдельных видов услуг, в которых также значительный прогресс происходит за счет использования ИКТ. Так, заметно выросла доля в ВВП торговли (где бурно развивается электронная коммерция), достигнув по итогам 2023 года исторического максимума в 18,2%; увеличился вклад в ВВП образования, доля которого резко увеличилась после 2020 года (года пандемии, когда широкое распространение получили практики удаленного обучения), что можно отчасти объяснить увеличением рынка сбыта образовательных услуг за счет их предоставления через интернет; очень значительно увеличился вклад в ВВП деятельности в области административного и вспомогательного обслуживания (различные офисные услуги и специальности, например, бухгалтерские, консалтинговые и пр.), где также велики возможности использования ИКТ для предоставления услуг в цифровой форме и в режиме удаленного доступа.

Если рассматривать качественные изменения экономического характера на уровне собственно ИКТ-сектора, то есть, сферы, непосредственно связанной с цифровизацией, находящейся под ее прямым воздействием, а также оказывающей мультипликативное влияние на другие отрасли экономики, то в данном случае многие показатели демонстрируют заметный прогресс (рис.12).

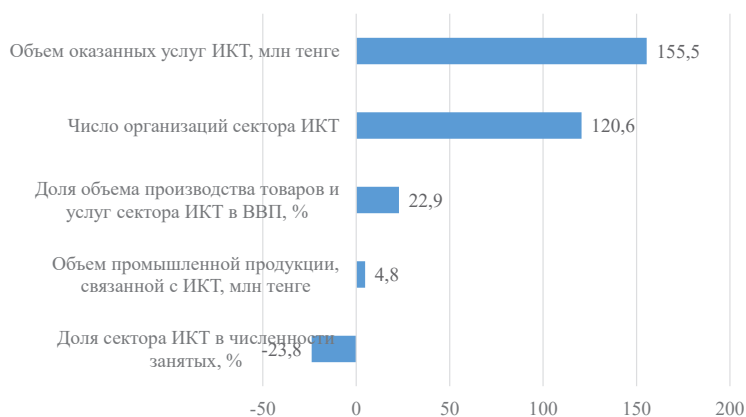

Рисунок 12. Изменение основных показателей ИКТ-сектора Казахстана с 2012 по 2021 годы, %.¹

Еще более выраженным является прогресс Казахстана в части экспорта товаров и услуг, связанных с ИКТ, то есть, в сфере, где именно качественные изменения деятельности данной отрасли подтверждаются ростом востребованности ее продукции на внешних рынках в условиях высокой конкуренции. В последние годы экспорт как товаров, так и услуг ИКТ-сектора Казахстана демонстрирует очень высокие темпы роста (рис.13), что может рассматриваться как свидетельство повышения качества его продукции и служить подтверждением происходящих изменений в одной из сфер общественной среды под воздействием цифровизации.

¹ Источник: РАЗВИТИЕ СВЯЗИ И ИНФОРМАЦИОННОКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН 2017-2021. Статистический сборник. Астана, Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, 2022. URL: <https://stat.gov.kz/ru/publication/collections/?year=&name=17191&period=> (дата обращения: 28.12.2023).2022

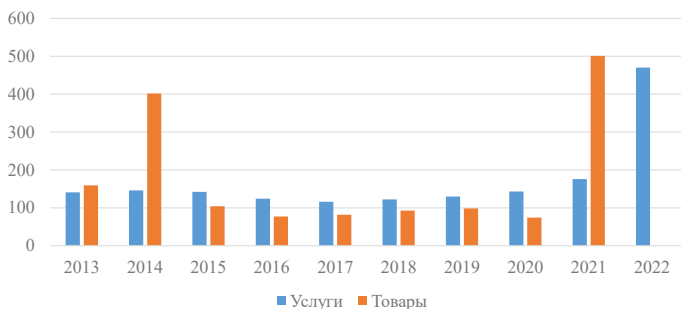

Рисунок 13. Динамика объемов экспорта товаров и услуг ИКТ-сектора Казахстана.¹

Рост экспорта продукции ИКТ-сектора начинает оказывать определенное влияние на всю структуру экспорта Казахстана, повышая его несырьевую часть. Если десять лет назад, в 2013 году, удельный вес продукции ИКТ-сектора составлял 0,3% совокупного экспорта товаров и услуг Казахстана, то в 2023 году он вырос до 1,5% и имеются предпосылки его дальнейшего роста в краткосрочной перспективе до уровня в 2-3%. Особенно активно увеличивается экспорт ИКТ-услуг, резко ускорившийся с 2022 года (рис. 14).

¹ Источники: Внешняя торговля услугами Республики Казахстан по видам услуг в разрезе стран за 9 месяцев 2023 года. Статистика. Национальный банк Казахстана. URL: <https://www.nationalbank.kz/ru/news/platzhnyu-balans-vn-sektora> (дата обращения: 13.02.2024); РАЗВИТИЕ СВЯЗИ И ИНФОРМАЦИОННОКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН 2017-2021. Статистический сборник. Астана, Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, 2022. URL: <https://stat.gov.kz/ru/publication/collections/?year=&name=17191&period=> (дата обращения: 28.12.2023).2022

Рисунок 14. Динамика казахстанского экспорта ИКТ-услуг и их отдельных видов, млн. долл. США.¹

Таким образом, под воздействием развития процессов цифровизации в Казахстане происходит и качественное изменение сферы внешней торговли, еще одного компонента общественной среды.

Среди значимых изменений общественной среды под воздействием цифровизации отдельно можно выделить развитие электронной коммерции, в первую очередь, розничной интернет-торговли. Эта сфера развивается непосредственно под влиянием цифровизации, характеризуется стремительными темпами и оказывает существенное влияние на многие сферы общественной среды. Именно электронная коммерция является самым быстрорастущим сегментом экономических отношений, связанным с цифровизацией. За последние десять лет, с 2013 по 2022 годы, объем розничной электронной торговли в

¹ Расчеты автора по данным следующих источников: Services (BPM6): Exports and imports by service-category, trade-partner World, annual. UNCTADStat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeServCatTotal> (дата обращения: 13.02.2024); Внешняя торговля услугами Республики Казахстан по видам услуг в разрезе стран за 9 месяцев 2023 года. Статистика. Национальный банк Казахстана. URL: <https://www.nationalbank.kz/ru/news/platzhnyy-balans-vn-sektora> (дата обращения: 13.02.2024).

Казахстане вырос в 70 раз и достиг 1963 млрд. тенге. Этот вид торговли стремительно расширяет свою долю рынка внутренней розничной торговли, которая по итогам 2022 года достигла 12,5%, тогда как 10 лет назад составляла 0,5%. Это означает, что такую же долю рынка потеряли традиционные форматы торговли, чем обусловлено описанное выше сокращение численности такой распространенной профессии, как продавцы. Сокращение форматов традиционной торговли через розничные организации переформатирует не только рынок труда, но влияет и на другие сферы – рынок аренды недвижимости, на котором снижается спрос со стороны торговых предприятий, объемы транспортных, логистических, почтовых услуг (объем последних за десять лет вырос почти втрое), обслуживающих электронную торговлю, через несколько итераций эти изменения отражаются и на сфере образования вследствие изменения спроса на те или иные специальности, на бюджетном процессе, на деятельности многих смежных отраслей.

Также быстро развивается и трансграничная розничная торговля, особенно в части импорта – граждане все более активно вовлекаются в процесс приобретения товаров на зарубежных торговых площадках, что отражается в росте как количества транзакций (с 5 до 55 млн. в год в период с 2016 по 2022 годы, в 11 раз), так и их объема (с 80 до 781 млрд. тенге, в 10 раз). Цифровизация и развитие интернет-технологий, создавшие возможность для прямых покупок товаров за рубежом, также оказывают влияние на изменение казахстанской общественной среды, снижая спрос на услуги местных торговых организаций и занятость в них, но повышая спрос на услуги почты, курьеров и т.п.

Помимо розничной торговли, электронная коммерция активно распространяется и в сфере услуг, объем которых вырос

за десять лет в 17 раз и достиг 1187 млрд. тенге.¹ В данном случае цифровизация и распространение ИКТ в сфере услуг создают дополнительные возможности для их развития, роста объема индивидуальных услуг (также отмеченного выше) и занятости населения в соответствующих видах деятельности. Очевидно, в том числе, и этими факторами обусловлено возобновление тенденции роста численности самостоятельно занятого населения в Казахстане, который происходит с 2020 года после длительного периода ее снижения.

Проведенный анализ ряда сфер общественной среды, испытывающих выраженное воздействие процессов цифровизации, позволяет сделать вывод о возможности и целесообразности разработки специальных индикаторов качественного изменения общественной среды под воздействием цифровизации. На наш взгляд, такие индикаторы должны быть агрегированы в рамках системы, позволяющей оценивать происходящие под воздействием цифровизации изменения в соответствующих сферах, прогнозировать вектор дальнейших сдвигов, а также получать представление о комплексном воздействии изменений в отдельных сферах общественной среды на ее состояние в целом. Для решения задачи формирования такой системы индикаторов необходимо определиться с набором существующих показателей, которые могут быть использованы для соответствующих оценок, а также предложить новые индикаторы на основе существующих, которые в настоящее время имеются в базах данных статистики Казахстана. При этом новые индикаторы, по нашему мнению, должны позволять оценивать три основных аспекта происходящих под влиянием цифровизации изменений

¹ Электронная торговля в Республике Казахстан. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/economy/local-market/dynamic-tables/> (дата обращения: 27.03.2024).

– изменения собственно анализируемых сфер (например, рынка труда или экспорта); динамики этих изменений относительно средних показателей для оценки того, насколько цифровизация ускоряет или замедляет соответствующие процессы; изменения, оказываемые отраслями, испытывающими сильное влияние цифровизации, на общую ситуацию в той или иной сфере. Такой подход означает, что первая группа индикаторов будет представлена показателями, отражающими динамику изменения тех или иных анализируемых параметров (темпами роста, например, занятости в отраслях, связанных с информационными технологиями). Вторая группа индикаторов будет состоять из индикаторов сравнительного анализа, сопоставляющих развитие сфер, испытывающих воздействие цифровизации, с аналогичными показателями общего характера (например, сравнивающих темпы роста занятости в информационных технологиях с темпами роста занятости в стране в целом). Третья группа индикаторов будет отражать влияние сфер, испытывающих воздействие цифровизации на общую ситуацию с точки зрения изменения их удельного веса в общих показателях (например, изменение удельного веса занятых в информационных технологиях в общем объеме занятого населения).

В соответствии с обоснованными в настоящем разделе сферами оценки воздействия цифровизации, поддающимися количественному анализу на основе имеющихся статистических данных, предлагаемые индикаторы будут охватывать следующие области:

- рынок труда и занятость (как в части отраслевой, так и профессиональной структуры);
- состояние и развития информационных и коммуникационных технологий (ИКТ);
- экспорт продукции и услуг ИКТ-сектора.

В дальнейшем, по мере развития процессов цифровизации и их более выраженного воздействия на другие сферы общественной среды, а также расширения базы данных для анализа соответствующих процессов, эти области могут быть расширены и углублены. В настоящее же время представляется возможным предложить следующие индикаторы, отражающие процессы воздействия цифровизации на общественную среду в той части, которая была рассмотрена выше.

1. Показатели динамики анализируемых параметров, абсолютные и относительные

1.1. Рынок труда и занятость

1.1.а. Изменение численности занятых в видах деятельности, связанных с цифровизацией.

1.1.б. Изменение численности занятых по группам занятий, связанное с процессами цифровизации.

1.2. Сектор информационных и коммуникационных технологий

1.2.а. Изменение объема произведенной промышленной продукции, связанной с ИКТ.

1.2.б. Изменение объема оказанных ИКТ-услуг.

1.2.в. Изменение количества организаций сектора ИКТ.

1.2.г. Изменение объема электронной торговли.

1.3. Экспорт продукции и услуг ИКТ-сектора

1.3.а. Изменение объема экспорта товаров, произведенных ИКТ-сектором.

1.3.б. Изменение объема экспорта ИКТ-услуг.

2. Показатели сравнительной динамики параметров, связанных с цифровизацией, и средних параметров соответствующих сфер, индексные

2.1. Рынок труда и занятость

2.1.а. Соотношение изменения численности занятых в видах деятельности, связанных с цифровизацией, с изменением общей численности занятых в Казахстане.

2.1.б. Соотношение изменения численности занятых в профессиях, связанных с цифровизацией, с изменением общей численности занятых в Казахстане.

2.2. Сектор информационных и коммуникационных технологий

2.2.а. Соотношение изменения объема промышленной продукции, произведенной ИКТ-сектором, с изменением общего объема промышленного производства Казахстана.

2.2.б. Соотношение изменения объема оказанных ИКТ-услуг с изменением общего объема производства услуг в Казахстане.

2.2.в. Соотношение изменения количества организаций ИКТ-сектора с изменением общего количества зарегистрированных в Казахстане юридических лиц.

2.2.г. Соотношение изменения объема электронной торговли с изменением общего объема торговли в Казахстане.

2.3. Экспорт продукции и услуг ИКТ-сектора

2.3.а. Соотношение изменения объема экспорта товаров, произведенных ИКТ-сектором, с общим объемом экспорта товаров из Казахстана.

2.3.б. Соотношение изменения объема экспорта ИКТ-услуг и изменения общего объема экспорта услуг из Казахстана. Показатели влияния изменений под воздействием цифровизации на общую ситуацию в соответствующих сферах

3.1. Рынок труда и занятость

3.1.а. Изменение удельного веса занятых в видах деятельности, связанных с цифровизацией, в общей численности занятых в Казахстане.

3.1.б. Изменение удельного веса занятых в профессиях, связанных с цифровизацией, в общей численности занятых в Казахстане.

3.2. Сектор информационных и коммуникационных технологий

3.2.а. Изменение удельного веса продукции ИКТ-сектора в промышленном производстве Казахстана.

3.2.б. Изменение удельного веса ИКТ-услуг в общем объеме производства услуг в Казахстане.

3.2.в. Изменение удельного веса действующих юридических лиц ИКТ-сектора в общем количестве действующих юридических лиц.

3.2.г. Изменение удельного веса электронной торговли в общем объеме торговли в Казахстане.

3.3. Экспорт продукции и услуг ИКТ-сектора

3.3.а. Изменение удельного веса экспорта товаров, произведенных ИКТ-сектором, в общем объеме экспорта товаров из Казахстана.

3.3.б. Изменение удельного веса экспорта ИКТ-услуг в общем объеме экспорта услуг из Казахстана.

Анализ происходящих изменений в основных сферах общественной среды Казахстана позволяет прийти к заключению о том, что цифровизация уже в настоящее время оказывает существенное, в том числе, количественно измеряемое воздействие на ряд ключевых сфер общественной среды. Основными выводами, которые можно сделать относительно воздействия цифровизации на социально-экономические процессы, являются следующие:

- интенсивные качественные изменения происходят на рынке труда, где на протяжении последних лет отмечаются кардинальные сдвиги как в отраслевой структуре занятости, так и в

разреze отдельных профессий и специализаций, значительная часть которых обусловлена цифровизацией и стремительным проникновением ИКТ в сферу услуг;

- цифровизация оказывает воздействие на изменение ряда важных макроэкономических параметров, в том числе, отраслевую структуру ВВП, в которой опережающими темпами растет доля некоторых видов услуг, в которых наиболее заметно влияние ИКТ; также отмечается значительный рост экспорта продукции и услуг ИКТ-сектором, который постепенно снижает роль сырьевого компонента в экспорте Казахстана;

- отмечается бурное развитие электронной коммерции, которое оказывает как позитивное влияние на рост показателей торговли, так и имеет определенные негативные последствия в виде сокращения спроса на одну из самых распространенных профессий продавца, снижение спроса на аренду торговых площадей и пр.;

- вызываемое цифровизацией воздействие на общественную среду в части рынка труда и изменения параметров занятости требует пристального внимания и мониторинга, поскольку его последствия несут и определенные негативные эффекты за счет ускорения внутренней миграции, высвобождения рабочей силы из отдельных отраслей, усиления дисбалансов регионального развития.

Глава 2. ТРАНСФОРМАЦИИ РЫНКА ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ: ВЫЗОВЫ, ТЕНДЕНЦИИ, СЦЕНАРИИ

2.1. Методологические подходы к выделению отраслевых приоритетов занятости в контексте процесса ее реструктуризации

Проблематика регулирования рынка труда и занятости, в том числе, ее отраслевой структуры, приобретает повышенную актуальность в условиях ускорения трансформации казахстанского социума и экономической модели, цифровизации, а также растущего влияния на национальные экономики внешних факторов. В Казахстане на протяжении многих лет поднимаются вопросы необходимости реструктуризации занятости, повышения уровня соответствия образовательных программ реальным потребностям рынка труда и пр. Очевидно, что реструктуризация занятости должна быть регулируемым процессом на основе системных и комплексных мер, реализуемых в рамках программ долгосрочного экономического развития, выстроенных с учетом прогнозирования изменений на рынке труда и планирования действий, соответствующих данным изменениям. Однако, на практике отраслевая реструктуризация занятости зачастую носит ситуационный, а иногда – хаотический характер, становясь следствием быстрых изменений в отраслевой структуре экономики, особенно, в условиях возникновения сильных и непредсказуемых факторов, подобных пандемии COVID-19 или глобальным финансовым кризисам. В связи с тем, что появление такого рода факторов учащается, а их влияние усиливается,

возрастает актуальность совершенствования методологического обеспечения процессов реструктуризации занятости, прежде всего, на межотраслевом уровне, так как сильные шоки и появление плохо поддающихся прогнозированию факторов, влияющих на рынок труда, особенно заметно проявляются именно в отраслевой структуре занятости.

Регулирование процессов реструктуризации занятости, на наш взгляд, должно базироваться на предварительном выделении ее отраслевых приоритетов в соответствии с предполагаемым курсом экономического развития, типом формируемой экономической модели и иными ключевыми особенностями, влияющими на структуру рынка труда. Определение приоритетов отраслевой занятости, в свою очередь, должно быть обосновано определенными методологическими подходами, разработанными исходя из целей и задач процесса реструктуризации и с учетом имеющегося научного задела в области методологии оценки изменений на рынке труда. Методологические подходы к исследованию рынка труда в целом обширны и распространяются на широкий спектр проблем, связанных с движением рабочей силы и с различными типами изменений в занятости – от мотивации работников и моделей равновесия спроса и предложения на рынке до актуальных в западной науке на текущем этапе гендерных или расовых изменений в структуре занятости.

С начала распространения практикующихся в настоящее время подходов к изучению рынка труда в работах 60-70-х годов прошлого века преобладающими направлениями стали поведенческие мотивы занятых при выборе места работы (или ее оставления), которые изучались многими авторами¹, а также

¹ Burton, Jr. J. F. Readings in Labour Market Analysis / Burton, Jr. J. F., Benham, L. K., Vaughn III W. M., Flanagan R. J. (eds). - New York: Holt Rinehart and Winston, Inc., 1971. – 448 p.; Vincents, J. Research into Labour Market Behaviour / Vincents, J., Robinson, D. - Paris: OECD, 1974. – 112 p.; Krimpas G. E. Labour Impact and Theory of Labour Market / Krimpas G. E. - London: Duckworth, 1975. – 213 p.

проблематика влияния цены труда на занятость и соотношение спроса и предложения на рынке¹. Дальнейшее развитие разработка методологии оценки изменений на рынке труда и их прогнозирования получила по мере развития потребностей в соответствующем инструментарии для решения прикладных задач, что привело к появлению различных методических подходов по исследованию отдельных секторов или ситуаций на рынке, например, оценке влияния уровня образования на предложение на рынке труда², влиянию политик по регулированию рынка труда на показатели его эффективности³ и других.

С переходом постсоветских стран к рыночной модели хозяйствования и формированием национальных рынков труда значительное развитие получили исследования соответствующих процессов в странах СНГ, включая и вопросы методологии их изучения. Капелюшников Р.И. предложил типологию рынков труда, увязывающую интенсивность движения рабочей силы и интенсивность движения рабочих мест⁴, Вечканов Г.С. выделял связи рынка рабочей силы с законом перемены труда, которые необходимо учитывать в методологии изучения рынка⁵, Былков В.Г. отмечал,

¹ Kalleberg A. The Sociology of Labor Markets / Kalleberg A., Sorensen, A. // Annual Review of Sociology. – 1979. - №5. - P. 351-379.; Autor D.H. The “task approach” to labor markets: an overview / Autor D.H. // Journal for Labour Market Research. – 2013. - Volume 46. – P.185–199.

² Borghans, L. Concepts and methodology for labour market forecasts by occupation and qualification in the context of a flexible labour market / Borghans, L., de Grip, A., Heijke, H. - Thessaloniki: Research Centre for Education and the Labour Market, 1996. – 42 p.

³ Schütz, H. Benchmarking labour market performance and labour market policies: Theoretical foundations and applications / Schütz, H., Speckesser, S., Schmid G. // WZB Discussion Paper. - No. FS I 98-205. – Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung, 1998. – 71 p.

⁴ Капелюшников Р.И. Движение рабочей силы и рабочих мест в российской промышленности / Капелюшников Р.И. // Вопросы экономики. – 1998. – № 2. – С. 96-114.

⁵ Вечканов Г.С. Новая методология и теория рынка труда (о нобелевских лауреатах по экономике 2010 г.) / Вечканов Г.С. // Общество. Среда. Развитие. – 2014. – № 2 (31). – С. 36-44.

что важнейшей методической проблемой в теории рынка труда является определение факторов, которые воздействуют на величину емкости предложения¹. Ряд авторов развивал методические и методологические подходы к исследованию отдельных аспектов рынка труда или его уровней, включая проблематику реструктуризации занятости. Так, Капелюшников Р.И. выделял реструктуризацию и реаллокацию на рынке труда и рассматривал перемещение рабочей силы в нескольких «плоскостях» – между основными секторами экономики, видами экономической деятельности, отраслями, а также предприятиями с различными формами собственности (что было актуально в 90-е годы)², Шуваева Е.В. рассматривала методологию цикличности регионального рынка труда³, а Яковлева Т.Н. разрабатывала методологические вопросы оценки цивилизованности рынка труда⁴. Проблематикой казахстанского рынка труда, включая методологические вопросы оценки его изменений, занимались Берешев С.Х., Калиева С.А., Мельдаханова М.К., Вишневская Н.Г. и ряд других авторов⁵.

¹ Былков В.Г. Предложение на рынке труда: методология, природа формирования / Былков В.Г. // *Baikal Research Journal*. – 2017. – Т. 8. № 4. – С. 1-11.

² Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации / Капелюшников Р.И. – Москва: ГУВШЭ, 2001. – 308 с.

³ Шуваева Е.В. Методология цикличности регионального рынка труда / Шуваева Е.В. // *Актуальные вопросы современной экономической науки. Сборник докладов IV-й Международной научной заочной конференции*. Отв. ред. А.В. Горбенко. – Ставрополь: СКГТУ, 2011. – С. 47-51.

⁴ Яковлева Т.Н. Методология оценки цивилизованности рынка труда в России / Яковлева Т.Н. // *Актуальные вопросы экономической теории: развитие и применение в практике российских преобразований. Четвертая всероссийская научно-практическая конференция: материалы конференции*. – Уфа: УГАТИ, 2015. – С. 56-62.

⁵ Берешев С. Х. Регламентация гибких форм занятости в республике Казахстан / Берешев С. Х. // *Уровень жизни населения регионов России*. – 2018. – Том 14. – № 4. – С. 18-23. DOI: <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2018-10035>; Калиева С.А. Анализ молодежного рынка труда в Республике Казахстан в условиях глобальных вызовов / Калиева С.А., Буйтек Э.К., Мельдаханова М.К. // *Экономика: стратегия и практика*. – 2020. – № 15(4). – С. 81-88; Вишневская Н.Г. Рынок труда стран СНГ: сравнительный анализ конъюнктурных особенностей / Вишневская Н.Г. // *Региональная экономика: теория и практика*. – 2015. – № 37 (412). – С. 58-71.

В то же время, несмотря на то, что методология исследования рынка труда в целом, а также ряда направлений его изменения разработана многими авторами в ряде стран, проблематика выделения отраслевых приоритетов занятости в процессе ее реструктуризации, а также оценки качества сдвигов в отраслевой занятости может быть дополнена и уточнена. Рассматривая существующие методические подходы к выделению отраслевых приоритетов занятости, можно отметить ряд исследований, оценивающих изменения структуры занятости с точки зрения их соответствия прогрессивности отраслей и видов экономической деятельности. Как отмечает Кашепов А.В., проблема количественной оценки качества структурных изменений в занятости рассматривалась в российской науке с 80-х годов, а в 90-е годы появились различные индексы оценки структурных сдвигов¹. Некоторые из них предполагали сравнение удельного веса занятости с аналогичными показателями в странах, выбранными в качестве своего рода «эталона» (в частности, с США²). Другие подходы предполагали заимствования зарубежных интегральных показателей, в частности, индекс интенсивности структурных сдвигов американского экономиста Д. Лилиена, либо сопоставление структуры занятости в оцениваемой экономике с аналогичными параметрами в развитых странах³. Кашепов А.В. предложил индекс структурных изменений, базирующийся на национальных данных, без привязки к зарубежным аналогам – «индекс качества сдвигов» (ИКС), сочетающий экспертную

¹ Кашепов А.В. Структурные сдвиги в занятости населения России / Кашепов А.В. // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* – 2013. – №4 (30). – С. 129-136.

² *Занятость и рынок труда: новые реалии, национальные приоритеты, перспективы* / под ред. Л.С.Чижовой. – М.: Наука, 1998. – 254 с.

³ Воробьева О. Д. Оценка качества структурных сдвигов в занятости населения в современной России / Воробьева О.Д., Топилин А.В. // *Научные труды ИМП РАН.* – 2018. – № 16. – С. 494 – 504.

оценку «прогрессивности» отраслей и построение статистического показателя¹. Применение этого индекса в исследовании сдвигов занятости в российской экономике показало, что он демонстрировал рост в 2000-2010 годы и резкое замедление в 2010-2015 годах. Авторы объяснили эти результаты тем, что «в 2000-е «тучные» годы экономика испытывала подъем, росла занятость, деловая активность... а в конце 2000-х годов мировой экономический кризис привел к падению производства, основных макроэкономических показателей ... падении индексов качественных сдвигов в занятости до нулевых значений»². Таким образом, данный индекс оказался зависим от общеэкономической ситуации и от влияния на нее внешних факторов, что не позволяет оценить его как достаточно полно отражающий качество сдвигов на национальном рынке труда. На наш взгляд, в рамках разработки методического подхода к оценке качественной структуры занятости целесообразно дополнить и развить существующие методики за счет повышения объективности выделения прогрессивных отраслей и видов занятости.

Проблема объективности выделения прогрессивных отраслей признается в качестве ключевой и авторами аналогичных существующих методик – так, Кашепов А.В. признавал, что именно субъективность деления отраслей на «прогрессивные», «нейтральные» и «регрессивные» в рамках используемого метода экспертных оценок является основной проблемой его «индекса качества сдвигов». На наш взгляд, метод экспертных оценок имеет существенные недостатки в силу их субъективно-

¹ Кашепов А.В. Структурные сдвиги в занятости населения России / Кашепов А.В. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2013. – №4 (30). – С. 129-136.

² Воробьева О.Д. Оценка качества структурных сдвигов в занятости населения в современной России / Воробьева О.Д., Топилин А.В. // Научные труды ИПП РАН. – 2018. – № 16. – С.499.

сти, что подтверждается и результатами ряда международных индексов и рейтингов, строящихся на данных опросов. Поэтому в целях повышения объективности выделения прогрессивных отраслей целесообразно в процессе их селекции использовать статистические данные, которые должны отражать вклад той или иной отрасли в реализацию приоритетов экономического развития.

Соответственно, к числу приоритетных отраслей экономики, рост занятости в которых должен расцениваться как положительное явление и поощряться методами государственного регулирования, следует относить те, которые соответствуют критериям роста экономической эффективности. В числе таких критериев можно выделить следующие:

- максимальная производительность труда;
- максимальный уровень генерирования добавленной стоимости;
- максимальный объем выплачиваемых налогов;
- высокий уровень заработной платы;
- высокий уровень несырьевого экспорта;
- высокая доля инновационных субъектов хозяйствования.

Круг таких критериев может изменяться и уточняться в соответствии с национальными стратегиями экономического развития отдельных стран. В частности, приведенные выше критерии актуальны для Казахстана в части таких задач, как рост несырьевого экспорта и повышение уровня инновационности экономики, которые фигурируют в качестве целей экономического развития в ряде государственных программ.

Соотнесение происходящих на рынке труда сдвигов с планами и программами экономического развития также должно быть, на наш взгляд, одной из особенностей методики их оценки. Это позволит отслеживать действенность соответствующих программ,

призванных изменять в лучшую сторону отраслевую структуру хозяйственного комплекса и оценивать реакцию рынка труда на предпринимаемые государством меры по его изменению. Данный аспект методики по оценке структурных сдвигов может быть реализован на основе выделения приоритетных отраслей и сфер экономики, указанных в качестве таковых в основных программных документах страны. В настоящее время в Казахстане такими документами, задающими ключевые векторы развития национальной экономики, являются Стратегия «Казахстан-2050», Стратегический план развития Республики Казахстан до 2025 года, Национальная экспортная стратегия, Национальная инвестиционная стратегия, Государственная программа индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2020-2025 годы, а также ряд программ отраслевого развития (таких, как государственная программа «Цифровой Казахстан» и пр.).

Несмотря на то, что в данных программных документах отсутствуют целевые индикаторы по структуре экономики и удельному весу тех или иных отраслей на рассматриваемую в них перспективу, по их целям и задачам можно сделать вывод о том, какие виды деятельности и отрасли казахстанской экономики на текущем этапе ее развития признаются приоритетными в рамках государственной экономической политики. При этом зачастую в программах отсутствуют указания на конкретные отрасли, а приоритеты развития указываются не по отраслевому, а по функциональному признаку (увеличение притока инвестиций, рост объемов несырьевого экспорта, повышение инновационности и т.п.). Однако анализ существующих программных документов все же позволяет вычленить ряд отраслей, имеющих приоритетное значение в контексте их реализации. К числу таких видов деятельности и отраслей, указанных в отдельных программных документах можно отнести следующие:

- промышленная инфраструктура;
- туризм;
- энергетика (с акцентом на «зеленую» энергетику);
- машиностроение;
- жилищное строительство (эта и перечисленные выше отрасли отмечены в Стратегии «Казахстан-2050»);
- транспорт и складирование (программа «Нурлы жол»);
- образование (большое внимание уделено в Стратегическом плане развития до 2025 года; имеется отдельная отраслевая программа);
- информация и связь (в ряде программ делается акцент на информационно-коммуникационных технологиях; имеется отдельная отраслевая программа);
- горнодобывающая промышленность (развитие базовых отраслей как фундамента экономического роста зафиксировано в ряде документов);
- обрабатывающая промышленность (традиционный приоритет всех программ индустриально-инновационного развития);
- здравоохранение (фигурирует в нескольких программах, имеется отдельная отраслевая программа);
- государственное управление (повышение качества государственного управления является приоритетом ряда стратегических документов и программ);
- агропромышленный комплекс (фигурирует в большинстве программных документов).

Сопоставление указанных выше видов деятельности со структурой ВВП Казахстана приводит к выводу о том, что практически все основные виды экономической деятельности фигурируют в отдельных программных документах в качестве приоритетных и нуждающихся в поддержке. Из двадцати видов экономической деятельности, выделяемых статистикой в

структуре ВВП, рассчитанного методом производства, только шесть малозначимых не отмечены в тех или иных государственных программах (предоставление услуг по проживанию и питанию; операции с недвижимым имуществом; профессиональная, научная и техническая деятельность; деятельность в области административного и вспомогательного обслуживания; искусство, развлечения и отдых; предоставление прочих видов услуг; деятельность домашних хозяйств, нанимающих домашнюю прислугу; деятельность домашних хозяйств по производству товаров и услуг для собственного потребления). На долю этих шести видов деятельности приходится менее 20% ВВП Казахстана. Еще несколько видов деятельности, не фигурируя в государственных программах напрямую, тем не менее, являются подразумеваемыми их приоритетами, будучи необходимым условием развития обозначенных приоритетов. Это относится, в частности, к финансам (в ряде программ подчеркивается необходимость развития финансовых инструментов поддержки профильных приоритетов и расширения их финансирования). Наконец, логика поддержки малого и среднего бизнеса (МСБ), которая выделяется в качестве отдельного направления практически во всех программных документах общего характера, предполагает необходимость поддержки и тех отраслей, где наиболее распространен этот бизнес, то есть, в торговле, предоставлении услуг по проживанию и питанию и прочих видах услуг. Включение этих видов экономической деятельности в перечень приоритетов государственных программ, таким образом, создает картину государственной поддержки практически всех видов экономической деятельности, формирующей порядка 90% ВВП.

Очевидно, что столь широкий подход к выделению приоритетных отраслей на основе государственных программ не

будет методически корректным и представляется необходимым провести сужение круга приоритетов. Это возможно сделать на основе, во-первых, четких акцентов не на видах деятельности, а на конкретных отраслях, которые упоминаются в ряде программ, и во-вторых, на основе попытки вычленения отраслей из видов деятельности, упоминаемых в программах. К числу таких отраслей можно отнести следующие:

1. Машиностроение (прямо обозначено в качестве приоритета в ряде программ, включая Стратегию «Казахстан -2050»).

2. «Зеленая» энергетика – генерирующие мощности на возобновляемых источниках энергии (ВИЭ).

3. Пищевая промышленность (отрасль АПК, развитие которого поддерживается несколькими программными документами).

4. Фармацевтика (программы индустриально-инновационного развития).

Уточнять и дополнять этот перечень или другой (на другом этапе экономического развития с иными приоритетами) прогрессивных с точки зрения государственных программ отраслей можно на основе конкретизирующих приоритеты нормативных актов. Например, в 2016 году был принят Перечень приоритетных видов деятельности для реализации инвестиционных проектов, являющийся приложением к Постановлению Правительства Республики Казахстан от 14 января 2016 года № 13 «О некоторых вопросах реализации государственной поддержки инвестиций». Данное постановление принято в целях стимулирования притока инвестиций (в том числе, иностранных) в приоритетные отрасли и сферы деятельности казахстанской экономики, а перечень этих отраслей отличается конкретностью и фактически уточняет государственные отраслевые приоритеты не только в привлечении инвестиций, но и в развитии экономи-

ки в целом. На примере данного документа можно проиллюстрировать подход по выделению отраслевых приоритетов занятости. В данном перечне, в той его части, которая содержит приоритетные виды деятельности для реализации инвестиционных проектов (в том числе инвестиционных приоритетных проектов), специальных инвестиционных проектов¹ фигурирует более 250 видов деятельности (называемых в данном перечне классами), представляющих десятки отраслей – от рыболовства и аквакультуры до производства компьютеров, включая различные виды услуг.

В рамках методики оценки сдвигов в занятости эти несколько сотен классов деятельности не могут быть исследованы, поскольку не существует статистики занятости, детализированной до уровня соответствующих подотраслей. Анализ возможен только на уровне отдельных отраслей, однако их круг в указанном перечне слишком обширен, что не позволяет считать все эти отрасли приоритетными. В этой связи представляется целесообразным выделить отраслевые приоритеты на основе критерия максимальности количества классов деятельности, относящихся к ним и рассматриваемых как приоритетные для инвесторов. В перечне представлено 18 отраслей с более чем пятью классами деятельности, подпадающими под предоставление льгот (таб.1). Исходя из критерия выделения приоритетных отраслей на основе максимального количества классов деятельности, имеющих льготы, к числу таких отраслей можно отнести девять из указанных в таблице 1 с числом классов льготной деятельности 10 и более.

¹ О некоторых вопросах реализации государственной поддержки инвестиций. Постановление Правительства Республики Казахстан от 14 января 2016 года № 13. С изменениями на: 12.01.2021. URL: <https://zakon.uchet.kz/rus/docs/P1600000013#z43> (дата обращения: 3.07.2021)

Таблица 1. Отрасли с наибольшим количеством (более пяти) приоритетных классов деятельности в соответствии с Перечнем приоритетных видов деятельности для реализации инвестиционных проектов (в том числе инвестиционных приоритетных проектов), специальных инвестиционных проектов¹.

Отрасль (наименование раздела)	Количество приоритетных классов деятельности
Растениеводство и животноводство, охота и предоставление услуг в этих областях	24
Производство продуктов питания	24
Производство прочей неметаллической минеральной продукции	24
Производство машин и оборудования, не включенных в другие категории	21
Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	17
Металлургическая промышленность	16
Производство продуктов химической промышленности	15
Производство текстильных изделий	10
Производство электрического оборудования	10
Производство компьютеров, электронной и оптической продукции	9
Производство одежды	8
Электроснабжение, подача газа, пара и воздушное кондиционирование	8
Производство прочих транспортных средств	7
Гражданское строительство	7
Сухопутный транспорт и транспортирование по трубопроводам	6
Складское хозяйство и вспомогательная транспортная деятельность	6
Образование	6

¹ Источник: О некоторых вопросах реализации государственной поддержки инвестиций. Постановление Правительства Республики Казахстан от 14 января 2016 года № 13. С изменениями на: 12.01.2021. URL: <https://zakon.uchet.kz/rus/docs/P1600000013#z43> (дата обращения: 3.07.2021).

При этом надо отметить, что выделенные в перечне приоритетов и представленные в таблице отрасли имеют детализированную классификацию, если же использовать более агрегированный подход, то безусловным лидером будет машиностроение в целом, на которое приходится более 50 классов деятельности, разбитых в перечне на несколько отраслей по видам производимой продукции. Также высокую приоритетность имеет пищевая промышленность (в которую, помимо присутствующего в таблице производства продуктов питания входит также производство напитков), а также легкая промышленность, представленная несколькими отраслями с относительно небольшим количеством классов, которые в совокупности насчитывают более двух десятков приоритетных видов деятельности. Таким образом, если пользоваться более укрупненной классификацией отраслей, к числу приоритетных можно отнести в первую очередь машиностроение, а также пищевую и легкую промышленность, растениеводство и животноводство, производство прочей неметаллической минеральной продукции (фактически, промышленность строительных материалов), металлургию и химическую промышленность. Этот список в целом соответствует выделенным выше отраслям, которые фигурируют непосредственно в государственных программах, из которых к нему можно добавить фармацевтическую промышленность.

На основе описанного выше процесса селекции отраслей по двум критериям – экономической эффективности на основе ряда предложенных показателей, и приоритетности с точки зрения государственных программных документов, - можно выстраивать процесс оценки прогрессивности сдвигов в занятости на основе следующей матрицы выделения приоритетов (рис.1).

На наш взгляд, использование двух направлений перекрестной оценки отраслей для выделения наиболее прогрессивных

из них повышает объективность данного процесса и позволяет учесть как текущие задачи экономического роста, которые отражены в государственных программах, так и императивы стратегического развития, базирующиеся на фундаментальных экономических критериях прибыльности бизнеса (и, как следствие, объема уплачиваемых им налогов), влияния на экономический рост (критерий максимизации ВДС), производительности труда, инновационности, а также социальной ответственности отраслей, отражающейся в показателе отраслевой заработной платы. На рисунке 1 представлен условный пример выбора приоритетов, в котором соответствие отраслей (определенных выше на основе действующих государственных программ) критериям экономической эффективности приведено в порядке иллюстрации предлагаемого методического подхода. В соответствии с ним, максимально прогрессивными отраслями казахстанской экономики в настоящее время можно признать машиностроение, металлургию, и пищевую промышленность. Также к числу прогрессивных можно отнести химическую промышленность, производство прочей неметаллической минеральной продукции и фармацевтику.

		Критерии эффективности и содействия задачам стратегического развития экономики					
		Производительность труда	Генерирование ВДС	Коэффициент налоговой нагрузки	Уровень заработной платы	Объем несырьевого экспорта	Доля инновационных предприятий
Отрасли, признанные приоритетными в государственных программах документах	Машиностроение	x	x		x	x	x
	Растениеводство и животноводство		x				
	Пищевая промышленность		x		x	x	x
	Легкая промышленность						x
	Производство прочей неметаллической минеральной продукции		x		x	x	
	Металлургия	x	x	x	x	x	
	Химическая промышленность	x			x	x	
	Фармацевтика	x			x		x

Отраслевые приоритеты занятости

Рисунок 1. Матрица выделения отраслевых приоритетов занятости. Разработано автором.

На основе полученной выборки прогрессивных отраслей можно формировать индикатор сдвигов в занятости. На наш взгляд, данный индикатор целесообразно рассчитывать без привязки к регрессивным отраслям, как это делается, например, при расчете «индекса качества сдвигов», в котором сопоставляется занятость в прогрессивных и регрессивных отраслях. В контексте оценки сдвигов занятости, направленной на измерение прогресса структуры занятости достаточно оценивать изменения удельного веса и значимости на рынке труда прогрессивных

отраслей, тогда как изменения, происходящие в регрессивных отраслях, не имеют принципиального значения.

В методическом плане существуют также и проблемы, связанные с доступностью статистики отраслевой занятости. В настоящее время полная численность занятых отражается статистикой Казахстана только на уровне макроотраслей – видов экономической деятельности, – тогда как данные о занятости на уровне отраслей внутри них представлены недостаточно полно. В частности, данные о занятости по отраслям промышленности и с выделением отдельных отраслей в других видах деятельности (сельском хозяйстве, финансах, транспорте и пр.) доступны только по крупным и средним предприятиям, но соответствующая статистика представляет меньшую часть рынка труда – так, по данным за 2020 год она содержит данные по 2798 тыс. занятых из 8794 тысяч общего количестве работающих в Казахстане¹ (31,8%). Наиболее полно данные по занятости в отраслевом разрезе представлены в бюллетене «Численность работников и оплата труда по формам собственности и видам экономической деятельности в Республике Казахстан», в котором содержатся данные о занятых на основе трудовых договоров, а общая численность учтенных работников в этом бюллетене по итогам 2020 года составила 3787 тыс. человек, что соответствует 43% общей численности занятого населения. Дальнейшие расчеты отраслевой занятости в настоящем разделе будут производиться на основе данных, содержащихся в указанном бюллетене.

¹ Основные показатели по труду по крупным и средним предприятиям в Республике Казахстан. 2020 год. Статистика труда и занятости. 17 серия. Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Бюро национальной статистики. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/25/statistic/5> (дата обращения: 6.07.2021); Занятое население по видам экономической деятельности и регионам за 2010-2020 гг. Статистика труда и занятости. Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Бюро национальной статистики. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/25/statistic/5> (дата обращения: 6.07.2021).

Собственно оценка сдвигов отраслевой занятости в рамках предлагаемого методического подхода будет производиться на основе расчета индексных значений изменения удельного веса приоритетных отраслей за требуемый в целях исследования период времени. В таблице 2 приведен пример такого расчета индекса сдвигов в отраслевой занятости для прогрессивных отраслей, выделенных выше на основе перекрестного применения критериев экономической эффективности и фигурирования в текущих государственных программах.

Таблица 2. Данные для расчета индекса измерения сдвигов в отраслевой занятости в период 2011-2020 годов и значение индекса¹.

	Численность занятых, чел.		Удельный вес занятых в отрасли в общей численности занятых, %		Индекс изменения 2020 к 2011 году (значения базового года = 100)
	2011 год	2020 год	2011 год	2020 год	
Машиностроение	30773	30511	0,9	0,8	92,4
Растениеводство и животноводство	115116	69038	3,3	1,8	55,9
Пищевая промышленность	70658	62124	2,0	1,6	81,9
Легкая промышленность	13285	11213	0,4	0,3	78,6
Производство прочей неметаллической минеральной продукции	33114	25962	0,9	0,7	73,0

¹ Источник: Численность работников и оплата труда по формам собственности и видам экономической деятельности в Республике Казахстан. Статистика труда и занятости. 17 серия. Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Бюро национальной статистики. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/25/statistic/5> (дата обращения: 6.07.2021).

Металлургия	121282	85856	3,4	2,3	66,0
Химическая промышленность	20340	17425	0,6	0,5	79,8
Фармацевтика	1877	3727	0,1	0,1	185,0
ВСЕГО	3528209	3786863	11,5	8,1	70,1

Приведенные в таблице значения индексов демонстрируют снижение по большинству прогрессивных отраслей, за исключением фармацевтической промышленности, что отражает сокращение удельного веса занятости в этих отраслях за последние десять лет. Как результат отраслевого сокращения, значительное снижение продемонстрировал и общий индекс, значение которого (70,1) отражает значительное снижение совокупной доли занятости в восьми приоритетных отраслях за последнее десятилетие. Итоговый индекс по всем отраслям, представленный в таблице, рассчитан как средневзвешенный, но можно предположить, что для определенных целей правомерно использование и простого среднеарифметического значения данного индекса, значение которого для указанных восьми отраслей сложилось на уровне 89.

Резюмируя вышеизложенное, можно обобщить предложенный методический подход к оценке качества сдвигов в отраслевой занятости на основе предварительной селекции прогрессивных отраслей экономики в следующем виде (рис.2). Процесс реализации данного подхода включает три этапа, результатом которых является полученная на основе многоуровневого анализа оценка качества происходящих сдвигов в отраслевой занятости с точки зрения соответствия изменения численности занятых по отраслям приоритетности этих отраслей.

Рисунок 2. Схема реализации методического подхода к оценке качества сдвигов в отраслевой структуре занятости. Разработано автором.

Использование данного подхода к оценке качества сдвигов занятости в Казахстане позволяет сделать общий вывод о том, что данные сдвиги в целом имеют неблагоприятный характер, а реструктуризация занятости в течение десяти последних лет не соответствовала приоритетам экономического развития, что выразилось в сокращении удельного веса занятых в большинстве прогрессивных отраслей (в семи из восьми случаев), а также существенном снижении совокупного удельного веса занятых в данных отраслях.

2.2. Сценарии развития казахстанского рынка труда и механизмы реструктуризации занятости в условиях турбулентности внешней среды

Развитие экономики Казахстана в условиях пандемии COVID-19, внутри- и внешнеполитических событий 2022 года, равно как и опыт преодоления мировых финансовых кризисов прежних лет обозначили ряд важных векторов реструктуризации занятости в условиях турбулентности внешней среды, которые уже оказали значительное влияние на рынок труда и, очевидно, будут продолжать оказывать это влияние, как минимум, в среднесрочной перспективе. Например, итогами пандемии как для мирового, так и для казахстанского рынка труда стали такие явления, как снижение занятости и рабочей силы, рост безработицы, сокращение занятости в тех отраслях и видах деятельности, которые оказались наиболее уязвимы к конкретному кризису в определенной стране, развитие удаленных форм работы, резкий рост спроса на ряд новых специальностей. Влияние пандемийных и иных шоков последних лет на занятость в Казахстане, однако, оказалось достаточно умеренным, что обусловлено низкой эластичностью отраслевой структуры занятости с незначительными ее изменениями даже на длительных временных отрезках.

Изменение структуры занятости в Казахстане в периоды влияния внешних шоков фиксировалось, но было слабо выраженным (занятость росла почти во всех видах деятельности, невзирая на рост или снижение их удельного веса в ВВП, обусловленное влиянием шоков), взаимосвязь между удельным весом в занятости и удельным весом в ВВП наблюдалась только в четырех крупных видах деятельности из шестнадцати¹. При этом влияние внешних шоков на удельный вес занятости даже в наиболее подверженных

¹ Додонов, В. (2022). Изменение отраслевой структуры занятости населения Казахстана в периоды турбулентности внешнеэкономической среды. *Казахстан-Спектр*, 103(3). извлечено от <https://journal-ks.kisi.kz/index.php/ks/article/view/132>

им видах деятельности и даже в периоды сильных шоков было достаточно ограниченным, так как изменение удельного веса соответствующих отраслей в занятости было меньшим по сравнению с изменением удельного веса отрасли в ВВП, и непродолжительным. Ряд крупных видов деятельности продемонстрировали высокую устойчивость к внешним шокам, что выразилось в отсутствии реакции показателей занятости на эти шоки, главным образом, благодаря устойчивому государственному финансированию (образование, здравоохранение). В то же время, отмечается, что в периоды особенно сильных внешних шоков взаимосвязь между экономическими результатами отраслей и показателями занятости усиливается, в благоприятные периоды – снижается. При этом действие сильных шоков на те или иные виды деятельности активизирует вымывание рабочей силы, а влияние изменения показателей оплаты труда на движение рабочей силы и на изменение отраслевой структуры занятости в периоды сильных внешних шоков незначительно.

Это позволяет сделать вывод о том, что на процесс реструктуризации занятости в Казахстане большее влияние оказывают системные изменения в структуре экономики и сдвиги в спросе-предложении на определенные профессии, а не шоки, влияние которые носит кратковременный характер и в значительной мере нивелируется как инертностью отраслевой занятости, так и мерами государственной поддержки, осуществляемыми в периоды действия данных шоков. В этой связи, сценарии развития казахстанского рынка труда будут определяться не столько переживаемыми экономикой шоками (либо, напротив, благоприятными факторами), сколько фундаментальными сдвигами в изменении структуры экономики, занятости, и эволюцией спроса на наиболее массовые профессии. Соответственно, разработка сценариев развития казахстанского рынка труда должна

строиться на основе подхода, учитывающего данные факторы, и предполагать анализ тенденций изменений структуры экономики Казахстана и отраслевой структуры занятости, обусловленных этими и иными изменениями, а также учет ключевых сдвигов на рынке труда.

Известно, что долгосрочные тенденции рынка труда имеют достаточно устойчивый характер, и при этом во многих ключевых видах экономической деятельности (в частности, в сельском хозяйстве и промышленности) они слабо взаимосвязаны с экономическими результатами, так как изменение удельного веса отрасли в ВВП на длительных временных промежутках не сопровождается соответствующим изменением ее удельного веса в занятости. Так, доля в ВВП сельского хозяйства в период с 2010 по 2022 годы выросла с 4,5% до 5,1%¹, однако численность занятых в этом виде деятельности снизилась более чем в два раза – с 2254,3 тыс. чел. до 1108,9 тыс. чел. Этот пример демонстрирует, что изменения на рынке труда далеко не всегда и не в полной мере обусловлены сдвигами в структуре экономики, но могут быть вызваны многими другими факторами – от процессов модернизации производства, высвобождающих значительное количество занятых, до миграции, изменения мотивации к различным видам трудовой деятельности и пр.

В таблице 3 представлены виды экономической деятельности Казахстана, ранжированные по динамике изменения занятости, которая демонстрирует, что ситуация на рынке труда в значительной мере определяется долгосрочными тенденциями, не всегда напрямую связанными с изменениями в структуре экономики.

¹ Структура ВВП/ Статистика национальных счетов. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://old.stat.gov.kz/official/industry/11/statistic/8> (дата обращения: 9.06.2023).

Таблица 3. Параметры изменения занятости по основным видам экономической деятельности Казахстана в период 2010-2022 гг.¹

	Изменение, тыс. чел.	Изменение, %
Предоставление прочих видов услуг	228,3	199,9
Предоставление услуг по проживанию и питанию	93,3	88,8
Финансовая и страховая деятельность	81,6	77,9
Профессиональная, научная и техническая деятельность	104,4	69,9
Деятельность в области административного и вспомогательного обслуживания	113,4	67,8
Искусство, развлечения и отдых	47,8	53,1
Информация и связь	57,2	52,3
Здравоохранение и социальное обслуживание населения	191,0	51,6
Водоснабжение; сбор, обработка и удаление отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	27,2	47,4
Горнодобывающая промышленность и разработка карьеров	81,1	41,9
Образование	326,0	39,9
Государственное управление и оборона; обязательное социальное обеспечение	132,0	35,1
Транспорт и складирование	128,8	25,2
Оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей и мотоциклов	273,7	22,4
Операции с недвижимым имуществом	27,1	19,5
Строительство	89,1	15,6
Снабжение электроэнергией, газом, паром, горячей водой и кондиционированным воздухом	16,0	12,1
Обрабатывающая промышленность	48,1	8,5
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	-1186,0	-51,7

¹ Рассчитано автором по данным следующего источника: Занятое население по основным видам экономической деятельности. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://old.stat.gov.kz/official/industry/25/statistic/7> (дата обращения: 1.03.2023).

Рассматривая приведенные в таблице 3 данные, можно выделить несколько важных для развития казахстанского рынка труда особенностей, оформившихся в долгосрочные тенденции изменения его отраслевой структуры:

1. Постоянное снижение занятости в сельском хозяйстве, выражающееся как в абсолютных, так и относительных показателях занятости. В период с 2010 по 2022 годы количество занятых в сельском, лесном и рыбном хозяйстве сократилось на 1186 тысяч человек (или на 52%), что привело к снижению удельного веса данного вида деятельности в занятости с 28,3% до 12,4%. По итогам 2022 года впервые в истории сельское хозяйство переместилось по численности занятого населения на третье место с показателем в 1109 тыс. чел., уступив второе место образованию (1142 тыс. чел.). Первое же место этот, ранее безоговорочно лидирующий по количеству занятых, вид деятельности уступил торговле еще в 2017 году. Очевидно, что эта тенденция является одной из наиболее устойчивых на казахстанском рынке труда и сокращение занятости в сельском хозяйстве продолжится в средне- и, вероятно, долгосрочной перспективе.

2. Опережающие темпы роста занятости в сфере услуг, прежде всего, в тех отраслях этой сферы, где велика доля низкоквалифицированных сотрудников. Эти отрасли выступают реципиентами работников, высвобождающихся из сельского хозяйства (зачастую при этом мигрирующих из сельской местности в городскую), что обуславливает высокие темпы роста занятости в них. Среди отраслей сферы услуг с высокими показателями прироста занятых фигурируют торговля (второй по абсолютному объему прирост занятых в течение 2010-2022 годов), предоставление прочих видов услуг (абсолютный лидер с большим отрывом по динамике роста, трехкратный показатель, и третья отрасль по абсолютному приросту занятых), предоставление

услуг по проживанию и питанию (второе место по динамике роста среди всех видов деятельности – 89%).

3. Устойчивое и значительное в абсолютном объеме увеличение занятых в видах деятельности с высокой долей государственного бюджетного финансирования. Такими видами деятельности являются образование, в котором произошел максимальный прирост численности занятых в 2010-2022 годах (326 тыс. чел.), здравоохранение и социальное обслуживание населения (191 тыс. чел, четвертый показатель по абсолютному объему увеличения занятых), и государственное управление и оборона; обязательное социальное обеспечение (132 тыс. чел.). Совокупный прирост занятости в этих трех видах деятельности составил 650 тыс. человек, а темпы роста за рассматриваемый период составили от 35% до 52%, то есть, значительно опередили средний уровень (10,6%). Это свидетельствует о том, что государство, являясь крупнейшим работодателем, также в значительной мере определяет и общие, стержневые тенденции на рынке труда Казахстана и формирует значительную часть роста спроса на рабочую силу в тех видах деятельности, где бюджетное финансирование играет определяющую роль.

4. Низкие темпы роста занятости в ряде ключевых видов деятельности. Помимо сельского хозяйства, меньший относительно среднего по Казахстану показатель роста занятости демонстрирует обрабатывающая промышленность, в которой с 2010 года численность работников выросла всего на 8,5%, а темпы ниже 20% имеют также строительство (15,6%) и промышленность в целом (18,2%). Таким образом, ключевые во многих отношениях отрасли, получающие различные виды государственной поддержки и даже прямой помощи в отдельные кризисные годы демонстрируют минимальные темпы роста занятости среди двух десятков

видов экономической деятельности Казахстана. При этом можно отметить, что как сельское хозяйство, так и обрабатывающая промышленность в рассматриваемый период увеличили свой удельный вес в ВВП, то есть, демонстрировали большую эффективность производства, что, однако не только не привело к опережающему росту занятости, но сопровождалось значительно худшей ее динамикой по сравнению с другими отраслями. Строительство также демонстрирует пример отсутствия прямой корреляции между экономическими показателями и занятостью. В течение последних нескольких лет отрасль пользуется широким спектром государственных стимулов (в частности, реализуется ряд государственных ипотечных программ, создающих значительный дополнительный спрос на жилье), что обусловило очень интенсивные темпы роста, кратно опережающие динамику ВВП Казахстана. Так, за последние семь лет средний рост в строительстве измерялся 8,2%, тогда как рост ВВП – 2,7%, однако рост занятости в отрасли при этом оказался отрицательным (-3%). Пример этих, во многих отношениях стратегических, видов деятельности демонстрирует слабую взаимосвязь между экономическими условиями и результатами деятельности отдельных отраслей и динамикой занятости, что также необходимо учитывать при разработке сценариев развития казахстанского рынка труда.

Принимая во внимание выделенные особенности изменений структуры занятости, можно предложить следующий подход к разработке сценариев развития казахстанского рынка труда (рис.3).

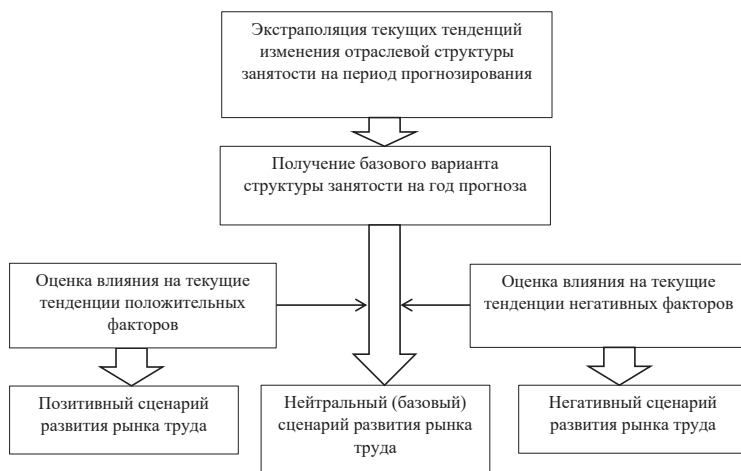

Рисунок 3. Подход к разработке сценариев развития казахстанского рынка труда.

Поскольку определяющими для прогнозирования являются долгосрочные тенденции на рынке труда, эти тенденции должны выступать и базой для разработки основного сценария его развития на среднесрочную перспективу (около 5 лет). При этом также должно оцениваться и влияние наиболее сильных факторов, способных отклонить соответствующие тенденции как в позитивном, так и в негативном направлениях. Данные оценки позволяют разработать позитивный и негативный сценарии развития рынка труда наряду с базовым, который определяется экстраполяцией существующих долгосрочных тенденций.

Иллюстрацией данного подхода может быть прогноз основных показателей рынка труда на пятилетнюю перспективу, сделанный на основе экстраполяции тенденций изменения соответствующих показателей в течение предыдущих тринадцати лет (рис.4). В соответствии с данными тенденциями, в среднесрочной перспективе (пяти лет, то есть, в 2027 году) рабочая

сила в Казахстане будет составлять около 9650 тыс. чел., занятое население – около 9200 тыс. чел., в том числе, наемные работники – около 7400 тыс. чел., а самозанятое население – около 1800 тыс. чел. Численность безработного населения останется на уровне последних лет, составив порядка 450 тыс. чел., а уровень безработицы снизится до примерно 4,7%.

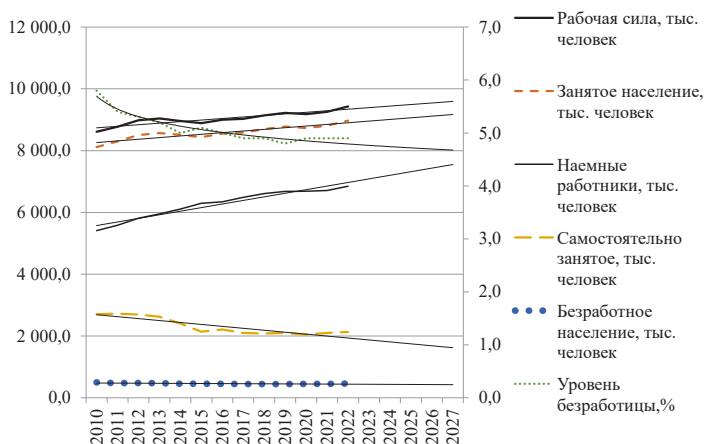

Рисунок 4. Тенденции изменения основных показателей занятости в Казахстане на пятилетнюю перспективу.¹

Данный сценарий, основанный на экстраполяции существующих тенденций, является базовым, однако влияние на эти тенденции значимых факторов может изменить его в лучшую или худшую стороны, сформировав, соответственно, позитивный и негативный сценарии. Очевидно, что в рамках позитивного сценария предполагается улучшение показателей занятости, более

¹ Рассчитано автором по данным следующего источника: Основные индикаторы рынка труда в Республике Казахстан. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://old.stat.gov.kz/official/industry/25/statistic/7> (дата обращения: 11.06.2023).

выраженное сокращение уровня безработицы (до 4,5-4,6%) и численности самозанятого населения, что будет означать повышение институционализации рынка труда, снижение доли непродуктивно занятого населения и рост вовлеченности занятых в системы социального обеспечения (пенсионное, медицинское) и повышение уровня налоговых отчислений с их стороны. Ухудшение же этих параметров вследствие тех или иных шоков будет означать реализацию негативного сценария. При этом ключевой параметр рынка труда – численность рабочей силы, – не будет, по нашему мнению, отличаться заметными колебаниями в рамках различных сценариев, поскольку данный параметр определяется более общими демографическими тенденциями и в перспективе пяти лет не будет подвержен существенным изменениям.

Разработка сценариев изменения отраслевой структуры рынка труда Казахстана в рамках указанного подхода предполагает прогнозирование удельного веса в занятости основных видов экономической деятельности на пятилетний период (то есть, на 2027 год) на основе экстраполяции тенденций изменения соответствующих показателей в предыдущие годы (в период 2010-2022 годы). Нами были рассчитаны доли семнадцати видов экономической деятельности, данные по которым доступны для периода формирования тенденции (2010-2022 годы) на основе линейной или логарифмической аппроксимации, в зависимости от характера тенденций предыдущих лет, для 2027 года. Прогнозная оценка отраслевой структуры занятости в 2027 году, рассчитанная на основе экстраполяции существующих тенденций в рамках базового (нейтрального) сценария приведена в таблице 4 в сопоставлении с предыдущими периодами, что позволяет оценить характер происходящих и ожидаемых изменений.

Таблица 4. Прогноз изменения отраслевой структуры занятости на среднесрочную перспективу в рамках тенденций 2010-2022 годов по базовому сценарию, % занятых.¹

	2010	2017	2022	2027 (прогноз по базовому сценарию)
Оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей и мотоциклов	15,1	15,5	16,7	17,6
Образование	10,1	12,3	12,7	14,5
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	28,3	15,4	12,4	10,0
Транспорт и складирование	6,3	7,1	7,1	7,6
Строительство	7,0	7,2	7,3	7,2
Здравоохранение и социальное обслуживание населения	4,6	5,6	6,3	6,9
Обрабатывающая промышленность	7,0	6,8	6,8	6,8
Государственное управление и оборона; обязательное социальное обеспечение	4,6	5,6	5,7	6,4
Предоставление прочих видов услуг	1,4	3,1	3,8	3,9
Деятельность в области административного и вспомогательного обслуживания	2,1	3,3	3,1	3,5
Горнодобывающая промышленность	2,4	3,3	3,1	3,5
Профессиональная, научная и техническая деятельность	1,8	2,8	2,8	3,1
Предоставление услуг по проживанию и питанию	1,3	2,2	2,2	2,4
Финансовая и страховая деятельность	1,3	2,0	2,1	2,4
Операции с недвижимым имуществом	1,7	1,9	1,9	2,1
Информация и связь	1,3	1,8	1,9	2,0
Искусство, развлечения и отдых	1,1	1,6	1,5	1,7

¹ Рассчитано автором по данным следующего источника: Занятое население по основным видам экономической деятельности. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://old.stat.gov.kz/official/industry/25/statistic/7> (дата обращения: 1.03.2023)

Данные изменения продолжают траекторию тех сдвигов в отраслевой структуре занятости, которые были проанализированы ранее и демонстрируют особенности реструктуризации занятости в Казахстане, которая будет происходить в среднесрочной перспективе. Основными из этих особенностей в рамках нейтрального сценария являются дальнейшее сокращение удельного веса в занятости сельского хозяйства, которое стремительно теряет свои позиции ранее крупнейшего отраслевого рынка труда, а к 2027 году доля данного вида деятельности сократится до примерно 10% при том, что еще в 2010 году она составляла почти 29%. Также можно отметить очень интенсивный рост долей относительно небольших видов экономической деятельности, которые к 2027 году превзойдут показатели 2010 года более чем в полтора раза (искусство, развлечения и отдых; финансовая и страховая деятельность; профессиональная, научная и техническая деятельность; предоставление услуг по проживанию и питанию; предоставление прочих видов услуг). Совокупная прогнозируемая доля этих пяти видов деятельности к 2027 году достигнет 13,5%, тогда как в 2010 году она составляла всего 6,9%. Таким образом, данные виды деятельности, значительная часть занятости к которым представлена так называемыми креативными профессиями, в совокупности превзойдут такие крупнейшие по числу занятых отрасли, как сельское хозяйство, строительство, и практически сравняются с образованием. Этот сдвиг в резком повышении роли ранее не очень значимых профессий и отраслей, на наш взгляд, заслуживает особого внимания, так как в долгосрочной перспективе способен привести к еще более существенным изменениям на рынке труда.

Еще одной характерной для Казахстана тенденцией является продолжение интенсивного роста занятости в видах деятельности с преимущественно государственной формой собственности

и финансирования – здравоохранении (прогнозируемый рост к 2027 году до 6,9% с выходом на шестое место), государственное управление и оборона; обязательное социальное обеспечение (рост до 6,4%), образование, которое в рассматриваемой перспективе займет устойчивое второе место в отраслевой структуре занятости, значительно превзойдя долю сельского хозяйства, которому заметно уступало еще в 2017 году. Совокупная доля этих трех видов деятельности приблизится к 28%, что представляет очень значительный рост относительно показателя 2010 года (19%) и может привести к возникновению значительных побочных эффектов, в том числе и негативных, включая резкий рост нагрузки на государственный бюджет. В целом, тенденция быстрого роста занятости в фактически непроизводственных отраслях, большая часть которых финансируется за счет государственных расходов, представляется неоднозначной и заслуживающей отдельного изучения для оценки ее экономических последствий.

Более наглядно отраслевые сдвиги в занятости в период 2010-2027 годов, в соответствии с нейтральным сценарием, можно оценить, рассматривая динамику крупнейших видов экономической деятельности (с удельным весом на рынке труда более 6,5%), представленную на рисунке 5. К 2027 году эти шесть видов деятельности будут представлять более 70% занятости в Казахстане, но их внутренняя структура претерпит существенные изменения по сравнению с 2010 годом, что выразится в резком снижении совокупной доли отраслей, производящих товары (сельское хозяйство, строительство, обрабатывающая промышленность), и соответствующем росте отраслей сферы услуг, в которой будут преобладать виды деятельности с преимущественно государственным финансированием (образование и здравоохранение), а также торговля, доля которой продолжит расти и достигнет почти 18%.

Рисунок 5. Изменение отраслевой структуры занятости для крупнейших видов экономической деятельности с учетом прогноза на 2027 год, %.¹

В контексте рассмотрения сценариев развития рынка труда на среднесрочную перспективу также целесообразно проанализировать изменения отраслевой структуры занятости в ближайшие пять лет, которые ожидаются в рамках базового прогноза на основе экстраполяции предшествующих тенденций. Данный прогноз предполагает достаточно существенные изменения удельного веса за относительно недолгий пятилетний период у ряда видов деятельности (рис. 6).

¹ Рассчитано автором по данным следующего источника: Занятое население по основным видам экономической деятельности. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://old.stat.gov.kz/official/industry/25/statistic/7> (дата обращения: 1.03.2023).

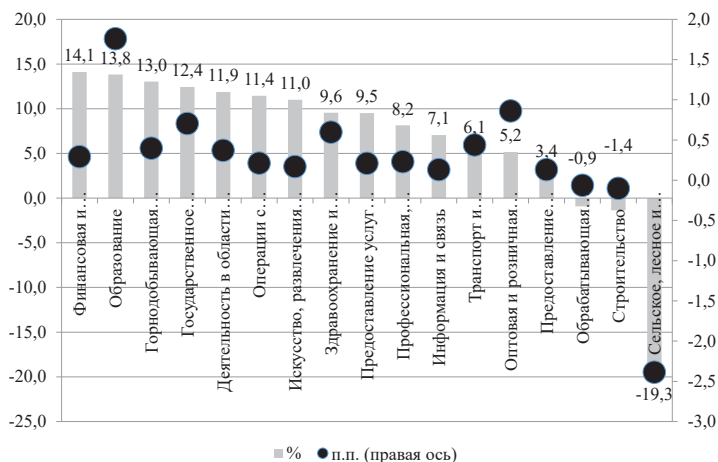

Рисунок 6. Прогноз изменения удельного веса в занятости основных видов экономической деятельности в период 2022-2027 годов¹.

Так, прогноз предполагает, что у семи отраслей рост удельного веса превысит 10%, (а снижение удельного веса сельского хозяйства составит 19%). Наиболее масштабные подвижки в абсолютном выражении будут наблюдаться (традиционно для последних лет) в сельском хозяйстве, образовании, и торговле – видах деятельности с высокой численностью занятых и значительными ожидаемыми изменениями размера удельного веса в занятости. Также можно отметить, что, как и в предыдущие годы, в числе наименее динамично растущих отраслей окажется обрабатывающая промышленность и строительство – два крупнейших после сельского хозяйства вида деятельности

¹ Рассчитано автором по данным следующего источника: Занятое население по основным видам экономической деятельности. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://old.stat.gov.kz/official/industry/25/statistic/7> (дата обращения: 1.03.2023).

по численности занятых в сфере реального сектора экономики (производящих товары, а не услуги), в которых базовый прогноз предполагает даже сокращение, хотя и очень незначительное, удельного веса в занятости.

Таким образом, нейтральный сценарий реструктуризации занятости Казахстана, основанный на тенденциях последних тринадцати лет, предполагает следующие основные особенности развития рынка труда в среднесрочной перспективе:

- увеличение рабочей силы и занятого населения;
- увеличение численности наемных работников при сокращении численности самостоятельно занятых;
- снижение уровня безработицы при стабильности численности безработных;
- снижение совокупного удельного веса в занятости видов экономической деятельности сферы производства товаров (реального сектора) и увеличение занятости в сфере услуг;
- укрепление позиций торговли в качестве крупнейшего вида деятельности по численности занятых;
- опережающий рост занятости в видах деятельности с преимущественно государственным финансированием и рост совокупной доли занятых в этих видах деятельности до уровня, близкого к 30% общей численности работающего населения;
- отстающие темпы роста занятости в обрабатывающей промышленности;
- дальнейшее сокращение занятости в сельском хозяйстве;
- интенсивный рост занятости в отраслях сферы услуг с высоким содержанием креативных профессий.

Разработка негативного и позитивного сценариев на основе базового прогноза предполагает не просто оценку тех или иных факторов, способных оказать заметное влияние на текущие тенденции рынка труда, но и интерпретацию соответствующих

изменений в качестве положительных или отрицательных. В данном случае, встает вопрос о критериях оценки процесса реструктуризации занятости, позволяющих трактовать изменения отраслевой и иной структуры как положительные или отрицательные. На наш взгляд, основным критерием прогрессивности того или иного вида деятельности может быть производительность труда. Прогрессивными видами деятельности в целом, при использовании этого критерия, являются те, в которых производительность труда выше среднего по экономике Казахстана уровня, и наоборот. Соответственно, изменение занятости в отраслях с более высокой производительностью труда опережающими темпами может расцениваться как прогрессивная реструктуризация и позитивный сценарий, а рост занятости в отраслях с низкой производительностью наряду со снижением или отстающим ростом занятости в отраслях с высокой производительностью труда можно считать негативным сценарием реструктуризации. Производительность труда в рассмотренных выше основных видах экономической деятельности в сравнении со средним уровнем по экономике Казахстана по результатам 2022 года представлена на диаграмме рисунка 7.

Рисунок 7. Производительность труда по видам экономической деятельности в 2022 году, тыс. тенге ВДС на одного занятого.¹

Поскольку показатель производительности, базирующийся на объеме произведенной отраслями ВДС, имеет определенные погрешности и, кроме того, подвержен волатильности в зависимости от текущих экономических условий, отнесение тех или иных видов деятельности к более или менее прогрессивным целесообразно, на наш взгляд, при условии значительного отклонения этого показателя от среднего по экономике уровня. При таком подходе в настоящее время прогрессивными видами деятельности, увеличение занятости в которых можно расценивать как положительный сценарий, являются горнодобывающая и обрабатывающая промышленность, финансовая и страховая деятельности, информация и связь, а также профессиональная, научная и техническая деятельность. Видами деятельности с

¹ Рассчитано автором по данным следующего источника: Производительность труда / Статистика национальных счетов. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://old.stat.gov.kz/official/industry/11/statistic/8> (дата обращения: 21.06.2023).

низкой производительностью, рост занятости в которых можно трактовать как негативный сценарий, в этом случае являются образование, государственное управление и оборона, сельское хозяйство, предоставление услуг по проживанию и питанию, здравоохранение, искусство, развлечения и отдых, предоставление прочих видов услуг. При этом необходимо отметить, что прогрессивность ряда указанных отраслей не может оцениваться на основе формального значения производительности, так как они представляют сферу предоставления общественно значимых услуг и благ (образование, здравоохранение, государственное управление), а также имеют специфику формирования и исчисления валовой добавленной стоимости. Поэтому рост занятости в данных видах деятельности не может априори рассматриваться как негативный сценарий. В этой связи, в числе отраслей с низкой производительностью целесообразно выделить, в первую очередь, сельское хозяйство, услуги по проживанию и питанию, искусство, развлечения и отдых, и прочие услуги.

Рассматривая изменения отраслевой структуры занятости в контексте их прогрессивности по критерию производительности труда, можно отметить, что текущие тенденции, рассмотренные выше в рамках базового, нейтрального сценария, также нельзя назвать прогрессивными. Отрасли с высокой производительностью труда (промышленность, финансы, информация и связь, профессиональная, научная и техническая деятельность) в период 2010-2022 годов увеличили свой совокупный удельный вес на рынке труда с 13,8% до 16,7%, однако еще быстрее росла совокупная доля видов деятельности с низкой производительностью труда (даже без учета «социальных» отраслей) – совокупный удельный вес услуг по проживанию и питанию, прочих видов услуг, искусства, развлечения и отдыха вырос с 3,8% до 7,6%, значительно более высокими темпами. Единственным

позитивным явлением можно считать сокращение занятости в сельском хозяйстве, крупнейшем виде деятельности с низкой производительностью труда, бывшие работники которого, очевидно, обеспечили рост указанных отраслей, имеющих несколько более высокие показатели производительности.

Исходя из критерия производительности, позитивный сценарий развития казахстанского рынка труда в среднесрочной перспективе предполагает опережающие темпы роста занятости в отраслях и видах деятельности с высокой производительностью труда и замедление притока рабочей силы в низкопроизводительные сферы. Таким образом, позитивным итогом реализации данного сценария должно быть изменение пропорции занятости между высоко- и низкопроизводительными видами деятельности в пользу первых. Нейтральный сценарий предполагает, что на пять видов деятельности с высокой производительностью труда в 2027 году будет приходиться 17,7% занятого населения, а на четыре вида с низкой производительностью – 18,1%. Соответственно, позитивным сценарием будет изменение этих совокупных долей в пользу более прогрессивной структуры – отрасли с высокой производительностью должны представлять около 20% рынка труда, а отрасли с низкой производительностью – 15-16%.

Негативный сценарий предполагает ускорение некоторых неблагоприятных тенденций занятости последних лет, в частности, опережающий рост занятости в видах деятельности с низкой производительностью труда, замедление сокращения занятости в сельском хозяйстве, а также отставание или даже сокращение роста занятости в некоторых прогрессивных отраслях, которое приведет к прекращению увеличения совокупной доли высокопроизводительных видов деятельности. В рамках негативного сценария совокупная доля этих видов деятельно-

сти не вырастет, как предполагает базовый сценарий, а останется на текущем уровне (16,7%) или даже сократится до 15-16%. При этом будет продолжаться и ускорится опережающий рост занятости в низкопроизводительных видах деятельности, с выходом его совокупной доли на уровень до 20% и выше.

Определенное влияние на возможности реализации того или иного сценария развития рынка труда в Казахстане может оказать государственная политика в области занятости и конкретные механизмы ее реализации. Данные механизмы должны быть направлены на продвижение позитивного сценария развития рынка труда и недопущение развития негативных тенденций. Соответственно, основными целями применения механизмов влияния на процесс реструктуризации занятости должны быть повышение занятости в отраслях с высокой производительностью труда и сокращение низкопродуктивной занятости. Ведущими направлениями применения таких механизмов, на наш взгляд, должны быть следующие:

- стимулирование развития производств в высокопроизводительных отраслях в увязке предоставляемых льгот с предполагаемым количеством создаваемых рабочих мест;
- развитие сети учебных заведений, готовящих специалистов для высокопроизводительных отраслей;
- создание системы повышения квалификации и краткосрочных курсов подготовки специалистов для работников, высвобождаемых из низкопроизводительных сфер (прежде всего, из сельского хозяйства) для расширения возможностей их трудоустройства в более производительных отраслях;
- продолжение политики по институционализации самостоятельно занятого населения;
- сокращение государственной поддержки предпринимательства в отраслях с низкой производительностью труда;

- ограничение роста численности занятых в непродовольственных отраслях с преимущественно бюджетным финансированием.

Конкретные механизмы, которые могут быть использованы на данных направлениях, разнообразны и включают широкий спектр мер налоговой, бюджетной, кредитно-денежной политики и иные, в том числе, прямое финансирование государством тех или иных мероприятий. К числу наиболее перспективных механизмов в данном случае можно отнести следующие:

1. Бюджетирование. Прямое управление государственными расходами, в форме как увеличения финансирования (в форме предоставления различных стимулов и/или государственного заказа) для предприятий, увеличивающих занятость в прогрессивных отраслях с высокой производительностью труда, так и его снижения для низкопроизводительных отраслей. Расширение финансирования государственных учебных заведений по подготовке специалистов для высокопроизводительных отраслей и производств; финансирование курсов переподготовки высвобождаемых из низкопроизводительных отраслей работников, а также курсов повышения квалификации; ограничение расходов на дальнейшее увеличение численности работников, финансируемых из государственного бюджета.

2. Налоговое стимулирование. Дифференциация налоговых режимов для производств в различных отраслях в зависимости от их прогрессивности при управлении численностью занятых – предоставление льгот для создающих высокопроизводительные рабочие места и ужесточение нагрузки при использовании низкоквалифицированных специалистов, снижающих производительность.

3. Кредитное стимулирование. Субсидирование процентных ставок по кредитам, выдаваемым хозяйствующим субъек-

там на цели расширения производства в высокопроизводительных отраслях в привязке к увеличению численности занятых; кредитование под нулевую ставку государственными средствами институтов развития физических лиц на цели получения востребованного образования для трудоустройства в высокопроизводительных отраслях и производствах.

4. Административное регулирование. Комплекс механизмов, организующих трансформацию самостоятельной занятости в институционально организованные формы занятости с участием работников в системах социального обеспечения и предполагающих налогообложение их доходов на понятной, простой и прозрачной основе.

Применение указанных механизмов позволит усилить стимулирование процессов реструктуризации занятости в сторону опережающего ее роста в прогрессивных отраслях и видах деятельности, отличающихся более высокой производительностью труда, и снизить темпы притока работников в низкопроизводительные сферы. В то же время, следует осознавать, что масштабы потенциального влияния указанных механизмов государственного регулирования весьма ограничены и даже в случае их быстрой разработки и внедрения, значительное влияние на устойчивые и инерционные тенденции рынка труда невозможно. В среднесрочной перспективе внедрение описанных в данном разделе подходов к реструктуризации занятости возможно только в рамках неких пилотных проектов и в режиме отработки их применения, и гипотетическое их влияние на изменение структуры рынка труда будет очень незначительным, укладываюсь в рамки статистической погрешности.

В этой связи, прогнозная оценка изменения структуры занятости населения Казахстана в сценарии применения предложенных механизмов ее реструктуризации предполагает край-

не незначительное отклонение в лучшую сторону от базового нейтрального сценария. При этом эти отклонения возможны в показателях занятости только в тех видах экономической деятельности, в которых будут применяться механизмы ее реструктуризации, тогда как в других случаях тенденции нейтрального сценария останутся прежними. Принимая во внимание этот аспект, прогнозная оценка изменения структуры занятости в условиях применения механизмов ее корректировки может характеризоваться следующими параметрами:

- ускорение темпов роста занятости в промышленности, с более высокой динамикой в обрабатывающей промышленности;
- замедление темпов роста занятости в видах деятельности с преимущественно бюджетным финансированием – государственным управлением и обороне, образовании, здравоохранении;
- ускорение роста численности наемных работников и снижение численности самозанятого населения;
- ускорение сокращения занятости в сельском хозяйстве;
- замедление роста численности занятых в отраслях сферы услуг с низкой производительностью труда – предоставление прочих видов услуг; предоставление услуг по проживанию и питанию; искусство, развлечения и отдых.

Указанные последствия возможного применения государственного регулирования реструктуризации занятости могут скорректировать значения изменения занятости по отдельным видам деятельности по сравнению с нейтральным сценарием, несколько приблизив их к оптимистическому сценарию. В частности, можно ожидать более существенного сокращения в занятости в сельском хозяйстве, до менее 10% к 2027 году. Также в рамках этого сценария может произойти увеличение (вместо ожидаемого спада) удельного веса занятых в обрабатывающей промышленности, до уровня около 6,9-7%. Другим возможным

изменением относительно нейтрального сценария может быть замедление роста удельного веса или даже его сокращение в занятости таких видов деятельности, как предоставление прочих видов услуг (до 3,7-3,8%); предоставление услуг по проживанию и питанию (до 2,1-2,2%); искусство, развлечения и отдых (до 1,5-1,6%). Отдельным и достаточно сложно прогнозируемым вопросом являются перспективы снижения занятости в образовании, здравоохранении и государственном управлении, поскольку занятость бюджетников не в полной мере определяется экономической целесообразностью или реальным спросом на соответствующие услуги. Рациональные причины реструктуризации занятости в этих видах деятельности могут перекрываться разного рода неэкономическими мотивами поддержания и даже роста занятости в них, поэтому применительно к этим сферам наиболее реалистичным сценарием, даже с учетом использования механизмов регулирования, является сохранение параметров нейтрального сценария. В данном случае методы государственного регулирования занятости могут проявиться в прекращении опережающего финансирования этих видов деятельности и сохранении роста занятости в бюджетной сфере на траектории существующих тенденций, без дополнительного роста.

Таким образом, гипотетическая оптимизация процессов реструктуризации занятости в среднесрочной перспективе может затронуть изменения в отраслевой структуре рынка труда в пределах 2-3%, а наиболее заметные изменения могут выражаться в более существенном росте численности работников в промышленности и замедлении прироста их численности в наименее производительных видах сферы услуг при несущественном ускорении процесса вымывания занятых из сельского хозяйства.

2.3. Цифровизация как фактор трансформации рынка труда и занятости

Существенные сдвиги, переживаемые рынком труда Казахстана в последние годы, получают дополнительный импульс под воздействием фактора цифровизации, который оказывает значительное влияние на спрос на некоторые профессии (как повышая, так и снижая его), а также вносит определенный вклад в отраслевую структуру занятости. Интенсификация под влиянием этого фактора таких процессов, связанных с рынком труда, как появление новых профессий, распространение новых форматов занятости (включая удаленные формы работы и самозанятость в онлайн-формате), интенсивное развитие онлайн-торговли товарами и услугами актуализирует проблематику прогнозирования соответствующих изменений этого рынка. Активизация указанных процессов, по мнению профильных экспертов, ускорится с развитием и распространением искусственного интеллекта, в том числе, в Казахстане, особенно на рынке труда, так как «искусственный интеллект может радикально изменить рынок труда, создавая как сложности, так и новые возможности»¹. Некоторые исследования казахстанского рынка труда показывают, что 29% функций, выполняемых людьми, с высокой или умеренной долей вероятности могут быть автоматизированы, и при этом 13% функций могут быть выполнены искусственным интеллектом (ИИ), и что существует «угроза автоматизации рынка труда для крупных городов и промышленно развитых регионов, где этот процесс может значи-

¹ Искусственный интеллект может радикально изменить рынок труда в Казахстане – эксперт. Informburo.kz, 13.12.2024. <https://informburo.kz/interview/iskusstvennyi-intellekt-mozet-radikalno-izmenit-rynok-truda-v-kazaxstane-ekspert>

тельно повлиять на 33-36% рабочих мест»¹. Следует отметить, что в настоящее время взгляды на влияние ИИ на рынок труда разнообразны и зачастую противоречивы – например, по оценкам Международной организации труда, ИИ скорее дополнит рабочие места, чем полностью их заменит, поскольку «повышая продуктивность и эффективность, ИИ помогает сотрудникам в выполнении задач, а не делает их роль устаревшей»².

Таким образом, процессы цифровой трансформации экономики Казахстана не только идут и активизируются, но происходят с резкими и зачастую непредсказуемыми изменениями траектории. Соответственно, происходят и изменения в научной рефлексии данных процессов, в которой активно обновляются акценты и парадигмы влияния того явления, которое в настоящее время принято обозначить условным термином «цифровизация», причем сдвиги в ее академическом осмыслении, как правило, происходят постфактум и не столько прогнозируют характер социальных изменений, сколько отражают уже произошедшие (или происходящие в текущий момент) фазы. Так, в 70-е годы оценивалось влияние на рынок труда автоматизации производственных процессов, в 90-е – распространение промышленных роботов (которое, впрочем, остается актуальным до настоящего времени, о чем свидетельствует большое количество актуальных научных работ³), на рубеже веков очень боль-

¹ Влияние автоматизации и искусственного интеллекта на рынок труда в Казахстане оценили в ЦТР. Министерство труда и социальной защиты Республики Казахстан, 26 июня 2023. <https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/579455?lang=ru>

² Добыча минералов, туризм и ИТ — в Международной организации труда назвали сферы для устройства на работу в Казахстане. Казинформ, 4.03.2025. <https://www.inform.kz/ru/dobycha-mineralov-turizm-iit-vmezhdunarodnoy-organizatsii-trudana-zvali-sferi-dlya-trudoustroystva-vkazahstane-80e0a9>

³ Berg A, Buffie EF, Zanna L-F (2018) Should we fear the robot revolution? (The correct answer is yes). *J Monet Econ* 97:117–148. <https://doi.org/10.1016/j.jmoneco.2018.05.01>; Zuo, M., Zhao, Y. & Yu, S. Industrial robot applications and individual migration decision: evidence from households in China. *Humanit Soc Sci Commun* 11, 1022 (2024). <https://doi.org/10.1057/s41599-024-03542-z>

шое внимание уделялось отраслям так называемой новой экономики, прежде всего, информационным услугам, и тому, как ее возможности меняют и экономическую структуру, и рынок труда. Актуальная до настоящего времени проблематика цифровой трансформации бизнеса и экономики в целом возникла уже в 10-е годы XXI века¹ как отражение бурных процессов внедрения различных цифровых технологий в производственно-хозяйственную деятельность предприятий, а в настоящее время, с 20-х годов основной акцент в повестке цифровизации стремительно смещается в сферу расширения применения искусственного интеллекта².

Тот факт, что научное осмысление процессов развития информационного общества и цифровизации отстает от определяющих их технологических рывков, а также постоянная и достаточно радикальная смена актуальных повесток в этом процессе является свидетельством тех сложностей, с которыми связаны попытки прогнозирования как собственно цифровой трансформации, так и ее влияния на конкретные сферы социума, включая рынок труда. При этом наличие статистических данных делает рынок труда и занятость одной из наиболее поддающихся прогнозированию сфер, в которой велика роль цифровизации. Выше (в разделе 1.3) был предложен комплекс индикаторов, позволяющих отслеживать изменения и прогнозировать тенденции развития тех или иных сфер под воздействием цифровизации. На

¹ Westerman, G., Bonnet, D., & McAfee, A. (2014). The nine elements of digital transformation. *MIT Sloan Management Review*, 55(3), 1–6; Matt, C., Hess, T., & Benlian, A. (2015). Digital transformation strategies. *Business & Information Systems Engineering*, 57(5), 339–343; Liere-Netheler, K., Packmohr, S., & Vogelsang, K. (2018). Drivers of digital transformation in manufacturing.

² Jonny Holmström. From AI to digital transformation: The AI readiness framework. *Business Horizons*, Volume 65, Issue 3, 2022, Pages 329-339, <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2021.03.006>; Thomas Schneider. Digitalization and Artificial Intelligence. Use by and in Controlling. Springer Gabler Wiesbaden, 2023. <https://doi.org/10.1007/978-3-658-40383-6>

основе предложенных индикаторов можно попытаться разработать прогноз перспектив изменения рынка труда Казахстана на среднесрочную перспективу.

В соответствии с предложенными выше индикаторами данная оценка применительно к рынку труда предполагает использование таких показателей, как изменение численности занятых в видах деятельности, связанных с цифровизацией, изменение удельного веса занятых в отраслях, связанных с цифровизацией (а также в отраслях, где велико влияние цифровизации), соотношение изменения численности занятых в видах деятельности, связанных с цифровизацией, с изменением общей численности занятых в Казахстане.

В качестве видов деятельности, в которых особенно велика роль цифровизации, нами выбраны информация и связь (как основная отрасль, непосредственно связанная с ИКТ-технологиями и генерирующая основной объем соответствующих услуг) и профессиональная, научная и техническая деятельность. В последнем случае роль цифровых технологий также велика и быстро растет, оказывая значительное влияние не только на производственный процесс, но и расширяя возможности занятости, реализации продукции, получения информации, заказов и пр. В этот вид деятельности входят, помимо научных исследований и разработок, такие отрасли, как рекламная деятельность, деятельность в области архитектуры, инженерных изысканий, технических испытаний и анализа, деятельность в области права и бухгалтерского учета. Все эти виды деятельности испытывают значительное влияние цифровизации, поэтому могут рассматриваться в качестве примера ее влияния на рынок труда.

Для оценки влияния цифровизации на занятость в этих видах деятельности были проанализированы данные с 2010 по

2024 год. 15-летний период, по нашему мнению, дает достаточно репрезентативный временной ряд как для обоснованных выводов относительно долгосрочной тенденции изменений на отраслевых рынках труда, так и для прогнозирования на основе экстраполяции этих тенденций. Было проанализировано изменение численности занятых, а также рассчитан их удельный вес в общей численности занятых в Казахстане с целью оценки влияния фактора цифровизации. Использовались квартальные данные по занятости, позволяющие оценить тенденции на большем массиве данных по сравнению с годовыми. На основе уравнений линейной регрессии был сделан прогноз изменения соответствующих параметров на пятилетнюю перспективу (рис.7). Представленные данные демонстрируют тенденцию опережающего роста занятости в отраслях с высоким влиянием цифровизации, а регрессионные модели позволяют оценить ее дальнейшее увеличение на пятилетнем горизонте следующими параметрами:

- в информации и связи численность занятых к концу 2029 года достигнет примерно 205 тысяч человек, а их доля в общей численности занятых – 2,2%;

- в профессиональной, научной и технической деятельности численность занятых достигнет примерно 330 тысяч человек, а их доля – 3,7%.

Таким образом, за 20 лет, с 2010 года произойдет примерно двукратный рост численности занятых в этих двух видах деятельности, что отражает активно происходящий в настоящее время процесс изменения общественной среды Казахстана под воздействием цифровизации в такой ее важной части, как рынок труда.

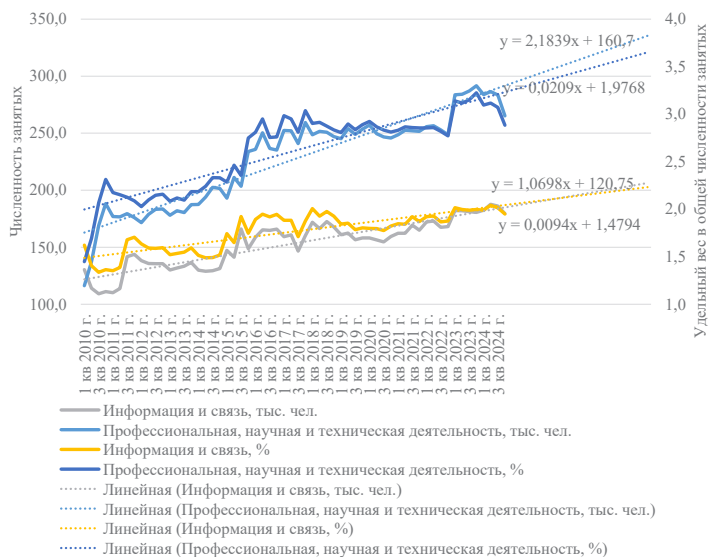

Рисунок 7. Динамика и прогноз численности и удельного веса занятых в видах экономической деятельности Казахстана, в которых велика роль цифровизации и ИКТ-технологий.¹

Также для иллюстрации влияния цифровизации на занятость можно использовать противоположно направленный анализ и рассмотреть аналогичные показатели для вида деятельности, в котором ИКТ-технологии распространены в меньшей степени – сельское хозяйство. В этом виде деятельности за тот же период занятость не только не выросла, а сократилась, причем очень существенно, более чем вдвое (на 56%) при общем росте численности занятых в Казахстане в этот период на 14,5%. Таким образом, взаимосвязь между уровнем цифровизации отдельных видов экономической деятельности Казахстана и изменением численности

¹ Рассчитано по данным из следующего источника: Занятое население по ВЭД. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-empt-unempl/dynamic-tables/>

занятых в них можно считать подтвержденной, хотя цифровизация, разумеется, является не единственным, а во многих случаях – и не основным фактором этих изменений.

В число индикаторов оценки качественных изменений общественной среды под влиянием цифровизации, также входит соотношение изменения численности занятых в видах деятельности, связанных с цифровизацией, с изменением общей численности занятых в Казахстане. Данные для расчета этого показателя, и само это соотношение для указанных выше двух отраслей и сельского хозяйства, представляющего другой полюс цифровизации, приведены в таблице 5. Данный показатель подтверждает тенденцию опережающего роста занятости в видах деятельности, где велико влияние цифровизации, но более наглядно иллюстрирует это влияние, показывая, насколько интенсивнее шел прирост в данных отраслях.

Таблица 5. Соотношение изменения занятости в некоторых видах экономической деятельности с изменением общей численности занятых в Казахстане¹.

	1 кв. 2010 г.	4 кв. 2024 г.	Изменение, тыс. чел	Изменение, %	Соотношение изменения занятости в отрасли с изменением общей численности занятых, разы
Занято в экономике, всего	8029,3	9197,0	1167,7	14,5	
Информация и связь	130,3	179,4	49,1	37,7	2,6

¹ Рассчитано по данным из следующего источника: Занятое население по ВЭД. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-empt-unempl/dynamic-tables/>

Профессиональная, научная и техническая деятельность	116,3	265,3	149,0	128,1	14,5
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	2241,8	978,7	-1263,1	-56,3	-3,9

Еще одной иллюстрацией влияния цифровизации на рынок труда является изменение специализации занятых. Распространение информационных и цифровых технологий существенно меняет спрос на отдельные виды специальностей, в том числе, на такие, которые не связаны напрямую с ИКТ-сферой, но зависят от нее косвенно. Например, развитие цифровых сервисов заказа такси увеличивает спрос на водителей и увеличивает численность занятых в таком виде деятельности, как транспорт и складирование, развитие онлайн-торговли увеличивает спрос на курьеров и доставщиков еды, а также ведет к увеличению занятости в торговле и предоставлении услуг по питанию, и т.д. Такого рода изменения спроса на отдельные виды специальностей в настоящее время приобрели особый динамизм и оказывают значительное влияние на профессиональную структуру рынка труда. Однако статистическая база Казахстана имеет ограниченный период отражения занятости по специальностям, который начался в 2018 году и не в полной мере характеризует длительные тенденции изменения численности занятых по роду занятий. Тем не менее, даже на таком ограниченном временном интервале изменения в некоторых видах занятий, в том числе, связанным с цифровизацией, достаточно динамичны и наглядны (таб.6).

Таблица 6. Изменение численности занятых по роду занятий за период 2018-2023 годов.¹

	Изменение, тыс. человек	Изменение, %
специалисты-профессионалы по информационным технологиям	23,3	42,1
работники сферы индивидуальных услуг	99,6	35,6
специалисты-профессионалы бизнеса и администрирования	159,5	34,7
техники, средний медицинский и фармацевтический персонал в области здравоохранения	40,2	20,9
рабочие по переработке и изготовлению продукции из сырья сельского, лесного и рыбного хозяйства и рабочие родственных занятий	22,1	20,5
уличные торговцы и рабочие, оказывающие различные уличные услуги	34,4	8,2
строители-монтажники, строители-отделочники, маляры и рабочие родственных занятий, кроме электриков	22,9	6,9
фермеры и рабочие сельского хозяйства, производящие продукцию на продажу	-33,5	-7,1
специалисты-техники в области науки и техники	-26,6	-10,9
неквалифицированные рабочие сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства	-76,4	-16,2
рабочие по электрике, электронике и телекоммуникациям	-16,6	-20,3

Лидерство по росту занятых в период 2018-2023 годов приходится на специалистов по информационным технологиям, что само по себе является свидетельством активного влияния циф-

¹ Рассчитано по данным из следующего источника: Занятость в Казахстане / Статистический сборник/ на казахском и русском языках / 260 стр. Астана, Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан.

ровизации на профессиональную структуру рынка труда. Также в списке лидирующих по приросту занятых числятся виды занятий, связанные с активным использованием цифровых технологий в профессиональной деятельности, прежде всего, в части получения онлайн-заказов, иногда – и предоставлении услуг в онлайн-режиме – работники сферы индивидуальных услуг и специалисты бизнеса и администрирования (в эту категорию входят, в частности, бухгалтеры, аналитики и консультанты, то есть, специалисты, имеющие возможность предоставлять услуги удаленно). Прирост в этих трех группах занятий намного опережает средние показатели, что подтверждает тезис о значительном влиянии процессов цифровизации на рынок труда Казахстана.

Результаты проведенного анализа позволяют сделать следующие выводы:

1. Цифровизация уже в настоящее время оказывает значительное влияние на такую важнейшую сферу общественной среды Казахстана, как рынок труда, на котором происходят существенные качественные изменения.

2. Эти изменения касаются как отраслевой, так и профессиональной структуры занятости, и отличаются высокой динамичностью.

3. Влияние цифровизации на рынок труда проявляется в опережающем росте занятости в видах экономической деятельности, непосредственно связанных с информационными, компьютерными и телекоммуникационными технологиями, а также в тех, где эти технологии получают более широкое распространение.

4. Прогноз перспектив изменений на рынке труда Казахстана в среднесрочный период под влиянием цифровизации на основе существующих тенденций предполагает дальнейший

опережающий рост численности занятых в отраслях, связанных с ИКТ, наряду со снижением занятости в отраслях, где цифровизация не распространена. Это означает, что в отраслевой структуре занятости будет продолжаться динамичные изменения с высвобождением сотен тысяч занятых в отраслях со стагнирующими цифровыми технологиями (в первую очередь, сельском хозяйстве) и ростом занятости в отраслях с их высоким распространением (некоторые виды услуг и информация и связь).

Глава 3. ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА В КАЗАХСТАНЕ

3.1. Межбюджетные отношения в Казахстане – состояние и основные тенденции в контексте социальной справедливости

Проблемы социально-экономического неравенства находят отражение, в том числе, и в бюджетном процессе, занимая особое место и в проблематике экономической справедливости, поскольку в бюджете фокусируются многие чувствительные аспекты перераспределения общественных благ – от «честности» налогообложения до приоритетов выделения бюджетных средств на различные цели. Так, Гроздилов С.В. и Баруздин П.Д. прямо связывают экономическую справедливость и «адекватность налоговых доходов и налоговых расходов»¹. В некоторых государствах стремление к справедливости бюджетного процесса отражено и на законодательном уровне – так, в Австралии и Новой Зеландии этот императив закреплен даже в названиях профильных нормативных актов – Хартии бюджетной справедливости и Акта о фискальной ответственности, соответственно². Особая роль проблематики справедливости налогово-бюджетной системы находит отражение в многочис-

¹ Гроздилов С.В., Баруздин П.Ю. Справедливость в системе социально-экономических отношений: теоретические и институциональные аспекты // Уровень жизни населения регионов России, №. 1, 2019, 89-97. С. 96. <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10057>

² Шахова Г. Я., Крадинов П.Г., Маненок, П.Л. (2012). Долгосрочная устойчивость бюджетной системы // Финансовый журнал, (4). – С. 5-18.

ленных исследованиях корректности налогообложения (в этом контексте наиболее известны обоснования справедливости прогрессивной шкалы налогообложения¹), бюджетного процесса в целом² и его отдельных направлений, включая межбюджетные отношения³.

Межбюджетные отношения (отношения между различными уровнями государственной бюджетной системы) также являются одной из тех сфер, в которых проблематика справедливости стоит особенно остро в связи с наличием «богатых» и «бедных» регионов и, соответственно, местных бюджетов, из которых часть доходов изымается вышестоящим уровнем государственного бюджета, и местных бюджетов, являющихся получателями дотаций (субвенций, трансфертов – в зависимости от принятой в той или иной стране терминологии) с этого уровня. Как следствие, проблематика межбюджетных отношений регионов-доноров и регионов - получателей средств с вышестоящим уровнем бюджетной системы зачастую рассматривается сквозь призму справедливости как этих изъятий, так и субвенций – их размера, удельного веса, и даже самого существования – в наиболее крайних проявлениях соответствующих дискуссий.

В Казахстане проблематика межбюджетных отношений – преимущественно отношений между республиканским бюджетом и бюджетами регионов (областей и городов республиканского значения), – также имеет длительную историю изучения

¹ Бальнин И. В. Введение прогрессивного налогообложения доходов физических лиц в Российской Федерации в контексте обеспечения социальной справедливости / И. В. Бальнин // Финансы и кредит. – 2016. – № 31(703). – С. 15-31.

² Кузнецова О. Социальные аспекты федеральной региональной политики / О. Кузнецова // SPERO. Социальная Политика: Экспертиза. Рекомендации. Обзоры. – 2008. – № 9. – С. 23-36; Петрова Е. В. О проблемах распределения налога на доходы физических лиц между бюджетами разных уровней. Анализ зарубежного опыта // Успехи современного естествознания. – 2007. – № 9. – С. 101-113.

³ Беткараев С.Б. О сущности и принципах межбюджетных отношений // Финансы и кредит, №. 21 (357), 2009. – С. 68-72.

многими авторами в контексте вопросов регионального развития¹, формирования доходной базы органов местного самоуправления² и собственно проблем и дисбалансов данных отношений, включая зависимость доходов местных бюджетов от республиканских трансфертов³, большое количество дотационных регионов⁴, и быстрый рост объема выделяемых им субвенций⁵.

Рассматривая ситуацию с межбюджетными финансовыми потоками в Казахстане в настоящее время, можно отметить, прежде всего, что государственный бюджет перераспределяет весьма значительные их объемы. В 2023 году объем трансфертов из республиканского бюджета нижестоящим органам управления (то есть, местным бюджетам) составил 5367 млрд. тенге⁶ – очень значительную сумму, эквивалентную почти четверти всех его затрат. Столь значительный объем средств, передаваемых с республиканского уровня на местный, может расцениваться как стремление обеспечить справедливость распределения обще-

¹ Исаева М.Г., Нурланова Н.К. Методы и практика оценки уровня устойчивости развития регионов Казахстана. – Алматы: Институт экономики МОН РК, 2006. – С. 26; Бримбетова Н.Ж. Модернизация территориального развития Казахстана: методология и приоритеты. – Алматы: Институт экономики КН МОН РК, 2011. – С. 11-12.

² Нурланова Н.К., Бримбетова Н.Ж., Бурлаков Л.Н., Дауранов И.Н., Кенжебаева А.А., Киреева А.А. Формирование системы местного самоуправления в Казахстане: особенности и перспективы. Монография. – Вена: Ассоциация перспективных исследований и высшего образования «Восток–Запад», 2015. – 208 с.

³ Бертембаева Р.К., Асилова А.С., Исаков Б.М. Проблемы исполнения государственного бюджета Республики Казахстан в условиях глобальной реальности // Вестник университета «Туран». – 2018;(2). – С. 132-139.

⁴ Салимова Ж. Влияние межбюджетных отношений на региональную политику в Казахстане // Экономика и статистика. – 2012. – №4. – С. 83-87.

⁵ Исахова А.С. Межбюджетные отношения в современном Казахстане // Вестник КазНУ. Серия экономическая. №3 (97). 2013. – С. 88-95.

⁶ Статистический бюллетень Министерства финансов Республики Казахстан на 1 января 2024 года. Министерство финансов Республики Казахстан. Документы. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/minfin/documents/3?lang=ru&title=статистический%20бюллетень> (дата обращения: 25.03.2024).

ственных финансовых ресурсов посредством выравнивания за счет инструмента бюджетных субвенций уровня жизни и социально-экономического развития в регионах, имеющих существенные отличия в доходной базе. В то же время, комплексное и более широкое осмысление процессов обеспечения справедливости посредством межбюджетных отношений должно основываться на рассмотрении не только текущей ситуации, но и основных тенденций в данной сфере, что позволяет оценить эволюцию не только этих отношений, но и некоторых аспектов их справедливости.

Эти тенденции в течение XXI века, с 2001 года по настоящее время демонстрируют осложнение ситуации с устойчивостью местных бюджетов, которым требуются постоянно растущие объемы дотаций с республиканского уровня. Одним из проявлений осложнения этой ситуации является постоянный рост количества регионов, получающих субвенции, при столь же неуклонном сокращении числа регионов, направляющих часть своих доходов на вышестоящий уровень в форме бюджетных изъятий (рис.1). Если в 2001 году в Казахстане было равное количество регионов-доноров и регионов – получателей субвенций, то к настоящему времени доля доноров уменьшилась до 15%. Если же рассматривать не только субвенции, но более обширный показатель получаемых из республиканского бюджета трансфертов и трансфертов, передаваемых из местных бюджетов на вышестоящий уровень, то картина еще менее благополучна. В 2023 году в Казахстане осталось всего два региона (г. Алматы и Атырауская область), которые передали в республиканский бюджет больше трансфертов, чем получили из него. Тенденция сокращения регионов-доноров и роста числа регионов, получающих средства из республиканского бюджета (а значит, и от регионов-доноров) является, по меньшей мере, неоднозначной. Эта неоднознач-

ность обусловлена тем, что подавляющая часть регионов и их населения получает средства от постоянного уменьшающейся части регионов, у которых доходы изымаются, в том числе, и для поддержки других территорий.

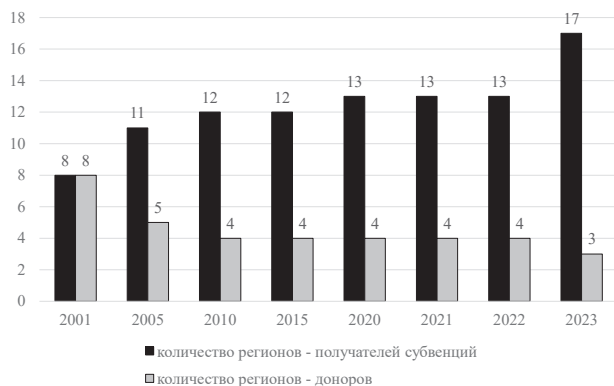

Рисунок 1. Изменение количества регионов Казахстана, получающих субвенции из республиканского бюджета и вносящих в него средства.¹

Сложность ситуации с межбюджетными отношениями проявляется не только в изменении пропорции между количеством доноров и получателей субвенций на региональном уровне, но и в том, что поступления из местных бюджетов в республиканский сокращаются (в относительном выражении) столь же неуклонно, как снижается число регионов-доноров. И наоборот – расходы на трансферты местным бюджетам устойчиво растут, занимая все большую долю в затратах республиканского бюджета, что также напрямую связано с ростом количества дотационных регионов (рис.2).

¹ Рассчитано по данным из следующих источников: Статистические бюллетени Министерства финансов Республики Казахстан за 2001, 2005, 2010, 2015, 2020, 2021, 2022 и 2023 годы. Министерство финансов Республики Казахстан. Документы. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/minfin/documents/3?lang=ru&title=статистический%20бюллетень> (дата обращения: 25.03.2024).

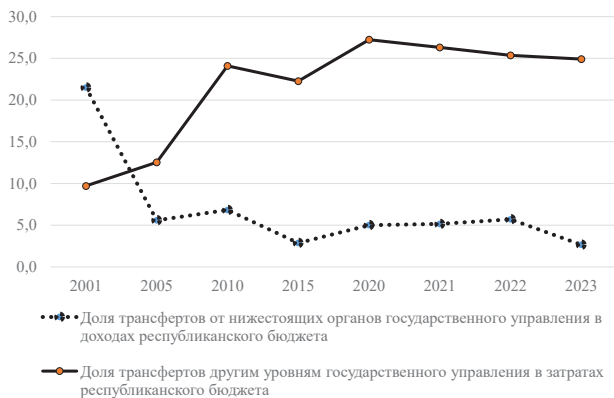

Рисунок 2. Изменение роли региональных трансфертов в республиканском бюджете в 2001-2023 годах, %.¹

Если в 2001 году объем получаемых республиканским бюджетом от регионов трансфертов значительно превышал объем трансфертов в обратном направлении, и формировал существенную часть его доходов (почти 22%), то к настоящему времени ситуация радикально изменилась. Теперь доходы в виде трансфертов от нижестоящих органов управления практически неразличимы для республиканского бюджета, составляя всего около 2,5% его поступлений, тогда как выплаты этих трансфертов стали крупнейшей статьёй затрат, устойчиво превышая четверть их общего объема. Увеличение в 2,5 раза доли трансфертов другим уровням управления с 2001 года означает, что в этот период произошло сокращение расходов бюджета на другие статьи, которое, помимо прочего, ставит под вопрос эффективность бюджетного процесса с точки зрения его соответствия

¹ Рассчитано по данным из следующих источников: Статистические бюллетени Министерства финансов Республики Казахстан за 2001, 2005, 2010, 2015, 2020, 2021, 2022 и 2023 годы. Министерство финансов Республики Казахстан. Документы. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/minfin/documents/3?lang=ru&title=статистический%20бюллетень> (дата обращения: 25.03.2024).

критерию справедливости перераспределения общественных финансов.

Динамика всех основных параметров, связанных с межбюджетными отношениями в Казахстане (таб.1) также дает основания для их критической оценки. Рост объема перераспределяемых государственным бюджетом средств в пользу менее благополучных регионов может рассматриваться как своего рода уравниловка и откат к централизованной распределительной системе. Такой подход ведет к снижению мотивации у успешных регионов к пополнению доходной части своих бюджетов, часть которой может быть изъята в республиканский бюджет, равно как снижается и заинтересованность дотационных регионов к повышению эффективности их бюджетных процессов, поскольку они все больше полагаются на республиканские трансферты. Иллюстрацией последнего тезиса может быть динамика одного из показателей, приведенных в таблице 1 – доли субвенций в доходах местных бюджетов, которая быстро и неуклонно растет на протяжении всего рассматриваемого периода, и по итогам 2023 года достигла почти 37%. При этом надо отметить, что этот показатель представляет средний по Казахстану уровень, учитывая, в том числе, и доходы регионов-доноров. Это значит, что во многих дотационных регионах субвенции из республиканского бюджета составляют 50 и более процентов их доходной части.

Таблица 1. Динамика основных параметров финансовых потоков между республиканским и местными бюджетами в 2001-2023 годах.¹

	2001	2005	2010	2015	2020	2023
Бюджетные изъятия из местных бюджетов	84155	95009	77663	168538	420081	431910
Субвенции из республиканского бюджета	35504	133028	645354	904371	2104432	4995055
Соотношение изъятий и субвенций, %	237	71	12	19	20	9
Доля субвенций в доходах местных бюджетов, %	8,9	17,7	26,8	24,7	27,3	36,9
Трансферты от нижестоящих органов государственного управления	84155	96448	247457	176079	597571	507205
Текущие трансферты другим уровням государственного управления	45252	192975	930040	1512793	3731128	5366856

Из данных таблицы 1 видно, что в последние годы объем трансфертов заметно превосходил объем собственно субвенций, хотя в 2023 году разница между этими параметрами была не столь велика. В этом же 2023 году в Казахстане насчитывалось 12 регионов (то есть, большая их часть), в которых трансферты форми-

¹ Составлено по данным из следующих источников: Статистические бюллетени Министерства финансов Республики Казахстан за 2001, 2005, 2010, 2015, 2020, 2021, 2022 и 2023 годы. Министерство финансов Республики Казахстан. Документы. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/minfin/documents/3?lang=ru&title=статистический%20бюллетень> (дата обращения: 25.03.2024).

ровали более половины бюджетных доходов, при этом в трех регионах (Туркестанская, Кызылординская, и Жетысуская области) их доля превышала 80%. В последнем случае, очевидно, можно говорить о том, что данные административно-территориальные единицы являются абсолютно финансово-несостоятельными и существуют только благодаря средствам республиканского бюджета, что также оставляет вопросы относительно справедливости бюджетного процесса и его тенденций.

Обострение проблем в сфере межбюджетных отношений также иллюстрирует и динамика приведенных в таблице 1 параметров. Это особенно наглядно прослеживается при сопоставлении темпов роста финансовых потоков из регионов в республиканский бюджет и в обратном направлении. Бюджетные изъятия из регионов в период 2001-2023 годов выросли в 4 раза, трансферты из них в республиканский бюджет – в 5 раз. За этот же период субвенции регионам увеличились в 140 раз, а трансферты им из республиканского бюджета – в 118 раз. Резкий разрыв в темпах роста входящих и исходящих из местных бюджетов финансовых потоков обусловил столь же резкое изменение соотношения изъятий и субвенций с 237% в 2001 году, когда местные бюджеты давали республиканскому уровню в 2,4 раза больше, чем получали от него, до 9% в 2023 году, что означает, что теперь они получают в 11 раз больше, чем дают. В целом, эта ситуация свидетельствует о том, что местные бюджеты перестали быть источником пополнения республиканского бюджета и, в то же время, стали основным направлением его расходов. То есть, в настоящее время межбюджетные отношения в Казахстане характеризуются фактически односторонним финансированием нижестоящих органов государственного управления за счет республиканского уровня, а не существовавшим ранее взаимным финансовым обменом. Это означает, что большинство

местных бюджетов утратили финансовую самостоятельность и могут функционировать только в условиях постоянно растущих субвенций с республиканского уровня.

Таким образом, эволюцию межбюджетных отношений и осложнение бюджетного процесса на региональном уровне в течение последних десятилетий можно рассматривать как отражение усугубляющейся проблемы неравенства регионального развития и порождаемых ими дисбалансов в доходах местных бюджетов. Данная сфера нуждается в корректировке на основе повышения финансовой устойчивости местных бюджетов и снижения их зависимости от республиканских субвенций.

3.2. Этническая фракционализация и неравенство доходов: на примере регионов Казахстана

Изучение взаимосвязи между этническим разнообразием населения и различными показателями социально-экономического развития имеет множество аспектов, отражая широкий спектр интересов авторов различных исследований. Большая часть работ в этой области посвящена международным сравнениям взаимосвязей между отдельными экономическими показателями и этническим разнообразием. Начиная с 1990-х годов в ряде исследований предпринимались попытки выявить зависимость между этническим разнообразием и темпами экономического роста, причем полученные результаты и их интерпретации были различными. Истерли и Ливайн¹ на примере африканских государств выявили, что страны с более разнообразным этническим составом имели меньшие темпы роста,

¹ Easterly, W., Levine, R. Africa's growth tragedy: policies and ethnic divisions // The quarterly journal of economics. 1997. – Vol. 112. Iss. 4/ p. - 1203-1250.

Карнейн и Куинн¹ также обнаружили негативное влияние на экономический рост, которые расценили как следствие политической нестабильности и коррупции в странах с разнородным этническим составом. Ван Ставерен и Первайз², основываясь на обзоре ряда работ, отметили, что этническая фракционализация и поляризация оказывают статистически значимое негативное влияние на экономический рост. Кампос и Кузеев³, однако, отмечали слабое влияние этнического разнообразия на рост ВВП на душу населения, но в то же время констатировали отрицательную взаимосвязь между увеличением этого разнообразия и экономическим ростом в постсоциалистических странах.

Попытки выявить взаимосвязь между этническим разнообразием и экономическим ростом предпринимались также на уровне отдельных крупных стран. Динсер и Ван⁴ обнаружили отрицательную взаимосвязь между этническим разнообразием и экономическим ростом в китайских провинциях, что согласуется с результатами большинства международных исследований. Напротив, Буфетова и др.⁵ положительно оценили влияние национального разнообразия на экономическое развитие российских регионов на основе регрессионного анализа.

¹ Karnane, P., Quinn, M. Political instability, ethnic fractionalization and economic growth // *International Economic Policy*. 2019. No 16. P. - 435–461. DOI:10.1007/s10368-017-0393-3.

² Van Staveren, I, Pervaiz, Z. Is it Ethnic Fractionalization or Social Exclusion, Which Affects Social Cohesion? // *Social Indicators Research*. 2017. Vol.130. Iss. 2. P. - 711-731. DOI:10.1007/s11205-015-1205-1.

³ Campos, N., Kuzeyev, V. On the Dynamics of Ethnic Fractionalization // *American Journal of Political Science*. 2007. Vol. 51. Iss. 3, p. 620–639. Available at: <http://www.jstor.org/stable/4620088>

⁴ Dincer, O., Wang, F. Ethnic diversity and economic growth in China // *Journal of Economic Policy Reform*. 2011. Vol. 14. Iss. 1., P. 1-10.

⁵ Буфетова А.Н., Коломак Е.А., Михалёва М.М. Национальное разнообразие и экономическое развитие регионов России. *Мир экономики и управления*. 2017. Т. 17. № 3. – С. 143–157. DOI:10.25205/2542-0429-2017-17-3-143-157.

Таким образом, в процессе изучения отдельными авторами взаимосвязи между этническим разнообразием и экономическим ростом в различных странах и их группах были получены достаточно разнородные результаты, а интерпретация этих результатов менялась в процессе углубления и расширения соответствующих исследований: «первоначальный отрицательный эффект первого порядка влияния этнического разнообразия на экономический рост был поставлен под сомнение»¹. Также эволюционировали и трактовки других чрезмерно прямолинейных взаимосвязей социально-экономических показателей с этническим разнообразием. В частности, тезис о том, что страны с более высоким уровнем этнической фракционализации, как правило, предоставляют меньше общественных благ, был оспорен Виммером², который на примере азиатских и африканских стран показал, что этническое разнообразие не всегда является препятствием для формирования государств с современными стандартами обеспечения общественными благами. Следует также отметить, что в некоторых исследованиях имеются спорные методологические особенности, которые ставят под сомнение корректность интерпретации полученных результатов. Например, в одной из классических работ по этому вопросу (Алесина и др.,³) авторы, анализируя взаимосвязь между экономическим ростом (который рассматривался через показатель ВВП на душу населения) и этнической фракционализацией, заявили, что была выявлена высокая отрицательная корреляция между этими показателями, хотя значение коэффи-

¹ Там же, с. 145.

² Wimmer, A. Is Diversity Detrimental? Ethnic Fractionalization, Public Goods Provision, and the Historical Legacies of Stateness // *Comparative Political Studies*. 2016. Vol. 49. Iss. 11. P. 1407–1445. DOI:10.1177/0010414015592645.

³ Alesina, A., Devleeschauwer, A., Easterly W., Kurlat S., Wacziarg R. Fractionalization // *Journal of Economic Growth*. 2003. Vol. 8. Iss. 2. P. 155–194.

коэффициента корреляции составило -0,471 – уровень, расцениваемый (в частности, в соответствии со шкалой Чеддока) не как высокий, а как умеренный. Изучение соответствующих показателей для отдельных стран позволило авторам этой работы уточнить количественное измерение этой корреляции: «разница в годовом росте между Южной Кореей и Угандой до 1,77 процентных пункта может быть объяснена различной степенью этнической фракционализации»¹. На наш взгляд, такое объяснение разницы в показателях экономического роста между странами со столь отличными экономическими моделями и условиями представляется необоснованным, поскольку оно не учитывает многие факторы, влияющие на показатели экономического развития, помимо этнического разнообразия.

В отношении инструментария данных исследований, можно отметить, что за последние десятилетия преобладающим методом оценки этнического разнообразия стал индекс этнолингвистической фракционализации (Ethno-linguistic Fractionalization Index - ELF), базирующийся на индексе Херфиндала-Хиршмана, который используется для оценки уровня концентрации. Данный индикатор обосновывается в качестве наиболее подходящего инструмента для анализа этнического разнообразия командой авторов в цитируемой выше работе Алесиной и др. Индекс ЭЛФ рассчитывается по следующей формуле и характеризует степень неоднородности общества по выбранным критериям, например, этническому, языковому, религиозному и пр.

$$ELF = 1 - \frac{\sum_{i=1}^n n_i^2}{N^2},$$

где n_i – доля в i -той этнической группы в общей численности населения, N – количество таких групп.

¹ Там же, с. 166.

Индекс ЭЛФ¹ принимает значения от 0 до 1 и отражает вероятность того, что два случайно выбранных человека имеют разную этническую принадлежность. Чем выше значение индекса, тем выше неоднородность общества. Этот индекс является не единственным инструментом измерения этнического разнообразия – для этой цели используется широкий спектр показателей – от доли преобладающей этнической группы до комплексных индексов, измеряющих национальную энтропию² и национальную поляризацию³. Индекс этнолингвистического фракционирования также неоднократно модифицировался рядом авторов, чтобы лучше отражать цели конкретных исследований⁴, особенно в тех случаях, когда он использовался для измерения сложных лингвистических особенностей сообществ⁵ или исследования дополнительных аспектов (например, неравенства⁶). Однако индекс ЭЛФ, очевидно, в настоящее время является наиболее распространенным инструментом оценки

¹ Некоторые авторы называют этот показатель просто фракционированием или меняют название в зависимости от предмета исследования, например, называя его ЭФ для этнической фракционализации, без лингвистического фактора, и т.д. В настоящей статье будет использоваться аббревиатура ЭЛФ как наиболее устойчивое обозначение данного индикатора, хотя лингвистический аспект разнообразия населения анализироваться не будет.

² Wang, Y. Decomposing the entropy index of racial diversity: in search of two types of variance // *Annals of Regional Science*. 2012. No. 48. P. - 897–915. DOI:10.1007/s00168-010-0426-0

³ Esteban, J., Ray, D. On the measurement of polarization // *Econometrica*. 1994. No. 62. P. 819–851.

⁴ Bossert, W., D'Ambrosio, C., Ferrara, E. A Generalized Index of Fractionalization // *Economica*. 2011. No. 78. P. - 23-36. DOI:10.1111/j.1468-0335.2010.00844.x; Kolo, P. Measuring a new aspect of ethnicity: The appropriate diversity index // *IAI Discussion Papers*. 2012. No. 221. p – 61.; Dražanova, L. Introducing the Historical Index of Ethnic Fractionalization (HIEF). Accounting for Longitudinal Changes in Ethnic Diversity // *Journal of Open Humanities Data*. 2020. Vol.6. Iss. P.- 45-67. 6. DOI:10.5334/johd.16

⁵ Desmet, K., Ortuño-Ortín, I., Wacziarg, R. The Political Economy of Linguistic Cleavages // *Journal of Development Economics*. 2012. Vol. 97. Iss. 2., p. - 322–338.

⁶ Sturm, J., De Haan, J. Income Inequality, Capitalism, and Ethno-Linguistic Fractionalization // *The American Economic Review*. 2015. Vol. 105. Iss. 5. P. - 593–597.

как собственно этнического разнообразия, так и его влияния на определенные социально-экономические параметры, несмотря на его критику за определенные методологические проблемы¹.

Помимо экономического роста, ряд работ посвящен влиянию этнической фракционализации (выражаемой через индекс ЭЛФ) на отдельные сферы социально-экономического развития. Так, Алесина и Ла Феррара² отметили менее равномерное распределение общественных благ в странах с большим этническим разнообразием, Десмет и др.³ исследовали влияние языковой неоднородности на распределение общественных благ, Васильева и Рожина рассмотрели влияние этнического разнообразия на диверсификацию экономики⁴, Карабальо и Буитраго выявили взаимосвязь между этническим разнообразием и уровнем образования⁵ и т.д.

Одним из наиболее актуальных и острых, на наш взгляд, вопросов, связанных с влиянием этнического разнообразия на характеристики социально-экономического развития, является оценка взаимосвязи между этим разнообразием и неравенством доходов, измеряемая с помощью коэффициента Джини и аналогичных показателей. Этот вопрос до сих пор недостаточно из-

¹ Fearon, J. Ethnic and Cultural Diversity by Country // *Journal of Economic Growth*. 2003. Vol. 8. Iss. 2. P. - 195–222. DOI:10.1023/A:1024419522867; Posner, D. Measuring Ethnic Fractionalization in Africa // *American Journal of Political Science*. 2003. Vol. 48. Iss. 4. P. - 849–863. DOI: 10.2307/1519937

² Alesina, A., La Ferrara, E. Participation in Heterogeneous Communities // *Quarterly Journal of Economics*. 2000. No. 115. P. - 847–904.

³ Desmet, K., Ortuño-Ortín, I., Wacziarg, R. Linguistic Diversity and Redistribution. *Journal of the European Economic Association*. 2009. Vol. 7. Iss. 6. P. - 1291–1318.

⁴ Рожина Е.А. Оценка влияния этнического разнообразия в регионах России на диверсификацию экономики / Е. А. Рожина, Р. И. Васильева. — Текст : электронный // Весенние дни науки : сборник докладов Международной конференции студентов и молодых ученых (Екатеринбург, 21–23 апреля 2022 г.). — Екатеринбург: УрФУ, 2022. – С. 1450-1453.

⁵ Caraballo, M., Buitrago, E. Ethnolinguistic Diversity and Education. A Successful Pairing // *Sustainability*. 2019. Vol. 11. Iss. 23. DOI:10.3390/su11236625

учен - в этом контексте мы можем упомянуть ряд немногочисленных работ, в которых была предпринята попытка оценить соответствующие взаимосвязи. Барро¹ не обнаружил какой-либо значимой взаимосвязи между этнолингвистической (а также религиозной) фракционализацией и коэффициентом Джини, Хотард², изучив базу данных по 159 странам, обнаружил корреляцию между индексом ЭЛФ и коэффициентом Джини, равную 0,35, т.е. слабую взаимосвязь. Штурм и Де Хаан³ пришли к выводу, что влияние этнолингвистической фракционализации на перераспределение доходов зависит от уровня экономической свободы в отдельных странах (что, по сути, оставило вопрос о таком влиянии открытым). Кейси и Оуэн, в том числе используя коэффициент Джини, обнаружили, что этническая фракционализация влияет на уровень дохода⁴.

Все немногочисленные исследования, упомянутые выше, имели международный характер, то есть отражали результаты сравнения показателей разных стран и их групп, иногда - континентов (Ходлер и др.⁵, Миланович⁶). На уровне отдельных стран эта проблема практически не изучалась – имеются лишь немногочисленные исследования взаимосвязи между этническим разнообразием и неравенством доходов внутри одного государства.

¹ Barro, R. Inequality and Growth in a Panel of Countries // Journal of Economic Growth. 2000. Vol. 5. Iss. 1. p. 5–32.

² Hotard, M. Differences Lead to Differences: Diversity and Income Inequality Across Countries // Master's Theses - Economics. 2008. Available at: <https://ir.library.illinois-state.edu/mte/13>

³ Sturm, J., De Haan, J. Income Inequality, Capitalism, and Ethno-Linguistic Fractionalization // The American Economic Review. 2015. Vol. 105. Iss. 5. P. - 593–597.

⁴ Casey, G., Owen, A. Inequality and fractionalization // World Development. 2014. No. 56. P. - 32–50.

⁵ Hodler, R., Srisuma, S., Vesperoni, A., Zurlinden, N. Measuring Ethnic Stratification and its Effect on Trust in Africa // CESifo Working Paper. 2018. Article No. 7405. DOI:10.2139/ssrn.3338759

⁶ Milanovic, B. Is inequality in Africa really different? // Policy Research Working Paper Series 3169. The World Bank. Washington, DC: 2003

Так, Динсер и Ламберт¹, изучая взаимосвязь этнической фракционализации и этнической поляризации с неравенством доходов в отдельных штатах США, обнаружили, что это неравенство сопровождается увеличением уровня фракционализации (переход от этнической однородности к этническому разнообразию увеличивает коэффициент Джини). Чадха и Нандвани², исследуя взаимосвязь между этнической фракционализацией и неравенством в Индии, обнаружили, что в более фрагментированных районах общее неравенство выше. Мюллер³ исследовал влияние этнического разнообразия на деятельность сообществ в Индонезии. Таким образом, изучение гипотетической взаимосвязи между этнической фракционализацией и показателями неравенства доходов на примере одной страны (Казахстана) вносит определенный вклад в изучение данной проблемы.

Для оценки взаимосвязи этнического разнообразия и неравенства доходов в настоящем исследовании использованы индекс этнической фракционализации с одной стороны, и коэффициент Джини и коэффициент фондов (как индикаторы дифференциации доходов) - с другой. Индекс ЭЛФ был рассчитан автором для семнадцати регионов Казахстана и для национального уровня на основе данных о национальном составе страны и регионов на начало 2022 года. Для расчетов использовалась база данных Бюро национальной статистики (БНС) Агентства по стратегическому планированию и реформам Ре-

¹ Dincer, O., Lambert, P. Taking care of your own: ethnic and religious heterogeneity and income inequality // Journal of Economic Studies. 2012. Vol. 39. Iss. 3. P. - 290-313. DOI:10.1108/01443581211245883

² Chadha, N., Nandwani, B. Ethnic fragmentation, public good provision and inequality in India, 1988–2012 // Oxford Development Studies. 2018. Vol. 46. Iss. 3. P. - 363-377. DOI:10.1080/13600818.2018.1434498

³ Muller, C. Ethnic inequality and community activities in Indonesia // WIDER Working Paper Series. 2016. World Institute for Development Economic Research (UNU-WIDER). Article No wp-2016-170.

спублики Казахстан, в том числе, данные по численности и доле в населении семнадцати наиболее распространенных этносов Республики Казахстан (с удельным весом от 69,59% до 0,09%), а также по совокупной доле остальных этнических групп (1,04%)¹. Коэффициент Джини рассчитан БНС по децильным группам, а коэффициент фондов (также данные БНС) представляет соотношение между средними доходами населения в десятой и первой децильных группах. На начало 2022 года этнический состав населения Казахстана характеризовался преобладанием одного этноса (долей более 50%) в 15 из 17 регионов, а удельный вес крупнейшего этноса по регионам колебался от 41,9% (Костанайская область) до 96,5% (Кызылординская область). Индекс ЭЛФ (в варианте только этнической фракционализации) составил 0,48 для Казахстана в целом и от 0,07 до 0,65 для семнадцати регионов. Значения индекса этнической фракционализации, коэффициента Джини и коэффициента фондов для Казахстана и семнадцати регионов приведены в таблице 2.

¹ Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2022 года. Демографическая статистика. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/61/statistic/6> (дата обращения: 20.04.2023); Коэффициент Джини и коэффициент фондов по регионам. Статистика уровня жизни. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/64/statistic/7> (дата обращения: 20.04.2023).

Таблица 2. Значения индекса этнической фракционализации, коэффициента Джини и коэффициента фондов по регионам Казахстана на начало 2022 года¹

	Индекс ЭЛФ	Коэффициент Джини по децильным группам	Коэффициент фондов, разы
Казахстан	0,48	0,294	5,96
Акмолинская	0,62	0,287	5,94
Актюбинская	0,28	0,285	5,22
Алматинская	0,45	0,28	5,38
Атырауская	0,13	0,222	3,78
Западно-Казахстанская	0,36	0,249	4,48
Жамбылская	0,45	0,22	3,86
Карагандинская	0,59	0,309	6,9
Костанайская	0,65	0,256	5,06
Кызылординская	0,07	0,23	4,23
Мангистауская	0,16	0,188	3,28
Павлодарская	0,59	0,312	6,51
Северо-Казахстанская	0,63	0,298	6,67
Туркестанская	0,40	0,192	3,42
Восточно-Казахстанская	0,49	0,319	6,78
Астана	0,33	0,259	4,73
Алматы	0,55	0,321	7,45
Шымкент	0,49	0,188	3,22

¹ Источники: Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2022 года. Демографическая статистика. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/61/statistic/6> (дата обращения: 20.04.2023); Коэффициент Джини и коэффициент фондов по регионам. Статистика уровня жизни. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/64/statistic/7> (дата обращения: 20.04.2023).

Для выявления взаимосвязей между этнической фракционализацией, выраженной через индекс ЭЛФ, и показателями дифференциации доходов регионы Казахстана были ранжированы по убыванию значений индекса. Сопоставление этих значений и значений коэффициента Джини (рис.3) демонстрирует наличие определенных взаимосвязей, особенно выраженных среди регионов с максимальной этнической фракционализацией, в которых также наблюдаются и высокие значения коэффициента Джини. Также можно отметить и низкие значения этого коэффициента среди регионов с минимальной этнической фракционализацией.

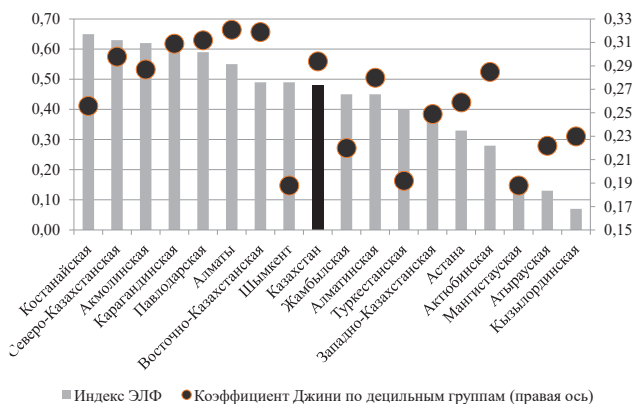

Рисунок 3. Индекс ЭЛФ и коэффициент Джини по регионам Казахстана¹

¹ Источник: расчеты автора по данным из следующих источников: Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2022 года. Демографическая статистика. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/61/statistic/6> (дата обращения: 20.04.2023); Коэффициент Джини и коэффициент фондов по регионам. Статистика уровня жизни. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/64/statistic/7> (дата обращения: 20.04.2023).

Сходная, хотя несколько менее выраженная, картина наблюдается при сопоставлении индекса этнической фракционализации и коэффициента фондов (рис.4). В большинстве регионов Казахстана с высоким уровнем фракционализации отмечаются и максимальные значения коэффициента фондов, характеризующего разброс доходов, тогда как в регионах с минимальным этническим разнообразием невелики и значения коэффициента фондов.

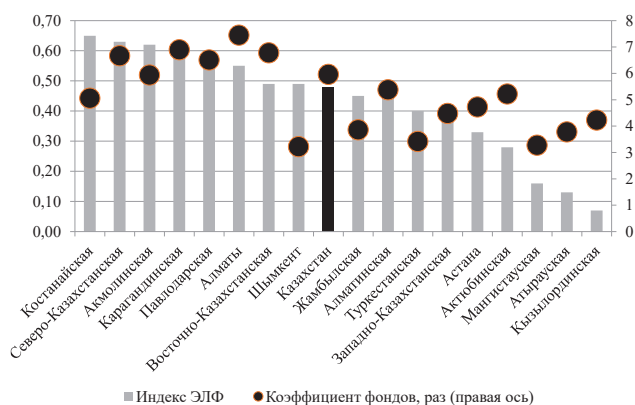

Рисунок 4. Индекс ЭЛФ и коэффициент фондов по регионам Казахстана¹

Отмеченные на приведенных графиках соответствия между показателями этнической фракционализации и неравенства доходов подтверждаются и при анализе соответствующих индикаторов на основе группировки регионов по значению индек-

¹ Источник: расчеты автора по данным из следующих источников: Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2022 года. Демографическая статистика. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/61/statistic/6> (дата обращения: 20.04.2023); Коэффициент Джини и коэффициент фондов по регионам. Статистика уровня жизни. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/64/statistic/7> (дата обращения: 20.04.2023).

са ЭЛФ. В таблице 3 представлены средние значения данного индекса, коэффициента Джини и коэффициента фондов для групп регионов, выделенных на основе ранжирования значений индекса ЭЛФ. Приведенные данные демонстрируют постепенное возрастание средних значений коэффициента Джини и коэффициента фондов в трех выделенных группах по мере роста среднего значения данного индекса. Указанная закономерность наблюдается по обоим индикаторам неравенства доходов, что позволяет сделать вывод о наличии в Казахстане взаимосвязи между уровнем этнической фракционализации и дифференциацией доходов.

Таблица 3. Показатели дифференциации уровня жизни населения в соответствии с группами регионов по значению индекса ЭЛФ в сопоставлении со средними значениями¹.

	0 - 0,3	0,31-0,5	0,51 и выше	Казахстан	Среднее значение
Количество регионов в группе	4	7	6		
Среднее значение Индекса ЭЛФ	0,16	0,43	0,61	0,43	0,57
Среднее значение коэффициента Джини	0,231	0,244	0,297	0,294	0,26
Среднее значение коэффициента фондов	4,13	4,55	6,42	5,96	5,11

¹ Источник: расчеты автора по данным из следующих источников: Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2022 года. Демографическая статистика. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/61/statistic/6> (дата обращения: 20.04.2023); Коэффициент Джини и коэффициент фондов по регионам. Статистика уровня жизни. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/64/statistic/7> (дата обращения: 20.04.2023).

Такая закономерность наблюдается для обоих показателей неравенства доходов, при этом можно отметить, что увеличение значения этнической фракционализации при выходе индекса ЭЛФ за определенный пороговый уровень (в данном случае около 0,5) сопровождается резким ростом показателей неравенства доходов. При значительном увеличении среднего значения индекса ЭЛФ между первой и второй группами регионов (на 169%) изменение среднего значения коэффициента Джини составило всего 6%, а среднего значения коэффициента фондов - 10%. Гораздо меньшее увеличение среднего значения индекса ЭЛФ в третьей группе регионов относительно аналогичного показателя во второй группе, на 42%, сопровождалось значительно более интенсивным ростом показателей неравенства. Среднее значение коэффициента Джини увеличилось на 10%, а коэффициента фондов - на 41%. Резкое увеличение неравенства отмечено после того, как индекс ЭЛФ достигает значения около 0,5, что соответствует примерно 60 процентам самой многочисленной этнической группы. То есть в регионах с максимальным этническим разнообразием, в которых доля преобладающей этнической группы составляет менее 60%, показатели неравенства доходов значительно выше, чем в регионах с меньшим разнообразием, и выше средних значений этих показателей.

Эта особенность позволяет сделать вывод о том, что существует взаимосвязь между уровнем этнической фракционализации и неравенством доходов в Казахстане. Данный вывод подтверждается и анализом в обратном направлении - сравнением показателей неравенства доходов со средними значениями индекса ЭЛФ для групп регионов с максимальными и минимальными значениями показателей неравенства (таблица 4). Регионы с минимальными значениями коэффициента Джини и коэффициента фондов имеют среднее значение индекса ЭЛФ на уровне 0,35. Этот уровень заметно ниже значений данного индикатора

для регионов с максимальным средним значением коэффициента Джини (0,56) и коэффициента фондов (0,57). Таким образом, противоположные группы регионов по среднему групповому значению индекса ЭЛФ также имеют и противоположные позиции по средним значениям показателей неравенства доходов, что подтверждает наличие взаимосвязи между этническим разнообразием и дифференциацией доходов в Казахстане.

Таблица 4. Сопоставление показателей дифференциации уровня жизни населения в регионах с их предельными значениями с индексом ЭЛФ¹.

Минимальные значения коэффициента Джини (менее 0,2)	3 региона (Мангистауская обл., г. Шымкент, Туркестанская обл.)
Среднее значение индекса ЭЛФ для указанных регионов	0,35
Максимальные значения коэффициента Джини (более 0,3)	4 региона (Карагандинская, Павлодарская, Восточно-Казахстанская обл., г. Алматы)
Среднее значение индекса ЭЛФ для указанных регионов	0,56
Минимальные значения коэффициента фондов (менее 3,5)	3 региона (Мангистауская обл., г. Шымкент, Туркестанская обл.)
Среднее значение индекса ЭЛФ для указанных регионов	0,35
Максимальные значения коэффициента фондов (более 6,5)	5 регионов (Карагандинская, Павлодарская, Восточно-Казахстанская, Северо-Казахстанская обл., г. Алматы)
Среднее значение индекса ЭЛФ для указанных регионов	0,57

¹ Источник: расчеты автора по данным из следующих источников: Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2022 года. Демографическая статистика. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/61/statistic/6> (дата обращения: 20.04.2023); Коэффициент Джини и коэффициент фондов по регионам. Статистика уровня жизни. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/64/statistic/7> (дата обращения: 20.04.2023).

Также в данном случае уместно отметить, что значение индекса этнической фракционализации в группе регионов с минимальной дифференциацией доходов значительно ниже среднего по 17 регионам (0,57) и ниже показателя Казахстана (0,48). В группе регионов с максимальной дифференциацией доходов ситуация иная – среднее значение индекса ЭЛФ в данном случае практически равно среднему значению по всем 17 регионам. Таким образом, существование взаимосвязи между неравенством доходов и этнической фракционализацией подтверждается и при приоритете показателей дифференциации доходов, с которыми сопоставляется индекс ЭЛФ, при этом более выраженной эта взаимосвязь является в регионах с минимальным неравенством доходов.

Наконец, наличие взаимосвязи между этнической фракционализацией и дифференциацией доходов подтверждается и корреляционным анализом значений соответствующих индикаторов для семнадцати регионов Казахстана. Для повышения репрезентативности его результатов была рассчитана корреляции не только между значениями коэффициента Джини и коэффициента фондов, с одной стороны, и индекса ЭЛФ, но и между данными коэффициентами и удельным весом наиболее многочисленного этноса (который также отражает степень этнического разнообразия населения). Полученные коэффициенты корреляции (таб. 5) демонстрируют наличие заметной (в соответствии с градацией шкалы Чеддока) прямой взаимосвязи между индексом этнической фракционализации и коэффициентом Джини, а также между этим индексом и коэффициентом фондов. Несколько более выраженной является обратная корреляция между удельным весом наиболее многочисленного этноса и коэффициентами Джини и фондов. Таким образом, и в данном случае можно констатировать наличие заметной взаи-

мосвязи между этническим разнообразием населения регионов Казахстана и показателями неравенства доходов.

Таблица 5. Коэффициенты корреляции между индикаторами дифференциации уровня жизни и показателями этнического разнообразия регионов Казахстана¹.

	Коэффициент Джини по децильным группам	Коэффициент фондов (соотношение 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения), раз
Индекс ЭЛФ	0,558	0,630
Доля наиболее многочисленного этноса	-0,566	-0,645

Рассматривая полученные результаты, уместно также отметить, что они не связаны с абсолютным уровнем доходов населения в регионах Казахстана. Так, в числе регионов с минимальными уровнями этнической фракционализации (Кызылординская, Атырауская и Мангистауская области) представлены все страты по уровню среднедушевых номинальных доходов. Атырауская область (индекс ЭЛФ равен 0,13, второе снизу значение) имеет максимальный уровень доходов по Казахстану, Кызылординская область (индекс ЭЛФ 0,07, минимальное значение) напротив, входит в число регионов с наименьшим уровнем среднедушевых доходов. Мангистауская область (индекс ЭЛФ 0,16, третье снизу значение) имеет уровень доходов населения, не-

¹ Рассчитано автором по данным из следующих источников: Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2022 года. Демографическая статистика. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/61/statistic/6> (дата обращения: 20.04.2023); Коэффициент Джини и коэффициент фондов по регионам. Статистика уровня жизни. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/64/statistic/7> (дата обращения: 20.04.2023).

много превышающий средний. В трех регионах с максимальными уровнями этнической фракционализации (выше 0,6) уровни среднедушевых доходов имеют очень незначительный разброс и близки к среднему по Казахстану значению. Таким образом, какой-либо взаимосвязи между уровнем доходов и разнообразием этнического состава регионов Казахстана не прослеживается и влияние фактора абсолютного размера доходов на неравенство их распределения отсутствует.

По результатам анализа показателей регионов Казахстана, сгруппированных по уровню индекса этнолингвистической фракционализации, выявлена взаимосвязь между средними значениями этого индекса и значениями показателей неравенства доходов. Эта взаимосвязь выражается в росте средних показателей коэффициента Джини и коэффициента фондов по мере увеличения среднего значения индекса ЭЛФ по группам регионов. В свою очередь, в регионах с минимальными значениями показателей неравенства доходов также отмечаются низкие значения коэффициента ЭЛФ, тогда как в регионах с высокими значениями коэффициента Джини и коэффициента фондов индекс ЭЛФ имеет значительно большие значения. Также можно сделать вывод о том, что существует определенный пороговый уровень этнической фракционализации (около 0,5 по индексу ЭЛФ, что соответствует примерно 60 процентам доли крупнейшей этнической группы в населении), превышение которого сопровождается более интенсивным увеличением показателей неравенства доходов. Также была выявлена умеренная корреляция между показателями этнического разнообразия в регионах Казахстана и показателями неравенства доходов, при этом корреляция с коэффициентом фондов более отчетливой, чем с коэффициентом Джини. Наконец, не было обнаружено взаимосвязи между показателями этнической фракционализации и уровнем доходов населения в разных регионах.

Сравнение значений индекса этнолингвистической фракционализации с показателями неравенства доходов на уровне регионов Казахстана по состоянию на начало 2022 года, а также корреляционный анализ этих параметров продемонстрировали наличие взаимосвязи между этническим разнообразием и неравенством доходов. В регионах с более однородным этническим составом наблюдаются более низкие значения коэффициента Джини и коэффициента фондов, которые увеличиваются по мере роста этнического разнообразия в регионах. Полученные результаты в целом согласуются с результатами многих межстрановых исследований, которые выявили взаимосвязь между этнической неоднородностью стран и неравномерностью распределения общественных благ. В то же время, в случае регионов Казахстана, взаимосвязь между этнической фракционализацией и неравенством доходов оказалась более отчетливой (в частности, она характеризовалась более высокими значениями коэффициентов корреляции), чем в ряде межстрановых исследований.

3.3. Состояние и дифференциация социально-экономического положения сельского и городского населения Казахстана в 1980-2020-х годах

Социально-экономическое положение населения является одной из важнейших проблем обеспечения эффективного и устойчивого развития общества. В странах со значительной долей сельского населения эта проблема имеет также отдельное измерение дифференциации уровня жизни между городским и сельским населением, чрезмерный рост которой способен стать не просто отражением недостаточной эффективности действующей социально-экономической модели, но и фактором дестабилизации государственных институтов и общества в целом.

В этой связи, исследование разрыва в социально-экономическом положении городского и сельского населения и, в частности, в показателях уровня жизни обретает дополнительную актуальность, не ограниченную исключительно академическим интересом, но имеющую также и практическую значимость. Высокая актуальность данной проблематики в полной мере распространяется и на Казахстан, как страну, с одной стороны, имеющую высокую долю сельского населения и, с другой стороны – значительную дифференциацию уровня жизни в сельской и городской местности, которая является одним из основных факторов массовой внутренней миграции и порождаемых ей проблем. Исследование особенностей как самого социально-экономического положения городского и сельского населения, так и разрыва между этими стратами населения в Казахстане, таким образом, представляет значительный научный и практический интерес, особенно, с учетом периода последних годов существования социалистической общественно-экономической формации, слом которой в начале 90-х годов XX века стал одной из причин резкого роста данного разрыва.

Анализ социально-экономического положения сельского и городского населения в контексте изучения различных аспектов социальных, экономических, политических проблем имеет длительную и разноплановую историю в мировой практике научных исследований. Современные исследования с принятым в настоящее время научной практике методическим аппаратом в данной области начались уже в 50-е годы XX века¹. При этом основной акцент в изучении социально-экономического положения сельского и городского населения делался на неравенстве этого положения в различных его аспектах – преимуще-

¹ Lewis, W. A. (1954). Economic development with unlimited supplies of labour. The Manchester School, 22(2), 139–191; Kuznets, S. 1955. Economic Growth and Income Inequality. American Economic Review 45 (March): 1–28.

ственно, неравенстве доходов¹, но также неравенстве доступа к различным видам инфраструктуры², рынку труда³, социальному обеспечению⁴ и пр. Отдельным направлением исследования является миграция сельского населения в города⁵ и являющаяся следствием этого процесса урбанизация через призму указанного неравенства, который зачастую выступает триггером внутренней миграции⁶.

Характерно, что неравенство социально-экономического положения сельского и городского населения отмечается в исследованиях по самым разным странам, включая развитые (существует, в частности, обширный пласт работ в этой области по США⁷), развивающиеся (Бразилия⁸, Индия⁹), а также страны,

¹ Krishna, A. (2019). Rural-urban inequality and poverty. In G. Antonelli & B. Rehbain (Eds.), *Inequality in economics and sociology. New perspectives* (pp. 162–173). Routledge; Jian Chen, Belton M. Fleisher. *Regional Income Inequality and Economic Growth in China*. *J. Comp. Econ.*, 22 (1996), pp. 141–164

² Betancourt, R., & Gleason, S. (2000). The allocation of publicly-provided goods to rural households in India: On some consequences of caste, religion and democracy. *World Development*, 28(12), 2169–2182.

³ Whyte, M. (2010). The paradoxes of rural-urban inequality in contemporary China. In M. Whyte (Ed.), *One country two societies: Rural urban inequality in contemporary China*. Harvard University Press.

⁴ Harriss, J., Moore, M. (1984). *Development and the rural urban divide*. Routledge.

⁵ Connell, J., Dasgupta, B., Laishley, R., & Lipton, M. (1976). *Migration from rural areas: The evidence from village studies*. Oxford University Press; Stark, O., Bloom, D. (1985). The new economics of labour migration. *The American Economic Review*, 75(2), 173–178.

⁶ Pattenden, J. (2012). Migrating between rural raichur and boomtown Bangalore: Class relations and the circulation of labour in South India. *Global Labour Journal*, 3(1), 163–190.

⁷ Martina, M., Bruce, W. (1999). Inequality in earnings at the close of the twentieth century. *Annual Review of Sociology*, 25(1), 623–657; Nielsen, F., Alderson A. S. (1997). The Kuznets curve and the great U-turn: income inequality in US counties, 1970 to 1990. *American Sociological Review*, 12–33; Peters, D.J. (2012). Income inequality across micro and meso geographic scales in the Midwestern United States, 1979–2009. *Rural Sociology*, 77(2), 171–202.

⁸ Ciaschi, M., Costa, R. D., Macedo, R., Paffhausen, A. L., & Sousa, L. D. (2020). A reversal in shared prosperity in Brazil. World Bank.

⁹ de Freitas Barbosa, A., Cacciамali, M. C., & Rodgers, G. (2017). *Growth and inequality: The contrasting trajectories of India and Brazil*. Cambridge University Press.

имеющие транзитные или смешанные экономические модели (например, Китай¹, Россия², Казахстан³).

Поскольку основным вектором исследований в области социально-экономического положения сельского и городского населения было неравенство доходов и уровня жизни, в методологии и подходах к анализу этой проблематики также преобладало изучение количественно измеряемых показателей, оценивающих как состояние соответствующих сфер, так и различие между ними в городской и сельской местности. Классические подходы к измерению неравенства между этими группами населения, которое началось в 60-е годы, и проводилось до тотальной «математизации» социально-экономических исследований, базировались, в частности, на измерении таких базовых показателей, как заработная плата и различия между ней в городах и сельской местности⁴.

В 1967 Тейл предложил свое видение индекса, оценивающего неравенство доходов в выборке (в настоящее время – Индекс Тейла), основанный на понятии информационной энтропии и, в отличие от коэффициента Джини, разложимый - если

¹ Kanbur, R., Wang, Y., & Zhang, X. (2021). The great Chinese inequality turnaround. *Journal of Comparative Economics*, 49(2), 467–482.

² Быстрицкая А. Ю. Сравнительная характеристика уровня жизни городского и сельского населения России // Научный альманах Центрального Черноземья. – 2014. – № 3. – С. 26-28; Антончева О. А., Апанасенко Т.Е. Сокращение социального неравенства между городским населением и жителями сельской местности: сравнительный опыт России и Китая // Управленческое консультирование. – 2021. – № 1(145). – С. 61-76. – DOI 10.22394/1726-1139-2021-1-61-76.

³ Рубцова В. Н., Муханбетчина М.С. Преодоление социально-экономического неравенства сельских территорий Казахстана // Вестник Саратовского госагроуниверситета им. Н.И. Вавилова. – 2013. – № 5. – С. 91-93.

⁴ Fei, John C. H., Gustav Ranis. *Development of the Labor Surplus Economy: Theory and Policy*, The Economic Growth Center, Yale University, 1964, pp. x, 324; Williamson, J.G. (1965) *Regional Inequality and the Process of National Development: A Description of Patterns*. *Economic Development and Cultural Change*, 13, 3-47. <http://dx.doi.org/10.1086/450136>

популяция разбита на группы, то индекс всей популяции можно записать в виде взвешенной суммы индексов каждой из групп¹. Углубление и усложнение методик измерения неравенства началось с работ Аткинсона², представившего в 1970 году новый индекс (впоследствии названный его именем), основанный на благосостоянии и представляющий собой процент от общего дохода, которым должно было бы пожертвовать общество, чтобы доходы его граждан были более равномерными, который в дальнейшем стал применяться и для оценки неравенства доходов городского и сельского населения, а в настоящее время используется в статистических целях Бюро переписи населения США. Оба эти индекса впоследствии стали активно применяться для изучения различий в доходах городского и сельского населения, а также внутри этих групп.

К традиционным и наиболее распространенным методам оценки неравенства социально-экономического развития города и села относится сравнительный анализ ряда макроэкономических показателей – как на уровне регионов (таких, как валовый региональный продукт), так и в расчете на душу населения³. Также до настоящего времени продолжают активно использоваться показатели доходов населения и их региональной (в том числе, по линии «город-село») дифференциации⁴. Также к традиционным подходам измерения различий в уровне жизни городского и сельского населения можно отнести замеры уровня и качества

¹ Theil, H. *Economics and Information Theory*. North-Holland, 1967.

² Atkinson, Anthony B., 1970. “On the measurement of inequality,” *Journal of Economic Theory*, Elsevier, vol. 2(3), pages 244-263.

³ Железняков С. С., Подосинников Е.Ю. Диагностика территориальной дифференциации регионов ЦФО // *Социально-экономические явления и процессы*. – 2015. – Т. 10, № 11. – С. 13-22.

⁴ Кондаурова И. А. Дифференциация доходов домохозяйств: способы сбора данных // *Сборник научных работ серии «Государственное управление»*. – 2022. – № 26. – С. 172-178. – DOI 10.5281/zenodo.6884083.

потребления, которые используются для данной цели на протяжении многих десятилетий как на уровне общих международных сопоставлений¹, так и для условий отдельных стран² или видов потребляемых ресурсов, таких как продовольствие или энергия³.

При этом ряд исследователей обосновывает необходимость отказа от традиционных показателей, особенно, макроуровня в пользу более специфических или более комплексных, заявляя, что «когда мы измеряем разрыв между сельскими и городскими районами с помощью экономических показателей, таких как ВВП, доход, заработная плата и производительность, мы упускаем из виду некоторые важные факторы»⁴, и предлагают оценивать региональное неравенство и, в частности, неравенство между городом и селом, по недавно введенным в научный оборот и более инклюзивным показателям. Среди таких показателей выделяют Индекс устойчивого экономического благосостояния (Index of Sustainable Economic Welfare (ISEW)) и Индекс подлинного прогресса (Genuine Progress Indicator (GPI)), высту-

¹ Amromin, G., De Nardi, M. & Schulze, K. (2018). Household Inequality and the Consumption Response to Aggregate Real Shocks. *Economic Perspectives*. <https://doi.org/10.21033/ep-2018-1>.

² Blundell, R. & Etheridge, B. (2010). Consumption, Income and Earnings Inequality in Britain. *Review of Economic Dynamics*, 13(1): 76–102. <https://doi.org/10.1016/j.red.2009.10.004>; Cai, H., Chen, Y. & Zhou, L. (2010). Income and Consumption Inequality in Urban China: 1992–2003. *Economic Development and Cultural Change*, 58(3): 385–413. <https://doi.org/10.1086/650423>; De Magalhães, L. & Santaaulàlia-Llopis, R. (2018). The consumption, Income, and Wealth of the Poorest: An Empirical Analysis of Economic Inequality in Rural and Urban SubSaharan Africa for Macroeconomists. *Journal of Development Economics*, 134: 350–371. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2018.05.014>.

³ Borozan, B. Regional-level household energy consumption determinants: The european perspective. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, Volume 90, 2018, Pages 347-355, <https://doi.org/10.1016/j.rser.2018.03.038>; Cabello Eras, J.J., Mendoza Fandiño, J.M., Gutiérrez A.S., Bayona H.G., German S. The inequality of electricity consumption in Colombia. Projections and implications. *Energy*, Volume 249, 2022, 123711, <https://doi.org/10.1016/j.energy.2022.123711>.

⁴ Hayashi, T. Measuring rural–urban disparity with the Genuine Progress Indicator: A case study in Japan. *Ecological Economics*, Volume 120, 2015, Pages 260-271., p.260.

пающие в роли альтернативы ВВП в части учета и оценки ряда социальных аспектов развития общества. Данные индикаторы начали активно применяться для оценки неравенства социально-экономического положения сельского и городского населения в течение последних двух десятилетий¹.

Несмотря на ширящееся распространение в академических исследованиях новых подходов и использование все более изощренных и сложных индикаторов, основным дискурсом изучения социально-экономического положения сельского и городского населения остается неравенство доходов и уровня жизни, а инструментарием этого изучения – традиционные показатели оценки дифференциации. Примеры такого подхода широко распространены, в частности, в практике международных организаций. Так, ООН, рассматривая проблему неравенства доходов в городской и сельской местности, ссылается на индекс Джини². Этот же индикатор, в совокупности с рядом других, использует Всемирный банк – так, платформа LAC Equity Lab, занимающаяся оценкой различных аспектов бедности и неравенства в странах Латинской Америки, использует для оценки неравенства городского и сельского населения такие показатели, как коэффициент Джини, коэффициент фондов, индекс Тейла и коэффициент Аткинсона³. В отечественной практике неравенство

¹ Hayashi, T. Measuring rural–urban disparity with the Genuine Progress Indicator: A case study in Japan. *Ecological Economics*, Volume 120, 2015, Pages 260-271; Rui Santos, P.B. Measuring sustainable welfare: A new approach to the ISEW. *Ecological Economics*, Volume 69, Issue 4, 2010, Pages 810-819; Posner, S.M., Costanza, R. A summary of ISEW and GPI studies at multiple scales and new estimates for Baltimore City, Baltimore County, and the State of Maryland. *Ecological Economics*, Volume 70, Issue 11, 2011, Pages 1972-1980.

² Urbanization: expanding opportunities, but deeper divides. United Nations. Department of Economic and Social Affairs. URL: <https://www.un.org/fr/desa/urbanization-expanding-opportunities-deeper-divides> (дата обращения: 12.12.2024).

³ LAC Equity Lab: Income Inequality - Urban/Rural Inequality. World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/poverty/lac-equity-lab1/income-inequality/urban-rural-inequality> (дата обращения: 12.12.2024).

доходов также принято измерять с помощью коэффициента Джини и коэффициента фондов.

Резюмируя обзор существующих подходов к оценке социально-экономического положения сельского и городского населения, наиболее широко распространенных в мировой научной практике, можно сделать вывод о том, что основными направлениями и методами соответствующих исследований являются следующие:

- изучение относительных (подушевых) показателей макроуровня, таких, как ВРП, производство товаров и услуг, и т.п. в сельской и городской местности, позволяющее оценить различия в социально—экономическом развитии на уровне исследуемых регионов;

- изучение дифференциации доходов и уровня жизни в сельской и городской местности, а также различий между ними у соответствующих категорий населения на основе показателей неравенства – коэффициента Джини, коэффициента фондов и иных подобных индикаторов;

- исследование неравенства потребления в сельской и городской местности по широкому кругу товаров, услуг и общественных благ – продовольствия, энергии, товаров народного потребления, а также обеспеченности соответствующих категорий населения социальной инфраструктурой (учреждения образования, здравоохранения, культуры).

Рассматривая возможности использования тех или иных существующих в мире методических подходов при анализе социально-экономического положения сельского и городского населения Казахстана, следует принимать во внимание ряд факторов, обуславливающих возможность использования конкретных показателей для оценки соответствующих сфер и процессов, корректность их применимости к казахстанским усло-

виям и, наконец, наличие баз данных, позволяющих проводить анализ с использованием тех или иных индикаторов. Имеющиеся ограничения по доступности данных затрудняют использование в условиях Казахстана, в частности, таких индикаторов, как Индекс устойчивого экономического благосостояния и Индекс подлинного прогресса, которые невозможно рассчитать на основе данных региональной статистики. Корректность индексов Аткинсона или Тейла до настоящего времени остается дискуссионной, что также затрудняет их использование, так же, как и некоторых других методов оценки дифференциации доходов. Учитывая данные особенности используемых в мировой науке подходов и индикаторов, в рамках настоящего раздела для анализа социально-экономического положения сельского и городского населения Казахстана будут использованы преимущественно традиционные показатели оценки как его состояния (показатели доходов, средней заработной платы, доступа к базовым общественным благам), так и их неравенства в городской и сельской местности.

Таким образом, анализ социально-экономического положения сельского и городского населения Казахстана проводится с акцентом на изучение неравенства этого положения, что соответствует как преобладающему в мировой научной практике дискурсу, так и актуальности данного подхода в контексте становления «Справедливого Казахстана». Основываясь на данном подходе, исследуются основные показатели оплаты труда и уровня жизни населения в сельской и городской местности с точки зрения существующих различий в этих показателях и тенденций их изменения.

В то же время, проведение такого рода исследования на длительном временном интервале 1986-2024 годов сталкивается с рядом затруднений в плане доступности соответствующей

информации. Во-первых, статистика советского периода и первых лет независимости Казахстана существенно отличается от современной набором данных, характеризующих уровень жизни. Так, в советской статистике просто отсутствовали многие современные показатели, в настоящее время являющиеся базовыми для оценки различных аспектов уровня жизни и бедности (глубина и острота бедности, сопоставление доходов с величиной прожиточного минимума или стоимостью потребительской корзины), что делает невозможным сравнительный анализ текущей ситуации с периодом 1986-1995 годов. Также невозможно сопоставление уровня доходов или заработной платы в тенге, или в долларовом эквиваленте, с соответствующими показателями Казахской ССР в рублях (долларового эквивалента которых статистика того периода не содержит). Во-вторых, даже в современных, достаточно развитых базах данных многие важные показатели не выделяют сельскую и городскую местность. Например, не существует таких данных для средней заработной платы, данные по доходам фрагментарны и начинаются с конца 2000-х годов, аналогичная ситуация с данными по дифференциации доходов. Все это осложняет задачу проведения комплексного и детального анализа различий в социально-экономическом положении сельского и городского населения, однако имеющихся данных по некоторым индикаторам, в целом, достаточно для оценки ситуации и тенденций в этой области, во всяком случае, в период с конца 90-х годов.

Если рассматривать весь период 1986-2024 годов, то определенное представление о его тенденциях в части анализа различий в социально-экономическом положении сельского и городского населения может дать основной индикатор, определяющий уровень жизни работающего населения – номинальная средняя заработная плата. Как отмечалось выше, статисти-

ческие данные по средней зарплате для сельской и городской местности отсутствуют, так как этот показатель рассчитывается для видов экономической деятельности. Однако в данном случае можно использовать показатель средней заработной платы для вида деятельности «сельское, лесное и рыбное хозяйство» как индикатор, достаточно репрезентативный для сельской местности. Несмотря на то, что в сельской местности представлены и многие другие виды экономической деятельности, основным из них все-таки является сельское хозяйство, где занята основная часть работающих. Поэтому заработная плата в сельском хозяйстве в целом отражает уровень оплаты труда в сельской местности, а также может рассматриваться в качестве базового индикатора, определяющего доходы и уровень жизни сельского населения.

В целях оценки различий в социально-экономическом положении сельского и городского населения на основе средней номинальной заработной платы в сельском хозяйстве целесообразно использовать не ее абсолютный размер или темпы роста (которые подвержены сильному влиянию различных факторов), а сопоставление этого размера с величиной средней зарплаты по Казахстану, по всем видам экономической деятельности. Это сопоставление позволит также оценить ситуацию с различием социально-экономического положения сельского и городского населения и в советское время, с 1986 года, поскольку соответствующие данные доступны для этого периода. Нами был рассчитан разрыв между средней заработной платой по всем видам деятельности и средней заработной платой в сельском хозяйстве Казахской ССР и Республики Казахстан для периода исследования с построением графика этого показателя (рис.5).

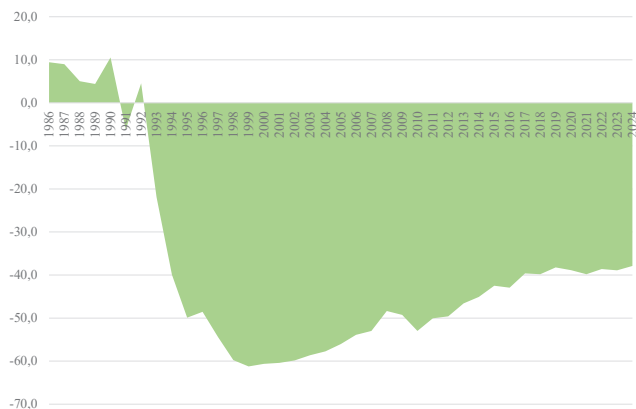

Рисунок 5. Разница между средней номинальной заработной платой в сельском, лесном и рыбном хозяйстве, и средней заработной платой по всем видам экономической деятельности, %.¹

Представленные данные отражают существенные изменения ситуации в рассматриваемой сфере после 1992 года. Если в советский период заработная плата в сельском хозяйстве превышала средний по экономике показатель примерно на 10%, то в 90-е годы произошло ее резкое обрушение и отставание от среднего уровня превысило 50%, а в отдельные годы (1999-2001 годы) – даже 60%. Впоследствии это отставание начало сокращаться, и по итогам 2024 года составило 38%, но все еще остается очень большим. На наш взгляд, этот разрыв в оплате труда является одной из причин спада занятости в сельском хозяйстве – только за последние 15 лет, с 2010 года она сократилась

¹ Рассчитано автором по следующим источникам: Статистический ежегодник Казахстана в 1990 году. Алма-Ата, Казинформ, 1991 г.; Статистический ежегодник Казахстана за 1993 год. Алматы, Казинформцентр, 1994; Оплата труда в Республике Казахстан / Статистический сборник/ на казахском и русском языках / 306 стр. Астана, 2011; Среднемесячная заработная плата по видам экономической деятельности в Республике Казахстан (2010-2024гг.). Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-wags/dynamic-tables/>

более чем в два раза, на 1,2 млн. человек, - а также массовой миграции сельского населения в города, интенсивность которой постоянно увеличивается. С 2013 по 2023 годы среднегодовое отрицательное сальдо миграции из сельской местности Казахстана составило 67,2 тыс. человек, а в последние несколько лет, с 2019 по 2023 годы оно выросло до 82 тысяч. С 2000 по 2023 годы совокупное отрицательное сальдо миграции из сельской местности составило 1424 тыс. человек, что эквивалентно 7,2% населения Казахстана в 2023 году.

Значительная миграция из сельской местности пока что не переломила долгосрочную тенденцию роста численности сельского населения, которая увеличилась с 6805 тыс. чел. в 1986 году до 7583 тыс. человек на начало 2024 года. В то же время, происходит неуклонное сокращение доли сельского населения Казахстана в общей его численности. В 1986 году в сельской местности проживало 42% жителей и этот показатель долгое время оставался на примерно одном уровне, меняясь в пределах порядка 42-45%. Однако с 2019 года ситуация изменилась и началось его достаточно быстро снижение. На начало 2024 года доля сельского населения Казахстана опустилась до уровня 37,8%, более того, в течение нескольких последних лет сокращается и абсолютная его численность – с максимума в 7728 тыс. человек, достигнутого в 2020 году, она сократилась на 145 тыс. человек за четыре года.¹

Приведенные данные свидетельствуют о наличии значительных диспропорций в социально-экономическом положении сельского и городского населения, которые выталкивают сельских жителей и из основной сферы их занятости, и из сельской мест-

¹ Численность населения Республики Казахстан. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/dynamic-tables/>

ности в целом. Очевидно, что эти диспропорции проявляются не только в разном уровне оплаты труда, но и в других сферах, отражающих уровень и качество жизни. Также правомерно предположить, что данные процессы отражают произошедшие в рассматриваемый период сдвиги в сельскохозяйственном производстве, которое является основой социально-экономического положения сельского населения. Эти сдвиги были очень существенными, что отразилось в основных показателях сельскохозяйственного производства. Анализ показателей сельского хозяйства не входит в число задач настоящего раздела, но для иллюстрации общей ситуации социально-экономического положения сельского населения, в том числе, в части рассмотренного выше резкого падения заработной платы в сельском хозяйстве целесообразно привести некоторые ключевые для Казахстана показатели деятельности отрасли в 1986 и в 2024 годах (таб. 6).

Таблица 6. Некоторые основные показатели сельского хозяйства Казахстана в 1986 и в 2024 годах¹.

Показатель	1986 год	2024 год	Изменение, %
Доля сельского хозяйства в ВВП, %	25,3	3,9	-84,6
Посевная площадь сельскохозяйственных культур, тыс. га	35618	23311	- 34,6
Валовой сбор зерна, млн. тонн	28,3	24,7	-12,7
Поголовье крупного рогатого скота, тыс. голов	9529	4337	-54,5
Поголовье птицы, тыс. голов	58436,2	38745	-33,7
Надоемо молока коровьего, тыс. тонн	5040	1393	-72,4
Производство яиц, млн. штук	4097	3764	- 8,1

¹ Источники: НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО КАЗАХСТАНА В 1988 г. Статистический ежегодник. - Алма-Ата: Казахстан, 1989.-392 с.; Статистика сельского, лесного, охотничьего и рыбного хозяйства

Электронные таблицы. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. <https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-forrest-village-hunt-fish/spreadsheets/?year=&name=19432&period=&type=>

Данные таблицы 6 демонстрируют, что в течение рассматриваемого периода произошло существенное сокращение всех основных показателей деятельности сельского хозяйства. Это сокращение происходило на фоне роста численности сельского населения, что приводило к усилению напряженности на рынке труда в сельской местности, обуславливало миграцию в города, или даже за пределы страны, и ряд других явлений.

Таким образом, сложились предпосылки как для снижения уровня жизни на селе, так и для увеличения разрыва в социально-экономическом положении между сельским и городским населением. Однако оценить произошедшие с 1986 года изменения в качестве и уровне жизни, используя современные показатели, невозможно. В советской статистике отсутствовали принятые в настоящее время индикаторы измерения бедности и неравенства. В конце 80-х годов появляются первые данные по стратификации населения по среднедушевому совокупному доходу (формулировка 1990 года) – разбивка на группы по среднемесячному размеру этого дохода (до 75 рублей, 75-100, 100-150, 150-200, свыше 200 рублей) в процентах от всего населения, но никаких других данных, тем более, характеризующих бедность (острота, глубина, население с доходами ниже прожиточного минимума) не было в силу отсутствия такого явления, как бедность, в официальном обороте социалистической науки и статистики. Соответствующая статистика, в том числе, в разбивке некоторых показателей на городскую и сельскую местность появляется в Казахстане начиная с середины – конца 90-х годов, и она позволяет проследить как динамику и тенденции ситуации с уровнем жизни, так и различия между сельской и городской местностью.

Одним из показателей, наиболее наглядно демонстрирующих ситуацию с благополучием социально-экономического положения граждан, является доля населения, имеющего доходы

ниже величины прожиточного минимума. Динамика этого показателя для городской и сельской местности с 1997 года приведена на графиках рисунка 6, и она демонстрирует известные тенденции крайнего неблагополучия в 90-е годы с последующим постепенным его снижением. При этом нельзя не отметить, что эти тенденции для города и села несколько отличаются – если городской показатель устойчиво снижался с максимума 1998 года, то сельский продолжал расти до 2002 года. Еще более важным в контексте анализа различий в социально-экономическом положении сельского и городского населения представляется разница между этими показателями для города и села, рассчитанная нами в рамках соответствующего анализа.

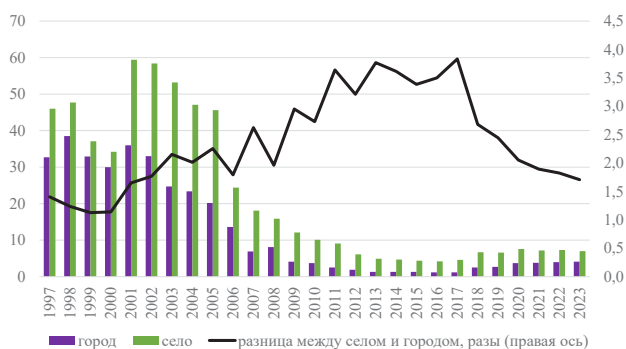

Рисунок 6. Доля населения, имеющего доходы ниже величины прожиточного минимума (уровень бедности) в городской и сельской местности, %, если не указано иное¹.

И в данном случае ситуация значительно более неблагоприятна – несмотря на быстрое снижение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума и в селе, и в городе, разрыв

¹ Источник: Индикаторы уровня жизни населения (годовые). Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-life/dynamic-tables/>

между ними рос, причем достаточно интенсивно, достигнув максимального уровня (3,8 раза) в 2017 году, когда базовые показатели были низки и близки к историческим минимумам. Это говорит о том, что даже в благополучные в целом периоды разрыв в социально-экономическом положении сельского и городского населения оставался очень высоким и продолжал расти. Несмотря на то, что в течение последних нескольких лет этот разрыв значительно сократился, он продолжает оставаться выше, чем в 90-е годы, которые были самыми неблагополучными для социально-экономической сферы Казахстана.

Другим важным индикатором, характеризующим как состояние социально-экономического положения сельского и городского населения, так и разрыв между этими категориями населения, являются доходы домохозяйств, использованные на потребление. Среднедушевой размер этих доходов в тенге, а также разрыв между городским (более высоким) и сельским показателем приведены на графиках рисунка 7. В данном случае, при традиционном для сопоставления села и города наличии разрыва в пользу городского населения, наблюдается более благополучная картина сокращения этого разрыва в долгосрочной ретроспективе. Данные по этому показателю доступны только с 2001 года и в рассматриваемый период сформировалась тенденция снижения разницы между потреблением у городского и сельского населения, хотя динамика соответствующего показателя является очень неровной и характеризуется значительным разбросом значений, происходившим на коротких временных промежутках.

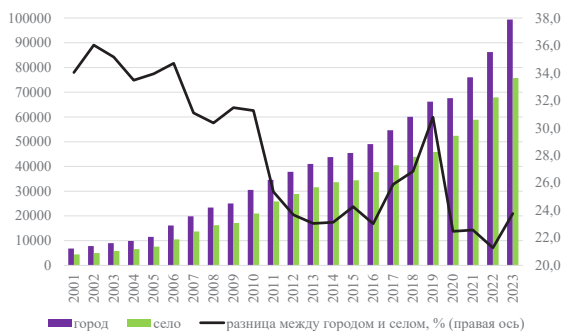

Рисунок 7. Доходы домашних хозяйств, использованные на потребление, в среднем на душу населения, тенге, если не указано иное¹.

Тем не менее, к началу 20-х годов XXI века разрыв в среднедушевых доходах, использованных на потребление, между городом и селом сократился до минимума ведения соответствующей статистики, закрепившись на уровне 22-24%, что можно признать положительной тенденцией постепенного выравнивания стандартов потребления.

Аналогичная ситуация наблюдается с изменением другого важного индикатора – среднедушевыми расходами населения и разницы между ними для городского и сельского населения. Показатель расходов, по нашему мнению, является более репрезентативным, чем доходы, так как отражает фактический уровень потребления граждан, тогда как доходы, во-первых, не в полной мере отражают все имеющиеся поступления и, во-вторых, недостаточно корреспондируются с качеством жизни, которое определяется именно расходами на потребление товаров и услуг. В этой связи показатель среднедушевых расходов населения, в том числе, в сельской и городской местности, мо-

¹ Источник: Индикаторы уровня жизни населения (годовые). Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-life/dynamic-tables/>

жет дать более точное представление как о социально-экономическом положении, так и о различиях в уровне жизни в городе и селе.

Динамика данных показателей приведена на графиках рисунка 8 для периода с 1996 года. В данном случае, так же, как и с другими рассмотренными показателями, имеется выраженное превышение городскими значениями сельских и достаточно значительный разрыв между ними. В то же время, наблюдается тенденция устойчивого и значительного сокращения этого разрыва – если в 1996 году он составлял 2,4 раза, то в 2022 году упал до минимального уровня в 1,3 раза. Эта тенденция и текущие показатели различия в объемах денежных расходов населения в сельской и городской местности свидетельствуют о сокращении разрыва в социально-экономическом положении двух групп населения и выравнивании уровня их жизни. При этом надо учитывать, что в городских условиях некоторые виды расходов существенно превышают сельские и это означает, что реальный разрыв в расходах еще меньше.

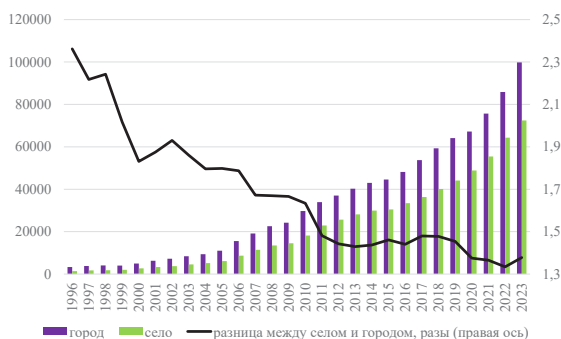

Рисунок 8. Денежные расходы население в среднем на душу населения, тенге, если не указано иное¹.

¹ Источник: Индикаторы уровня жизни населения (годовые). Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-life/dynamic-tables/>

Подводя итог проведенному анализу социально-экономического положения сельского и городского населения Казахстана, можно сделать ряд следующих выводов:

- в период 1986 – 2024 годов наблюдались значительные изменения в социально-экономическом положении сельского и городского населения, а также в различиях между ним в сельской и городской местности;

- в сельской местности отмечалось более значительное, чем в городах, ухудшение социально-экономического положения в период реформ и радикального изменения экономических формаций, происходившего на рубеже 80-90-х годов;

- эти изменения проявились в значительном сокращении роли сельского хозяйства в экономике Казахстана и снижении большинства основных показателей, характеризующих его производственный потенциал, что привело к закономерному снижению уровня социально-экономического положения сельского населения в 90-е годы и резкому увеличению разрыва с городским населением в уровне доходов и качестве жизни;

- с 2000-х годов началось постепенное выравнивание ситуации, которое выражается в сокращении разрыва между городским и сельским населением по основным показателям, характеризующим уровень жизни – доле населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума, доходам домохозяйств, используемым на потребление, среднедушевым расходам населения;

- в период 1986 - 2024 годов в части различий в социально-экономическом положении городского и сельского населения наблюдались две противоположно направленные тенденции – резкое увеличение этих различий с 80-х годов по начало 2000-х на фоне прекращения существования социалистической системы хозяйствования и обострения проблем в сельскохозяйствен-

ном производстве, и постепенное сокращение разрыва с начала 2000-х годов по настоящее время, происходящее на фоне улучшения экономической ситуации в целом и реализации социально-ориентированной экономической политики государства;

- несмотря на положительные тенденции последнего времени, социально-экономическое положение сельского населения продолжает значительно отставать от городского, что выражается в существенных (на 25 – 60 %) разрывах в показателях, характеризующих уровень жизни.

3.4. Основные показатели рынка труда и уровня жизни населения южных регионов Казахстана

Проблематика неравенства социально-экономического развития, в том числе, в части аспектов, рассмотренных выше – межбюджетных отношений и неравенства возможностей местных бюджетов в регионах с различной экономической базой, или неравенства доходов и уровня жизни в городской и сельской местности, – находит яркое отражение в соответствующих показателях регионов юга Казахстана. Эти регионы - Алматинская, Жамбылская, Жетысуская, Кызылординская, Туркестанская области, и город Шымкент, – отличаются особенностями (менее развитая экономическая база, высокая доля сельского населения, низкий уровень бюджетного самообеспечения), обуславливающими отставание стандартов жизни населения от других регионов страны и от среднего по Казахстану уровня. Отстающий уровень социально-экономического развития южных регионов обуславливает ряд проблем и на уровне этих регионов (включая рост протестного потенциала и риск возникновения конфликтных ситуаций), и на национальном уровне, включая межрегиональные дисбалансы разного рода.

Эти дисбалансы имеют особое значение в контексте обеспечения равномерности социальных стандартов на региональном уровне и, в частности, недопущения чрезмерных межрегиональных разрывов в таких ключевых параметрах, как показатели доходов и уровня жизни. Между тем, данные показатели в Казахстане отличаются очень высоким разбросом по различным регионам. Так, по итогам 2023 года средняя заработная плата в регионе с ее максимальным значением (Атырауской области, 607 тыс. тенге), превышала аналогичный показатель в регионе с минимальным значением (Северо-Казахстанская область, 262 тыс. тенге) в 2,3 раза¹. Межрегиональный разброс показателя среднедушевых номинальных денежных доходов еще выше и сложился по итогам 2023 года на уровне 3,6 раза. При этом наиболее проблемным макрорегионом Казахстана в плане отставания показателей доходов и уровня жизни является южный.

Для оценки ситуации в социальной сфере южных регионов Казахстана были проанализированы две группы показателей, оказывающих непосредственное влияние на социальное самочувствие населения, отражающие ситуацию на рынке труда и уровень жизни граждан. В первую группу были включены показатели среднемесячной заработной платы, уровень безработицы и доля неформально занятого населения. Вторую группу показателей составили размер среднедушевых номинальных денежных доходов населения, глубина бедности, доля домохозяйств с доходами ниже прожиточного минимума и соотношение доходов, использованных на потребление, с величиной прожиточного минимума. Для иллюстрации отличий показателей южных регионов от казахстанского уровня были также рассчитаны их

¹ Среднемесячная заработная плата по регионам Республики Казахстан. Заработная плата и условия труда. Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан Бюро национальной статистики. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-wags/> (дата обращения: 19.09.2024).

средний уровень и разница между средним и республиканским уровнями соответствующего индикатора

Поскольку уровень жизни определяется преимущественно трудовыми доходами, которые, в свою очередь, являются производными от состояния рынка труда, анализ социально-экономического положения населения южных регионов целесообразно начать с показателей, характеризующих состояние этого рынка и занятости. В таблице 7 приведены основные показатели рынка труда и занятости в Алматинской, Жамбылской, Жетысуской, Кызылординской, Туркестанской областях, и городе Шымкенте в 2023 году, в сопоставлении с республиканским уровнем соответствующих показателей. Для иллюстрации отличий показателей южных регионов от казахстанского уровня были также рассчитаны их средний уровень и разница между средним и республиканским уровнями соответствующего индикатора.

Таблица 7. Основные показатели, характеризующие состояние рынка труда и занятости в южных регионах Казахстана в 2023 году¹.

	Среднемесячная заработная плата одного работника с учетом малых предприятий, тенге	Среднемесячная заработная плата по регионам Республики Казахстан	Уровень безработицы, %	Уровень молодежной безработицы (15-34 лет)	Доля неформально занятого населения, %
Республика Казахстан	329343	364295	4,7	3,5	12,8
Алматинская	276378	295130	4,7	3,1	19,2
Жамбылская	254428	269125	4,8	3,1	21,7
Жетысуская	250180	269378	4,9	3,8	17,3
Кызылординская	296757	313493	4,9	3,5	8,4
Туркестанская	261341	270660	5	2,8	17,5
г.Шымкент	237047	275659	4,9	3,7	4,6
Средний по южным регионам показатель	262688	282241	4,9	3,3	14,8
Разница среднего по южным регионам и республиканского показателей, %	-20,2	-22,5	3,5	-4,8	15,5

¹ Составлено и рассчитано автором по следующим источникам: Уровень молодежной безработицы (в возрасте 15-34 лет). Занятость и безработица. Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан Бюро национальной статистики. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-empt-unempl/> (дата обращения: 19.09.2024); Уровень безработицы. Занятость и безработица. Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан Бюро национальной статистики. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-empt-unempl/> (дата обращения: 19.09.2024); Численность неформально занятого населения в Республике Казахстан. Занятость и безработица. Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан Бюро национальной статистики. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-empt-unempl/> (дата обращения: 19.09.2024); Заработная плата наемных работников (с учетом малых предприятий, занимающихся предпринимательской деятельностью). Заработная плата и условия труда. Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан Бюро национальной статистики. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-wags/> (дата обращения: 19.09.2024); Среднемесячная заработная плата по регионам Республики Казахстан. Заработная плата и условия труда. Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан Бюро национальной статистики. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-wags/> (дата обращения: 19.09.2024).

Все, за исключением уровня молодежной безработицы, показатели, характеризующие состояние рынка труда в южных регионах, оказались хуже средних по Казахстану значений. При этом два ключевых показателя этой сферы – средняя зарплата (в двух ее измерениях) и уровень безработицы оказались хуже среднего по стране уровня во всех шести южных регионах без исключения, даже в Шымкенте, несмотря на то, что в крупных городах, как правило, ситуация и с занятостью, и с оплатой труда гораздо благополучнее. Характерной особенностью рынка труда в южных областях является приближенность средней зарплаты к минимальным значениям по Казахстану – четыре южных региона из шести (Жамбылская, Жетысуская, Туркестанская области и г. Шымкент) входят в число антилидеров с наименьшим уровнем этого показателя, кроме них, в этом ряду фигурирует только Северо-Казахстанская область. Другой и не менее важной особенностью можно назвать очень высокую долю неформальной занятости, которая в четырех из шести регионов (Алматинская, Жамбылская, Жетысуская и Туркестанская области) значительно превышает средний по Казахстану уровень и колеблется около одной пятой от общей численности занятого населения. Этот показатель представляется особенно важным в контексте фактора возникновения социальной напряженности, поскольку неинкорпорированные в устойчивые трудовые коллективы с определенными социальными гарантиями граждане имеют больше поводов для стресса и меньше сдержек для выплеска негативных эмоций.

Ситуация на рынке труда, в частности, уровень его оплаты, закладывает основы уровня жизни населения, прежде всего, его доходов и производных от них показателей, хотя эта зависимость определяется и другими факторами (например, количеством членов семьи, приходящихся на одного работающего). Ключе-

вые, по нашему мнению, показатели, характеризующие уровень жизни населения, для южных регионов в сопоставлении со средним по Казахстану уровнем приведены в таблице 8 и, так же, как показатели рынка труда, фиксируют ситуацию с заметным их отставанием от показателей республиканского уровня.

Таблица 8. Основные показатели, характеризующие уровень жизни населения в южных регионах Казахстана в 2023 году.¹

	Домашние хозяйства, имеющие доходы ниже величины прожиточного минимума, доля, %	Глубина бедности, в процентах	Соотношение доходов, использованных на потребление, с величиной прожиточного минимума, в процентах	Среднедушевые номинальные денежные доходы населения, тенге
Республика Казахстан	5,2	0,9	186,8	181855
Алматинская	3,6	0,7	171,9	131219
Жамбылская	5,2	0,7	164,3	128843
Жетісу	7,8	1,2	184,8	122190
Кызылординская	6,2	0,7	163,5	131052
Туркестанская	9	1,4	140,6	98497
г.Шымкент	6,4	1,4	146,2	108989
Средний по южным регионам показатель	6,4	1,0	161,9	120132
Разница среднего по южным регионам и республиканского показателей, %	22,4	13,0	-13,3	-33,9

¹ Составлено и рассчитано автором по следующим источникам: Среднедушевые номинальные денежные доходы населения по регионам (годовые). Статистика уровня жизни. Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан Бюро национальной статистики. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-life/> (дата обращения: 19.09.2024); Индикаторы уровня жизни населения (годовые). Статистика уровня жизни. Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан Бюро национальной статистики. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-life/> (дата обращения: 19.09.2024).

Так, среднедушевые номинальные доходы в южных регионах ниже среднего по Казахстану уровня более, чем на треть. Это отставание сильнее, чем по показателю средней зарплаты, что, очевидно, обусловлено упомянутым фактором большей численности семей на юге и большим количеством иждивенцев в расчете на одного работающего и получающего зарплату члена семьи. Меньший уровень доходов обуславливает и отставание других показателей уровня жизни, в частности, более высокую долю населения с доходами ниже прожиточного минимума, более высокий уровень глубины бедности, а также меньшее соотношение доходов, использованных на потребление, с величиной прожиточного минимума. По показателям уровня жизни имеется явно выраженный аутсайдер – Туркестанская область, имеющая худшие значения всех четырех рассмотренных индикаторов, причем зачастую с большим отрывом (например, по доле домохозяйств с доходами ниже прожиточного минимума, или по среднедушевым денежным доходам, которые почти вдвое ниже среднего уровня). В этом отношении ситуация с доходами и уровнем жизни отличается от рассмотренных выше показателей рынка труда, где худшие показатели были распределены среди трех-четырех южных регионов.

В контексте конфликтного потенциала социально-экономических показателей большое значение также имеет дифференциация доходов, которая в общественном сознании часто отождествляется со справедливостью, причем не только оплаты труда или уровня жизни, но и социально-экономической модели в целом. В этой связи уместно отметить, что в последние годы как в академических исследованиях, так и в некоторых практических аспектах понятие справедливости все чаще находит свое приложение в сфере экономических отношений – как в целом, так и в связи с проблематикой доходов населения. Так, с недавне-

го времени в научный оборот было введено понятие «экономической справедливости», а ООН позиционирует экономическую справедливость «как компонент социальной справедливости»¹ и определила ее как «наличие возможностей для полноценной работы и трудоустройства, а также справедливое вознаграждение за производительную деятельность»². Различные подходы к оценке и реализации социальной справедливости широко представлены в современных экономических теориях. Одной из первых из числа наиболее признанных работ, связывающих справедливость и экономику, можно считать «Теорию справедливости» Дж. Роулза, в которой он заявил, что принципы справедливости должны служить частью доктрины политической экономии³. В последнее время отмечается рост интереса исследователей к данной проблематике, который обусловлен не только собственно вопросами социальной справедливости, но и ее влиянием на экономический рост, подтверждение которого фиксируют многие актуальные работы⁴. Превалирующими же векторами научного осмысления справедливости в социально-экономической сфере остаются два основных направления – социальное обеспечение и неравенство доходов, хотя достаточно актуальными проблемами в этой области также являются и обе-

¹ The International Forum for Social Development «Social Justice in an Open World. The Role of the United Nations». United Nations. New York, 2006.

² Там же, с. 14.

³ Rawls J. (1971). A Theory of Justice: Original Edition. Harvard University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctvjf9z6v>

⁴ Li S., Wang B. (2020). Is social justice the superior economic growth model? Comparative analysis on G20 countries, Cogent Social Sciences, 6:1, <https://doi.org/10.1080/23311886.2020.1760413>; Balaceanu C., Apostol D., Penu, D. (2012). Sustainability and social justice. Procedia-Social and Behavioral Sciences, 62(2012), 677–681. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.09.115>; Baccaro L., Pontusson J. (2016). Rethinking comparative political economy: The growth model perspective. Politics & Society, 44(2), 175–207. <https://doi.org/10.1177/0032329216638053>; Piketty T. (2014). Capital in the Twenty-First Century. Belknap Press.

спечение справедливого доступа к ресурсам, равенство возможностей в процессах регистрации и ведения бизнеса, справедливость бюджетного процесса и многие другие¹.

Учитывая преобладающий дискурс в актуальных исследованиях по экономической справедливости, связанный с неравенством доходов, целесообразно и необходимо рассмотреть соответствующие показатели южных регионов Казахстана с точки зрения того, насколько сильным является в них это неравенство и может ли оно выступать в роли катализатора конфликтов, включая межэтнические. Основными показателями неравенства доходов, доступными в казахстанской статистике, являются коэффициент Джини и коэффициент фондов. Данные по этим показателям в сопоставлении с их средними уровнями по Казахстану приведены в таблице 9.

¹ Ebert U. (1997). Social welfare when needs differ: An axiomatic approach. *Economica*, 64(254), 233–244. <https://doi.org/10.1111/1468-0335.00075>; Oldfield K. (2003). Social class and public administration: A closed question opens. *Administration & Society*, 35(4), 438–461. <https://doi.org/10.1177/0095399703254947>; Slesnick D. T. (1989). Specific egalitarianism and total welfare inequality: A decompositional analysis. *The Review of Economics and Statistics*, 71(1), 116–127. <https://doi.org/10.2307/1928058>; Maynard-Moody S., Musheno M. (2012). Social equities and inequities in practice: Street-level workers as agents and pragmatists. *Public Administration Review*, 72(S), 16–23. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6210.2012.02633.x>

Таблица 9. Основные показатели, характеризующие дифференциацию доходов населения в южных регионах Казахстана в 2023 году.¹

	Коэффициент Джини, по 10% группам населения	Соотношение 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения (коэффициент фондов), раз
Республика Казахстан	0,290	5,96
Алматинская	0,243	4,33
Жамбылская	0,254	4,52
Жетісу	0,299	6,16
Кызылординская	0,227	4,12
Туркестанская	0,220	3,97
г.Шымкент	0,204	3,82
Средний по южным регионам показатель	0,241	4,49
Разница среднего по южным регионам и республиканского показателей, %	-16,8	-24,7

В отличие от показателей рынка труда и доходов, рассмотренных выше, данные индикаторы демонстрируют лучшую, по сравнению с республиканским уровнем, ситуацию в южных регионах. И индекс Джини, и коэффициент фондов демонстри-

¹ Составлено и рассчитано автором по следующим источникам: Среднедушевые номинальные денежные доходы населения по регионам (годовые). Статистика уровня жизни. Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан Бюро национальной статистики. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-life/> (дата обращения: 19.09.2024); Индикаторы уровня жизни населения (годовые). Статистика уровня жизни. Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан Бюро национальной статистики. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-life/> (дата обращения: 19.09.2024).

руют меньшие значения во всех, за исключением области Жетысу, рассматриваемых регионах, отражая меньшее расслоение общества по уровню доходов. То есть, внутри данных регионов статистикой фиксируются меньшие разрывы по доходам и благосостояния и, таким образом, дифференциация в уровне жизни не должна являться фактором повышения конфликтности, в том числе, межэтнической.

В целом, анализ текущей ситуации с основными показателями, характеризующими состояние рынка труда, его оплату, и доходы населения, демонстрирует существенное отставание южных регионов Казахстана от средних по стране уровней, что может рассматриваться как фактор усиления бедности и, как следствие, социальной напряженности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Becker, C., S. Human Capital. A Theoretical and Empirical Analysis with Special References to Education, 3-th edition, The University of Chicago Press, 1993.

2. Di Bartolo, A. Modern Human Capital Analysis: Estimation of US, Canada and Italy Earning Functions). Working Paper No. 212, Dipartimento di Statistica, Università degli studi di Milano-Bicocca, 1999.

3. Human Capital Management Assessment Blueprint Tool. Grameen Foundation, USA, 2011. URL: <https://sptf.info/images/RC-Dim-5-Grameen-Foundation-HCM-Assessment-Blueprint-Tool.pdf> (дата обращения: 7.04.2023).

4. S. Dust. A Field Guide to Human Capital Assessments. URL: <https://static1.squarespace.com/static/56cb005c9f7266019ea848bb/t/61314f6454e0086789d90a26/1630621541146/A+Field+Guide+to+Human+Capital+Assessments+Doc+Final.pdf> (дата обращения: 7.04.2023).

5. The Human Capital Project in Sub-Saharan Africa: Stories of Progress. The World Bank, November 5, 2018. URL: <https://www.worldbank.org/en/region/afr/publication/the-human-capital-project-in-sub-saharan-africa-stories-of-progress> (дата обращения: 7.04.2023).

6. Investing in Human Capital for a Resilient Recovery : The Role of Public Finance. The World Bank, 2021. URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/changing-wealth-of-nations/publication/investing-in-human-capital-for-a-resilient-recovery-the-role-of-public-finance> (дата обращения: 7.04.2023).

7. Building Human Capital : Lessons from Country Experiences - Ireland. World Bank, 2021. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/ed852279-ff4c-564f-9571-900a1865a09b> (дата обращения: 7.04.2023).

8. М. УИ Нақ. The Advent of the Human Development Report/ Reflections on Human Development. Oxford University Press, 1995.

9. А. Сен. The ends and means of development /Development as Freedom. Oxford University Press, 1999; F. Stewart. Capabilities and

Human Development: Beyond the individual – the critical role of social institutions and social competencies. Human Development Report Office Occasional Paper, 2013/03.

10. Human Development Report 1990. Published for the United Nations Development Programme (UNDP). New York, Oxford. Oxford University Press, 1990. – p 189.

11. Human Development Report 1991. Published for the United Nations Development Programme (UNDP). New York, Oxford. Oxford University Press, 1991. P.15.

12. Human Development Report 1993. Published for the United Nations Development Programme (UNDP). New York, Oxford. Oxford University Press, 1993. P.11.

13. Human Development Report 2000. Human Rights and Human Development. Posted on: JANUARY 01, 2000. UNDP. URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2000> (дата обращения: 5.04.2023).

14. HDI Dataset. Human Development Index (HDI). UNDP. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index#/indicies/HDI> (дата обращения: 6.04.2023).

15. Human Development Indices and Indicators 2018. Statistical Update. P.22. UNDP. URL: <https://hdr.undp.org/content/statistical-update-2018> (дата обращения: 17.04.2023).

16. The 2021/2022 Human Development Report. United Nations Development Programme, 2022. P.272.

17. Доклад о человеческом развитии 2021/2022. Резюме. С. 11. UNDP. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index#/indicies/HDI> (дата обращения: 12.04.2023).

18. Индекс человеческого капитала / Гуманитарный портал: Исследования [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2006–2022 (последняя редакция: 23.12.2022). URL: <https://gtmarket.ru/ratings/human-capital-index> (дата обращения: 11.04.2023).

19. Проект развития человеческого капитала. Всемирный банк. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/human-capital> (дата обращения: 11.04.2023).

20. Eckardt, M. (2021). The Impact of ICT on Policies, Politics, and Politics-An Evolutionary Economics Approach to Information and

Communication Technologies (ICT). In: Herberger, T.A., Dötsch, J.J. (eds) *Digitalization, Digital Transformation and Sustainability in the Global Economy*. Springer Proceedings in Business and Economics. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-77340-3_4

21. Pelters, E. (2021). Corporate Digital Responsibility—Understanding and Applying. In: Herberger, T.A., Dötsch, J.J. (eds) *Digitalization, Digital Transformation and Sustainability in the Global Economy*. Springer Proceedings in Business and Economics. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-77340-3_6

22. Kölle, A. (2021). Digital Sustainable Leadership. In: Herberger, T.A., Dötsch, J.J. (eds) *Digitalization, Digital Transformation and Sustainability in the Global Economy*. Springer Proceedings in Business and Economics. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-77340-3_10

23. Choi, C., Yi, M. (2009). The effect of the Internet on economic growth: Evidence from cross-country panel data. *Economics Letters*, 105 (1), 39-41. <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2009.03.028>.

24. Czernich, N., Falck O., Kretschmer T., Woessmann L. (2009). *Broadband Infrastructure and Economic Growth*. <http://papers.ssrn.com/abstract=1516232>

25. Manyika, J. & Roxburgh, C. (2011). The great transformer: The impact of the Internet on economic growth and prosperity. <https://www.mckinsey.com/industries/technology-media-and-telecommunications/our-insights/the-great-transformer>

26. Bahrini R, Qaffas A. (2019). Impact of Information and Communication Technology on Economic Growth: Evidence from Developing Countries. *Economies*, 7(1). 21-32. <https://doi.org/10.3390/economies7010021>

27. Vu, M. (2011). ICT as a source of economic growth in the information age: empirical evidence from the 1996–2005 period. *Telecommunication Policy*, 35, 357–72. <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2011.02.008>

28. Afonaso M., Panfilova E., Galichkina M., Lusarczyk B. (2019). Digitalization in economy and innovation: the effect on social and economic processes. *Polish Journal of Management Studies*, 19, 22–32. <https://doi.org/10.17512/pjms.2019.19.2.02>

29. Pan W., Xie T., Wang Z.W., Ma L.S. (2022). Digital economy: an innovation driver for total factor productivity. *Journal of Business Research*, 139, 303–311. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2021.09.061>

30. Aker, J., Mbiti, I. (2010). Mobile Phones and Economic Development in Africa. *Journal of Economic Perspectives*, 24 (3), 207-32. <https://doi.org/10.1257/jep.24.3.207>

31. Ward M.R., Zheng Sh. (2016). Mobile telecommunications service and economic growth: Evidence from China. *Telecommunications Policy*, 40 (2–3), 89-101. <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2015.06.005>.

32. Dabbous A., Barakat K.A., Kraus S. (2023). The impact of digitalization on entrepreneurial activity and sustainable competitiveness: A panel data analysis. *Technology in Society*, 73, 102224. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2023.102224>.

33. Искусственный интеллект может радикально изменить рынок труда в Казахстане – эксперт. *Informburo.kz*, 13.12.2024. <https://informburo.kz/interview/iskusstvennyi-intellekt-mozet-radikalno-izmenit-rynok-truda-v-kazaxstane-ekspert>

34. Влияние автоматизации и искусственного интеллекта на рынок труда в Казахстане оценили в ЦТР. Министерство труда и социальной защиты Республики Казахстан, 26 июня 2023. <https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/579455?lang=ru>

35. Добыча минералов, туризм и ИТ — в Международной организации труда назвали сферы для устройства на работу в Казахстане. *Казинформ*, 4.03.2025. <https://www.inform.kz/ru/dobichamineralov-turizm-iit-vmezhdunarodnoy-organizatsii-truda-nazvalisferi-dlya-trudoustroystva-vkazahstane-80e0a9>

36. Berg A, Buffie EF, Zanna L-F (2018) Should we fear the robot revolution? (The correct answer is yes). *J Monet Econ* 97:117–148. <https://doi.org/10.1016/j.jmoneco.2018.05.01>

37. Zuo, M., Zhao, Y. & Yu, S. Industrial robot applications and individual migration decision: evidence from households in China. *Humanit Soc Sci Commun* 11, 1022 (2024). <https://doi.org/10.1057/s41599-024-03542-z>

38. Westerman, G., Bonnet, D., & McAfee, A. (2014). The nine elements of digital transformation. *MIT Sloan Management Review*, 55(3), 1–6.

39. Matt, C., Hess, T., & Benlian, A. (2015). Digital transformation strategies. *Business & Information Systems Engineering*, 57(5), 339–343.

40. Liere-Netheler, K., Packmohr, S., & Vogelsang, K. (2018). Drivers of digital transformation in manufacturing.

41. Jonny Holmström. From AI to digital transformation: The AI readiness framework. *Business Horizons*, Volume 65, Issue 3, 2022, Pages 329-339, <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2021.03.006>.

42. Thomas Schneider. Digitalization and Artificial Intelligence. Use by and in Controlling. Springer Gabler Wiesbaden, 2023. <https://doi.org/10.1007/978-3-658-40383-6>

43. Burton, Jr. J. F. Readings in Labour Market Analysis / Burton, Jr. J. F., Benham, L. K., Vaughn III W. M., Flanagan R. J. (eds). - New York: Holt Rinehart and Winston, Inc., 1971. – 448 p.

44. Vincents, J. Research into Labour Market Behaviour / Vincents, J., Robinson, D. - Paris: OECD, 1974. – 112 p.

45. Krimpas G. E. Labour Impact and Theory of Labour Market / Krimpas G. E. - London: Duckworth, 1975. – 213 p.

46. Kalleberg A. The Sociology of Labor Markets / Kalleberg A., Sorensen, A. // *Annual Review of Sociology*. – 1979. - №5. - P. 351-379.

47. Autor D.H. The “task approach” to labor markets: an overview / Autor D.H. // *Journal for Labour Market Research*. – 2013. - Volume 46. – P.185–199.

48. Borghans, L. Concepts and methodology for labour market forecasts by occupation and qualification in the context of a flexible labour market / Borghans, L, de Grip, A., Heijke, H. - Thessaloniki: Research Centre for Education and the Labour Market, 1996. – 42 p.

49. Schütz, H. Benchmarking labour market performance and labour market policies: Theoretical foundations and applications / Schütz, H., Speckesser, S., Schmid G. // *WZB Discussion Paper*. - No. FS I 98-205. – Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung, 1998. – 71 p.

50. Капелюшников Р.И. Движение рабочей силы и рабочих мест в российской промышленности / Капелюшников Р.И. // *Вопросы экономики*. – 1998. - № 2. - С. 96-114.

51. Вечканов Г.С. Новая методология и теория рынка труда (о нобелевских лауреатах по экономике 2010 г.) / Вечканов Г.С. // Общество. Среда. Развитие. - 2014. - № 2 (31). - С. 36-44.

52. Былков В.Г. Предложение на рынке труда: методология, природа формирования / Былков В.Г. // Baikal Research Journal. - 2017. - Т. 8. № 4. - С.1-11.

53. Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации / Капелюшников Р.И. – Москва: ГУВШЭ, 2001. – 308 с.

54. Шуваева Е.В. Методология цикличности регионального рынка труда / Шуваева Е.В. // Актуальные вопросы современной экономической науки. Сборник докладов IV-й Международной научной заочной конференции. Отв. ред. А.В. Горбенко. - Ставрополь: СКГТУ, 2011. - С. 47-51.

55. Яковлева Т.Н. Методология оценки цивилизованности рынка труда в России / Яковлева Т.Н. // Актуальные вопросы экономической теории: развитие и применение в практике российских преобразований. Четвертая всероссийская научно-практическая конференция: материалы конференции. – Уфа: УГАТИ, 2015. - С. 56-62.

56. Берешев С. Х. Регламентация гибких форм занятости в республике Казахстан / Берешев С. Х. // Уровень жизни населения регионов России. - 2018. - Том 14. № 4. - С. 18-23. DOI: <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2018-10035>

57. Калиева С.А. Анализ молодежного рынка труда в Республике Казахстан в условиях глобальных вызовов / Калиева С.А., Буйтек Э.К., Мельдаханова М.К. // Экономика: стратегия и практика. – 2020. - № 15(4). – С. 81-88.

58. Вишневская Н.Г. Рынок труда стран СНГ: сравнительный анализ конъюнктурных особенностей / Вишневская Н.Г. // Региональная экономика: теория и практика. - 2015. - № 37 (412). - С. 58-71.

59. Кашепов А. В. Структурные сдвиги в занятости населения России / Кашепов А. В. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. - 2013. - №4 (30). - С. 129-136.

60. Занятость и рынок труда: новые реалии, национальные приоритеты, перспективы / под ред. Л.С.Чижовой. М.: Наука, 1998. – 254 с.

61. Воробьева О. Д. Оценка качества структурных сдвигов в занятости населения в современной России / Воробьева О. Д., Топилин А. В. // Научные труды ИМП РАН. - 2018. - № 16. - С. 494 – 504.

62. Додонов, В. (2022). Изменение отраслевой структуры занятости населения Казахстана в периоды турбулентности внешнеэкономической среды. Казахстан-Спектр, 103(3). извлечено от <https://journal-ks.kisi.kz/index.php/ks/article/view/132>

63. Гроздилов С.В., Баруздин П.Ю. Справедливость в системе социально-экономических отношений: теоретические и институциональные аспекты // Уровень жизни населения регионов России, №. 1, 2019, 89-97. <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10057>

64. Шахова Г. Я., Крадинов П. Г., Маненок, П. Л. (2012). Долгосрочная устойчивость бюджетной системы // Финансовый журнал, (4), - С. 5-18.

65. Балынин И. В. Введение прогрессивного налогообложения доходов физических лиц в Российской Федерации в контексте обеспечения социальной справедливости / И. В. Балынин // Финансы и кредит. – 2016. – № 31(703). – С. 15-31.

66. Кузнецова О. Социальные аспекты федеральной региональной политики / О. Кузнецова // SPERO. Социальная Политика: Экспертиза. Рекомендации. Обзоры. – 2008. – № 9. – С. 23-36.

67. Петрова Е. В. О проблемах распределения налога на доходы физических лиц между бюджетами разных уровней. Анализ зарубежного опыта // Успехи современного естествознания. – 2007. – № 9. – С. 101-113.

68. Беткараев С.Б. О сущности и принципах межбюджетных отношений // Финансы и кредит, №. 21 (357), 2009. - С. 68-72.

69. Исаева М.Г., Нурланова Н.К. Методы и практика оценки уровня устойчивости развития регионов Казахстана. - Алматы: Институт экономики МОН РК, 2006. - С. 26.

70. Бримбетова Н.Ж. Модернизация территориального развития Казахстана: методология и приоритеты - Алматы: Институт экономики КН МОН РК, 2011. - С. 11-12.

71. Нурланова Н.К., Бримбетова Н.Ж., Бурлаков Л.Н., Дауранов И.Н., Кенжебаева А.А., Киреева А.А. Формирование системы

местного самоуправления в Казахстане: особенности и перспективы. Монография. – Вена: Ассоциация перспективных исследований и высшего образования «Восток–Запад», 2015. – 208 с.

72. Берстембаева Р.К., Асилова А.С., Исакаов Б.М. Проблемы исполнения государственного бюджета Республики Казахстан в условиях глобальной реальности // Вестник университета «Туран». 2018;(2). – С. 132-139.

73. Салимова Ж. Влияние межбюджетных отношений на региональную политику в Казахстане // Экономика и статистика. - 2012. - №4. - С. 83-87.

74. Исахова А.С. Межбюджетные отношения в современном Казахстане // Вестник КазНУ. Серия экономическая. №3 (97). 2013. - С. 88-95.

75. Easterly, W., Levine, R. Africa's growth tragedy: policies and ethnic divisions // The quarterly journal of economics. 1997. – Vol. 112. Iss. 4/ p. - 1203-1250.

76. Karnane, P., Quinn, M. Political instability, ethnic fractionalization and economic growth // International Economic Policy. 2019. No 16. P. - 435–461. DOI:10.1007/s10368-017-0393-3.

77. Van Staveren, I, Pervaiz, Z. Is it Ethnic Fractionalization or Social Exclusion, Which Affects Social Cohesion? // Social Indicators Research. 2017. Vol.130. Iss. 2. P. - 711-731. DOI:10.1007/s11205-015-1205-1.

78. Campos, N., Kuzeyev, V. On the Dynamics of Ethnic Fractionalization // American Journal of Political Science. 2007. Vol. 51. Iss. 3, p. 620–639. Available at: <http://www.jstor.org/stable/4620088>

79. Dincer, O., Wang, F. Ethnic diversity and economic growth in China // Journal of Economic Policy Reform. 2011. Vol. 14. Iss. 1., P. 1-10.

80. Буфетова А.Н., Коломак Е.А., Михалёва М.М. Национальное разнообразие и экономическое развитие регионов России. Мир экономики и управления. 2017. Т. 17. № 3. С. - 143–157. DOI:10.25205/2542-0429-2017-17-3-143-157

81. Wimmer, A. Is Diversity Detrimental? Ethnic Fractionalization, Public Goods Provision, and the Historical Legacies of Stateness // Comparative Political Studies. 2016. Vol. 49. Iss. 11. P. - 1407–1445. DOI:10.1177/0010414015592645.

82. Alesina, A., Devleeschauwer A., Easterly W., Kurlat S., Wacziarg R. Fractionalization // *Journal of Economic Growth*. 2003. Vol. 8. Iss. 2. P. - 155–194. Available at: <http://www.jstor.org/stable/40215942>

83. Wang, Y. Decomposing the entropy index of racial diversity: in search of two types of variance // *Annals of Regional Science*. 2012. No. 48. P. - 897–915. DOI:10.1007/s00168-010-0426-0

84. Esteban, J., Ray, D. On the measurement of polarization // *Econometrica*. 1994. No. 62. P. - 819–851.

85. Bossert, W., D'Ambrosio, C., Ferrara, E. A Generalized Index of Fractionalization // *Economica*. 2011. No. 78. P. - 23-36. DOI:10.1111/j.1468-0335.2010.00844.x.

86. Kolo, P. Measuring a new aspect of ethnicity: The appropriate diversity index // *IAI Discussion Papers*. 2012. No. 221. p – 61.

87. Drazanova, L. Introducing the Historical Index of Ethnic Fractionalization (HIEF). Accounting for Longitudinal Changes in Ethnic Diversity // *Journal of Open Humanities Data*. 2020. Vol.6. Iss. P.- 45-67. 6. DOI:10.5334/johd.16

88. Desmet, K., Ortuño-Ortín, I., Wacziarg, R. The Political Economy of Linguistic Cleavages // *Journal of Development Economics*. 2012. Vol. 97. Iss. 2., p. - 322–338.

89. Sturm, J., De Haan, J. Income Inequality, Capitalism, and Ethno-Linguistic Fractionalization // *The American Economic Review*. 2015. Vol. 105. Iss. 5. P. - 593–597. Available at: <http://www.jstor.org/stable/43821951>.

90. Fearon, J. Ethnic and Cultural Diversity by Country // *Journal of Economic Growth*. 2003. Vol. 8. Iss. 2. P. - 195–222. DOI:10.1023/A:1024419522867.

91. Posner, D. Measuring Ethnic Fractionalization in Africa // *American Journal of Political Science*. 2003. Vol. 48. Iss. 4. P. - 849–863. DOI: 10.2307/1519937

92. Alesina, A., La Ferrara, E. Participation in Heterogeneous Communities // *Quarterly Journal of Economics*. 2000. No. 115. – P. 847–904.

93. Desmet, K., Ortuño-Ortín, I., Wacziarg, R. Linguistic Diversity and Redistribution. *Journal of the European Economic Association*. 2009. Vol. 7. Iss. 6. – P. 1291–1318.

94. Рожина Е. А. Оценка влияния этнического разнообразия в регионах России на диверсификацию экономики / Е.А. Рожина, Р.И. Васильева. – Текст : электронный // Весенние дни науки : сборник докладов Международной конференции студентов и молодых ученых (Екатеринбург, 21–23 апреля 2022 г.). – Екатеринбург : УрФУ, 2022. – С. 1450-1453.

95. Caraballo, M., Buitrago, E. Ethnolinguistic Diversity and Education. A Successful Pairing // Sustainability. 2019. Vol. 11. Iss. 23. DOI:10.3390/su11236625

96. Barro, R. Inequality and Growth in a Panel of Countries // Journal of Economic Growth. 2000. Vol. 5. Iss. 1. p. 5–32.

97. Hotard, M. Differences Lead to Differences: Diversity and Income Inequality Across Countries // Master's Theses - Economics. 2008. Available at: <https://ir.library.illinoisstate.edu/mte/13>

98. Casey, G., Owen, A. Inequality and fractionalization // World Development. 2014. No. 56. P. - 32–50.

99. Hodler, R., Srisuma, S., Vesperoni, A., Zurlinden, N. Measuring Ethnic Stratification and its Effect on Trust in Africa // CESifo Working Paper. 2018. Article No. 7405. DOI:10.2139/ssrn.3338759

100. Milanovic, B. Is inequality in Africa really different? // Policy Research Working Paper Series 3169. The World Bank. Washington, DC: 2003

101. Dincer, O., Lambert, P. Taking care of your own: ethnic and religious heterogeneity and income inequality // Journal of Economic Studies. 2012. Vol. 39. Iss. 3. P. - 290-313. DOI:10.1108/01443581211245883

102. Chadha, N., Nandwani, B. Ethnic fragmentation, public good provision and inequality in India, 1988–2012 // Oxford Development Studies. 2018. Vol. 46. Iss. 3. P. - 363-377. DOI:10.1080/13600818.2018.1434498

103. Muller, C. Ethnic inequality and community activities in Indonesia // WIDER Working Paper Series. 2016. World Institute for Development Economic Research (UNU-WIDER). Article No wp-2016-170.

104. Lewis, W. A. (1954). Economic development with unlimited supplies of labour. The Manchester School, 22(2), 139–191.

105. Kuznets, S. 1955. Economic Growth and Income Inequality. *American Economic Review* 45 (March): 1–28.

106. Krishna, A. (2019). Rural-urban inequality and poverty. In G. Antonelli & B. Rehbein (Eds.), *Inequality in economics and sociology. New perspectives* (pp. 162–173). Routledge.

107. Jian Chen, Belton M. Fleisher. Regional Income Inequality and Economic Growth in China. *J. Comp. Econ.*, 22 (1996), pp. 141-164

108. Betancourt, R., & Gleason, S. (2000). The allocation of publicly-provided goods to rural households in India: On some consequences of caste, religion and democracy. *World Development*, 28(12), 2169–2182.

109. Whyte, M. (2010). The paradoxes of rural-urban inequality in contemporary China. In M. Whyte (Ed.), *One country two societies: Rural urban inequality in contemporary China*. Harvard University Press.

110. Harriss, J., Moore, M. (1984). *Development and the rural urban divide*. Routledge.

111. Connell, J., Dasgupta, B., Laishley, R., & Lipton, M. (1976). *Migration from rural areas: The evidence from village studies*. Oxford University Press.

112. Stark, O., Bloom, D. (1985). The new economics of labour migration. *The American Economic Review*, 75(2), 173–178.

113. Pattenden, J. (2012). Migrating between rural raichur and boomtown Bangalore: Class relations and the circulation of labour in South India. *Global Labour Journal*, 3(1), 163–190.

114. Martina, M., Bruce, W. (1999). Inequality in earnings at the close of the twentieth century. *Annual Review of Sociology*, 25(1), 623–657.

115. Nielsen, F., Alderson A. S. (1997). The Kuznets curve and the great U-turn: income inequality in US counties, 1970 to 1990. *American Sociological Review*, 12–33.

116. Peters, D.J. (2012). Income inequality across micro and meso geographic scales in the Midwestern United States, 1979–2009. *Rural Sociology*, 77(2), 171–202.

117. Ciaschi, M., Costa, R. D., Macedo, R., Paffhausen, A. L., & Sousa, L. D. (2020). A reversal in shared prosperity in Brazil. World Bank.

118. de Freitas Barbosa, A., Cacciamali, M. C., & Rodgers, G. (2017). *Growth and inequality: The contrasting trajectories of India and Brazil*. Cambridge University Press.

119. Kanbur, R., Wang, Y., & Zhang, X. (2021). The great Chinese inequality turnaround. *Journal of Comparative Economics*, 49(2), 467–482.

120. Быстрицкая А. Ю. Сравнительная характеристика уровня жизни городского и сельского населения России // Научный альманах Центрального Черноземья. – 2014. – № 3. – С. 26-28.

121. Антончева О. А., Апанасенко Т.Е. Сокращение социального неравенства между городским населением и жителями сельской местности: сравнительный опыт России и Китая // Управленческое консультирование. – 2021. – № 1(145). – С. 61-76. – DOI 10.22394/1726-1139-2021-1-61-76.

122. Рубцова В. Н., Муханбетчина М.С. Преодоление социально-экономического неравенства сельских территорий Казахстана // Вестник Саратовского госагроуниверситета им. Н.И. Вавилова. – 2013. – № 5. – С. 91-93.

123. Fei, John C. H., Gustav Ranis. *Development of the Labor Surplus Economy: Theory and Policy*, The Economic Growth Center, Yale University, 1964, pp. x, 324.

124. Williamson, J.G. (1965) *Regional Inequality and the Process of National Development: A Description of Patterns*. *Economic Development and Cultural Change*, 13, 3-47. <http://dx.doi.org/10.1086/450136>

125. Theil, H. *Economics and Information Theory*. North-Holland, 1967.

126. Atkinson, Anthony B., 1970. “On the measurement of inequality,” *Journal of Economic Theory*, Elsevier, vol. 2(3), pages 244-263.

127. Железняков С. С., Подосинников Е.Ю. Диагностика территориальной дифференциации регионов ЦФО // Социально-экономические явления и процессы. – 2015. – Т. 10, № 11. – С. 13-22.

128. Кондаурова И. А. Дифференциация доходов домохозяйств: способы сбора данных // Сборник научных работ серии «Государственное управление». – 2022. – № 26. – С. 172-178. – DOI 10.5281/zenodo.6884083.

129. Amromin, G., De Nardi, M. & Schulze, K. (2018). Household Inequality and the Consumption Response to Aggregate Real Shocks. *Economic Perspectives*. <https://doi.org/10.21033/ep-2018-1>.

130. Blundell, R. & Etheridge, B. (2010). Consumption, Income and Earnings Inequality in Britain. *Review of Economic Dynamics*, 13(1): 76–102. <https://doi.org/10.1016/j.red.2009.10.004>.

131. Cai, H., Chen, Y. & Zhou, L. (2010). Income and Consumption Inequality in Urban China: 1992–2003. *Economic Development and Cultural Change*, 58(3): 385–413. <https://doi.org/10.1086/650423>.

132. De Magalhães, L. & Santaclàudia-Llopis, R. (2018). The consumption, Income, and Wealth of the Poorest: An Empirical Analysis of Economic Inequality in Rural and Urban SubSaharan Africa for Macroeconomists. *Journal of Development Economics*, 134: 350–371. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2018.05.014>.

133. Borozan, B. Regional-level household energy consumption determinants: The european perspective. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, Volume 90, 2018, Pages 347-355, <https://doi.org/10.1016/j.rser.2018.03.038>

134. Cabello Eras, J.J., Mendoza Fandiño, J.M., Gutiérrez A.S., Bayona H.G., German S. The inequality of electricity consumption in Colombia. Projections and implications. *Energy*, Volume 249, 2022, 123711, <https://doi.org/10.1016/j.energy.2022.123711>.

135. Hayashi, T. Measuring rural–urban disparity with the Genuine Progress Indicator: A case study in Japan. *Ecological Economics*, Volume 120, 2015, Pages 260-271.

136. Rui Santos, P.B. Measuring sustainable welfare: A new approach to the ISEW. *Ecological Economics*, Volume 69, Issue 4, 2010, Pages 810-819.

137. Posner, S.M., Costanza, R. A summary of ISEW and GPI studies at multiple scales and new estimates for Baltimore City, Baltimore County, and the State of Maryland. *Ecological Economics*, Volume 70, Issue 11, 2011, Pages 1972-1980.

138. Urbanization: expanding opportunities, but deeper divides. United Nations. Department of Economic and Social Affairs. URL: <https://www.un.org/fr/desa/urbanization-expanding-opportunities-deeper-divides> (дата обращения: 12.12.2024).

139. LAC Equity Lab: Income Inequality - Urban/Rural Inequality. World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/poverty/lac-equity-lab1/income-inequality/urban-rural-inequality> (дата обращения: 12.12.2024).

140. The International Forum for Social Development «Social Justice in an Open World. The Role of the United Nations». United Nations. New York, 2006.

141. Rawls J. (1971). *A Theory of Justice: Original Edition*. Harvard University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctvjf9z6v>

142. Li S., Wang B. (2020). Is social justice the superior economic growth model? Comparative analysis on G20 countries, *Cogent Social Sciences*, 6:1, <https://doi.org/10.1080/23311886.2020.1760413>

143. Balaceanu C., Apostol D., Penu, D. (2012). Sustainability and social justice. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 62(2012), 677–681. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.09.115>.

144. Baccaro L., Pontusson J. (2016). Rethinking comparative political economy: The growth model perspective. *Politics & Society*, 44(2), 175–207. <https://doi.org/10.1177/0032329216638053>

145. Piketty T. (2014). *Capital in the Twenty-First Century*. Belknap Press.

146. Ebert U. (1997). Social welfare when needs differ: An axiomatic approach. *Economica*, 64(254), 233–244. <https://doi.org/10.1111/1468-0335.00075>.

147. Oldfield K. (2003). Social class and public administration: A closed question opens. *Administration & Society*, 35(4), 438–461. <https://doi.org/10.1177/0095399703254947>

148. Slesnick D. T. (1989). Specific egalitarianism and total welfare inequality: A decompositional analysis. *The Review of Economics and Statistics*, 71(1), 116–127. <https://doi.org/10.2307/1928058>

149. Maynard-Moody S., Musheno M. (2012). Social equities and inequities in practice: Street-level workers as agents and pragmatists. *Public Administration Review*, 72(S), 16–23. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6210.2012.02633.x>

Научное издание

Додонов В.Ю.

**ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ
ТРАНСФОРМАЦИИ КАЗАХСТАНСКОГО СОЦИУМА:
ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

РГП на ПХВ «Институт философии, политологии
и религиоведения» КН МНВО РК

Дизайн обложки: ***Б. Леснек***
Верстка: ***Ж. Рахметова***

Подписано в печать 18.09.2025.
Тираж 500 экз. Формат 170x240 ¹/₁₆
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 11,5.

Отпечатано в типографии ИП «2VLab»
г. Алматы, улица Кожамкулова, дом 229, кв/офис 37.